

Изда-Читальна

СБОРНИК СТИХОВ

Лауреаты конкурса
«Пятая стихия»
Международной
литературной премии
имени Игоря Царёва
(2015 год)

Имба-Читальня

СБОРНИК СТИХОВ

лауреатов

Второго поэтического конкурса «Пятая стихия»

Международной литературной премии

имени Игоря Царёва

(сезон 2015 г.)

Москва, 2016

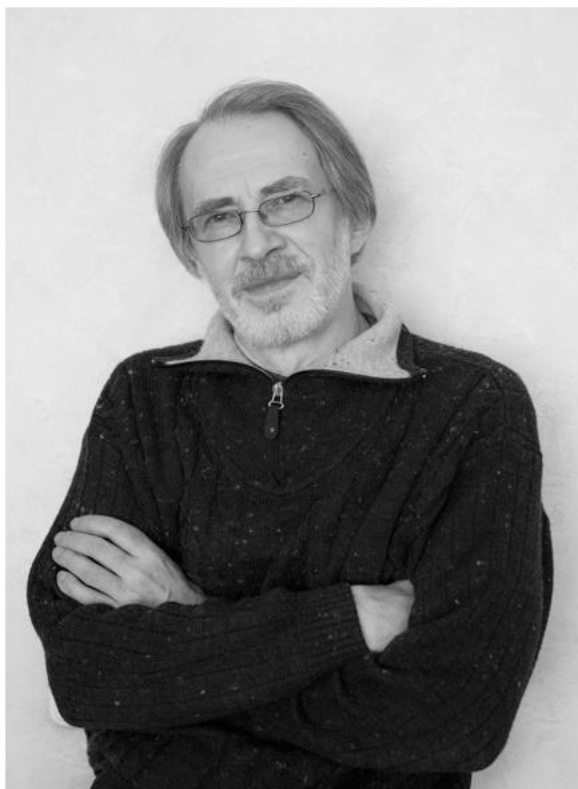
Эта книга – вторая из серии поэтических сборников, в которые войдут подборки произведений авторов, отмеченных Конкурсной комиссией ежегодной Международной литературной премии имени Игоря Царёва. Поэтому у тех, кто уже знаком с первым сборником стихов «Пятая стихия», не должны вызывать удивления повторяющиеся в каждом томе тексты «Аннотации» и «Предисловия» от издателя – ведь будут и те, кто прочитает их впервые...

Аннотация

«Искусство создавать новые миры с помощью слова, как и умение видеть за словом эти миры, деградирует и отмирает. За ненужностью. <...> Телекартинка, как и лапша быстрого приготовления, действительно облегчает людям жизнь. Но всё это вовсе не означает, что поэзия со временем исчезнет. Поэзия бессмертна. Сам Создатель, на мой взгляд, – поэт. Смена времён года и другие временные циклы – что это, как не рифмы на языке Вечности? Так что поэзия, независимо от конъюнктуры, всегда будет с людьми», - писал Игорь Царёв.

Избыточная информация, которую поглощает современный читатель, порой не позволяет вычленивать из общей массы достойные поэтические произведения. И мы заполняем возникший вакуум именами из прошлого века или именами с голубого экрана, порой даже не подозревая, что в просторах виртуального пространства уже родились новые Поэты...

Эта книга – сборник стихов наших современников. Хочется верить, что среди них есть те, чьи имена когда-нибудь будут стоять в одном ряду с именами своих великих предшественников.

*Гроза над Становым хребтом
В шаманские грохочет бубны,
И парходик однотрубный,
Взбивая сумерки винтом,
Бежит подальше от греха
К причалу, пахнущему тесом,
Туда, где дремлет над утесом
Благословенный город «Ха».*

*Я с детства помню тальники
И лопухие саранки,
И уходящие за рамки
Кварталы около реки,
Коленопреклоненный дом
В дыму сирени оголтелой...
И до сих пор сквозь все пределы
Я этим городом ведом...*

*Игорь Царёв
«Город Ха»*

ПРЕДИСЛОВИЕ

4 апреля 2013 г. ушел из жизни замечательный русский поэт Игорь Царёв.

Уроженец Приморья, детство и юность проведший в Хабаровске, студенческие годы – в Ленинграде (Санкт-Петербург), свои последние 30 лет он прожил в Москве. Работал в «Московском комсомольце», «Труде», «Российской газете». Член Союза журналистов, член Союза писателей России, автор 12 научно-популярных книг, более 1000 публикаций в СМИ, он писал стихи, которые были высоко оценены мировым литературным сообществом.

Подборки стихов Игоря Царёва публиковались в российских и международных литературных журналах и альманахах, таких, как «Поэзия», «Воскресенье», «Заблудившийся трамвай», «45-я параллель», «Зарубежные задворки», «Ковчег», «Сибирские огни», «Дальний Восток», «Каштановый дом», «Чайка», «Окна», «АКМЕ», «Лит-э-лит» и многих других.

Он был лауреатом и призером многих российских и международных поэтических конкурсов. Только за последние пять лет жизни стал победителем конкурсов «Споемте, друзья – 2008», «Серебряный стрелец – 2008», «Заблудившийся трамвай – 2011», премии «Поэт года – 2012», Международного конкурса художественного творчества «По Чехову», Международного конкурса Всероссийского фестиваля авторской песни имени Валерия Грушина в номинации «Большая поэзия», обладателем Гран-при международного конкурса «45-й калибр», приза президента Союза писателей XXI века, приза литературно-музыкального салона «Дом Берлиных» (Лос-Анджелес) – 2013 год...

Игорь Царёв награжден «Золотой Есенинской медалью», медалью А.С.Грибоедова, дипломами «Золотое перо Московии», «Золотое перо Руси», «За верное служение Русской культуре и литературе», имени В.И.Вернадского, имени Александра Блока и многими другими.

В 2002 году вышла книга его стихов «Море камни не считает». В 2011 году был издан сборник стихов «Соль мажор». В 2013 году в сети выпущен сборник «Переводы с языков пламени». В 2014 году - сборник стихов «Любя и веря вопреки...»

В память о поэте Игоре Царёве, для сохранения его литературного наследия, а также в целях поощрения творчества граждан России и иностранных государств по созданию литературных произведений на русском языке, для сохранения и приумножения традиций русской словесности **11 ноября 2013 года была учреждена ежегодная Международная литературная премия «Пятая стихия» имени Игоря Царёва.**

Учредителями премии стали: Ирина Борисовна Царёва – жена Игоря Царёва, член СП России, писатель; Вадим Петрович Могила – отец Игоря Царёва, профессор; Марк Григорьевич Розовский – драматург, режиссёр театра «У Никитских ворот»; Людмила Николаевна Мережко – заслуженный работник культуры РФ, директор Московского литфонда; Международный поэтический альманах «45-я параллель»; Международный литературный журнал «Зарубежные задворки» (Германия); проект «Русское безружье» (США); Южнорусский союз писателей (Украина); Межрегиональная общественная организация - Литературно-общественное объединение «Изба-Читальня».

В качестве информационной поддержки конкурсов Премии имени Игоря Царёва выступили: издание Правительства РФ «Российская газета», Издательский Дом «Книжное обозрение», литературный журнал «Дальний Восток», Международный поэтический альманах «45-я параллель», Международный литературный журнал «Зарубежные задворки», Международный литературный журнал «Сетевая словесность», Международный творческий ресурс соотечественников «Подлинник», творческая гостиная DILIGANS (Украина), литературно-художественный журнал «Гостиная», ОРЛИТА (Объединение Русских ЛИТераторов Америки), радиостанция «Старое радио», сетевые поэтические сайты.

Итоги Первого конкурса Премии имени Игоря Царёва (сезон 2013-2014) были подведены на Торжественной церемонии вручения премии и наград 11 ноября 2014 года – в день рождения Поэта. Финальный аккорд конкурса стал выход в свет «Сборника стихов лауреатов Первого поэтического конкурса «Пятая стихия» Международной литературной премии имени Игоря Царёва (сезон 2013-2014).

11 ноября 2015 года состоялась Торжественная церемония вручения наград Второго поэтического конкурса «Пятая стихия». По его результатам и издан этот, второй в серии сборников стихов лауреатов, «Сборник стихов лауреатов Второго поэтического конкурса «Пятая стихия» Международной литературной премии имени Игоря Царёва (сезон 2015 г.)».

Сборник выпущен совместными усилиями Ирины Царёвой - жены поэта, члена СПР, учредителя Международной литературной премии им. Игоря Царёва, сформировавшей и предоставившей материал для публикации, и МОО «Изба читальня», принявшего на себя труд и затраты по его изданию.

«Изба-Читальня» на сегодня является одним из популярных русскоязычных литературных сайтов. Его фундаментальная основа – творчество, как российских поэтов, так и поэтов других стран, понимающих и принимающих русский язык как родной. Интернет-портал «Изба-Читальня» функционирует в тесном сотрудничестве с региональными писательскими организациями России и различными творческими союзами, предоставляя им возможность заявить о своей деятельности и успехах через сайт, имеющий многотысячную аудиторию читателей.

Валерий Белов

*Главный редактор «Избы-Читальни» -
соучредителя Международной литературной
премии имени Игоря Царёва*

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

Второй конкурс Премии стартовал 21 декабря 2014 года под девизом:

*И до сих пор сквозь все пределы
Я этим городом ведом...*

К участию в конкурсе были приглашены поэты, музыканты, исполнители авторской песни, а также для участия в номинации «Верность памяти» - критики, филологи, литературоведы, переводчики и коллеги-поэты, изучающие творчество Игоря Царёва и пишущие о нем.

От участников конкурса в номинации «Поэзия» ждали безупречного владения русским языком, высокой техники стихосложения, благородства и честности личного мироощущения.

Для участия в номинации «Музыкальные произведения» были приглашены авторы песен на стихи Игоря Царёва, сумевшие понять и прочувствовать авторский текст, чтобы превратить стихи и музыку в единое целое.

В сборник, прежде всего, вошли стихи лауреатов поэтического конкурса.

Победитель в этом сезоне назван не был. По правилам Конкурса его имя называют учредители, делая выбор между лучшими работами финалистов, но они также вправе не присуждать никому Гран-при. Именно так и случилось в этом сезоне. Ни одна работа не была единогласно признана лучшей. Основная причина – отход в сторону от темы (девиза) конкурса. А потому предпочтения каждого из учредителей были направлены скорее на тематику, которая была ближе каждому из них, что не дало возможности прийти к единому решению. (Что ж, это урок нашим участникам – присылать на конкурс то, что соответствует заявленной теме, а не то, что им самим нравится).

Учредителями было принято решение: **Гран-при не вручается никому**. Но был учрежден **«Специальный приз учредителя»**, позволяющий учредителям назвать того поэта, которому каждый из них лично отдал свое предпочтение.

Специальные призы были вручены четырем авторам лучших (по мнению учредителей) работ.

Также решением оргкомитета конкурса «Пятая стихия» к участию в нем были приглашены и авторы, боровшиеся за выход в финал, чьи стихи обратили на себя внимание конкурсной комиссии.

И еще мы приняли решение включить в сборник стихи лауреатов номинации «Верность памяти». Во-первых, потому, что они, несмотря на отличие задач номинаций, тоже лауреаты конкурса. Во-вторых, люди, умеющие ценить поэтическое слово, как правило, и сами пишут. И, в-третьих, среди них есть те, кто мог бы выйти в первые ряды поэтического конкурса, если бы в нем участвовал.

Наш конкурс и в этом сезоне сопровождал известный литературный обозреватель - Владимир Гутковский (Киев, Украина). Владимир Гутковский – поэт, прозаик, критик, член Национального союза писателей Украины (НСПУ), лауреат премии Волошинского конкурса, премии НСПУ им Н.Ушакова, премии журнала «Радуга», литературный обозреватель портала Stihi.lv, автор работ по обозрению произведений современной поэзии.

Его ремарки, написанные еще до того, как были подведены итоги конкурса, сопровождают подборку стихов каждого из авторов. Работы же участников, вышедших в финал, подверглись его более детальному анализу.

Подборки стихов, представляющих номинацию «Поэзия», расположены в сборнике по нарастающей: от произведений претендентов на выход в финал – к финалистам конкурса.

Завершают сборник подборки стихов и переводов лауреатов номинации «Верность памяти».

И все они, без сомнения, заслуживают внимания читателя и будут ему интересны. И есть в этом сборнике имена, которым дано прославить русскую поэзию.

Оргкомитет конкурса

ПРЕТЕНДЕНТЫ НА ВЫХОД В ФИНАЛ В НОМИНАЦИИ «ПОЭЗИЯ»

Краткий обзор второго тура (литературный обозреватель Владимир Гутковский)

Дорогие друзья, участники конкурса, читатели и судьи!

Рад всех приветствовать и подключиться ко второму этапу второго сезона конкурса памяти Игоря Царева.

Что сразу бросается в глаза? Благодаря взыскательному, но и благожелательному отбору, во второй этап вышли очень достойные публикации. Могу утверждать, что средний уровень конкурирующих работ в целом повысился, и жюри придется нелегко при определении финалистов. Но наше жюри, конечно, справится и с такой сложной задачей.

*А вот есть ли среди участников безусловные фавориты?
Давайте попробуем разобраться с этим по ходу чтения.*

Как всегда подробный анализ конкурирующих работ мы отложим на стадию финала, а пока во втором туре ограничимся краткими характеристиками представленных стихов. И моими поощрительными плюсиками...

Виктор Орешкин (Санкт-Петербург, Россия)

Конкурсное произведение Виктора Орешкина

* * *

Опускается медленный-медленный вечер,
Золотятся и шепчут старинные липы –
Они видели наши случайные встречи
И припомнить другие свиданья могли бы.

Аполлона стрела унеслась за Фонтанку,
Артемиды-охотницы смотрит устало,
И герой похищает свою сабинянку...
Мы здесь были не раз, только этого мало!

Я люблюсь опять твоим профилем четким,
Рядом шелест волны, и слова твои – рядом.
Все же ты оглянись у чугунной решетки,
Покидая убежище Летнего сада.

Опадает платок лепестком ароматным
На гранитную солнцем нагретую лавку,
И летит петропавловский ангел обратно
Обнимать в синеве золотую булавку.

От литературного обозревателя

Очень объемная и разносторонняя картина, наполненная культурными отсылками и уместными ассоциациями.

+

В.Г.

Подборка стихотворений Виктора Орешкина

* * *

Старый фонд, железные ворота,
Город остается за спиной.
Магия дворового прохода,
Что опять ты делаешь со мной?

Путь несложен, но пройти придется,
Бросив беглый взгляд на письма
Серых стен, и в глубине колодца
Ощутить судьбу свою сполна.

Кем ты был снаружи – здесь неважно,
Это дно не знает суеты,
На тебя внимательно и страшно
Смотрят с подоконников коты.

И незряча стекол глаукома,
Дух портьер колыхнется слегка,
Чтоб намек о жизни в недрах дома
Легкие узнали облака.

Где-то их щекочат новостройки
Бликами высотных этажей,
Ну а здесь – истории настойка
И свиданья горькое драже.

Книги, чай, фиалки, фортепьяно,
Надо всем словесности полёт –
Так живет неспешно и упрямо
Питерской культуры старый фонд.

* * *

Когда набухают бутоны и почки
И солнце стремительно – в бровь, а не в глаз,
Невольно слова собираются в строчки,
И творчество снова преследует нас.

Студент, гимназист и солидная дама,
Кондуктор трамвая и офисный клерк –
У всех происходит словесная драма,
И говор обыденный будто померк.

Не может страдальца вымолвить просто,
Ей нужен какой-то особенный тон
И слов кружева – прозаичную доску
Поэзией сделать с обеих сторон.

Ищи, поэтесса, лови, чаровница,
Озерной волны и цветов голоса.
Яхт-клуб в ожидании лета томится,
К читателям рвутся стихов паруса.

* * *

Открывается занавес нового дня,
Неизвестность тревожит и манит.
Будем верить, актерского хватит огня,
И таланта, и наших стараний...

Только что-то все время идет не впопад,
И становится очень обидно:
Декорации есть, и софиты горят,
Режиссера, однако, не видно.

Где же ты, о премудрый наставник и вождь?
Подскажи, помоги, посоветуй!
Без тебя не случится ни ветер, ни дождь,
Не настанет ни осень, ни лето.

А в ответ тишина... Знать, играть суждено
Эту пьесу своими словами.
Видно, встречи любимое наше вино
Было выпито, только не нами.

* * *

Сумерки, дама грустит над страницей,
А на окне расцветает герань.
Может такое с любым приключиться,
Жизни порою тонка филигрань.

Вспомнились руки, и вспомнился запах
Моря, дороги и мокрой земли,
Свечи, плывущие в бронзовых лапах,
Чтоб раствориться в зеркальной дали.

Голос, знакомый до жара, до дрожи,
Вмиг доходивший до самых глубин...
Пряжка с рубином царапнула кожу –
Цвета герани был этот рубин.

Как вы сильны, типографские знаки!
Как беспощаден словесный черед!
Тени любви растворились во мраке,
Только герань неизменно цветет.

* * *

Начинается май, мы однажды под ноги взглянули –
Пробивается зелень сквозь гнет прошлогодней листвы,
А среди веток сухих успокоилась ржавая пуля,
Неожиданный вестник далекой военной поры.

Кто держал, кто ее заряжал недрожавшей рукою?
Кто молитвы шептал иль проклятья сухим языком?
Кто вспугнул камыши и рассветную тишь над рекою,
Или было ей тесно в смертельном аду огнем?

Вот лежит на ладони – бесславно, без цели, без дела,
Молчаливая память, уже ни к чему не годна...
Мимо чьей-то души, промахнувшись тогда, пролетела
И затронула душу мою, как черемухой снова весна.

С точки зрения маршала, здесь безусловная дура,
Неудачница полная, просто металла кусок.
Те, кто выжили, просто молчат, улыбаются хмуро
И как будто нечаянно трогают белый висок.

Где ржавеет война, там деревья зеленой стеною,
Нынче бегают дети, потом побредут грибники...
И на голос когда-нибудь ты обернешься весною –
Это пули минувшего, в нас попадают они.

* * *

Никто не обещал тепла
Среди зимы, но вдруг случилось:
Морозная пора прошла,
Трава доверчиво открылась.

Никто не обещал добра
От окружающего мира,
Но раз уж началась игра,
Руби, поэзии секира!

Любви не обещал никто...
Но стоило царапнуть нежно,
Как стало тихо и тепло,
Мучительно и безнадежно.

Сергей Дедов (г. Гатчина, Россия)

Конкурсное произведение Сергея Дедова

Я городу нынче не мил

Я городу нынче не мил,
Как пасынка гонит куда-то.

Мой город меня невзлюбил
И сам государь-император.
Застыл он, суровость храня,
Увенчанный черной вороной
От злости видать на меня
Окислился медью зелёной.

Теперь уж жалею, не жалею
Пойду по оврагам и склонам,
Вдоль ярких цветочных полей
И затхлых болотных затонов.

Изгнанником в путь устремлюсь,
Туда, где, живя без обмана,
Не служит пока ещё Русь,
Не медным, не прочим болванам.

В тот край, где родился и рос,
И был молодым и счастливым,
Где в небе кричит альбатрос,
И пахнет сосной и заливом.

И запахом детства дыша,
Припомню, как в заводи сонной,
Обняв эскимо камыша,
Лизал его ветер солёный.

Как тёплой и ранней весной,
По лесу бродя безмятежно,
Пушистой фиалки лесной
Рукою коснулся я нежно.

Эх, мне бы лишь только дойти
И к ночи, устав от дороги,
Я в первый же дом на пути
Войду без забот и тревоги.

Хозяин с женой, детвора,
Согреют заботой и лаской.
И скажут соседям с утра:
«А наш-то, в немилости царской».

От литературного обозревателя

Достаточно выразительных поэтических образов. Но и не совсем обязательные тоже встречаются. Хочется пожелать удачи этому тексту.
В.Г.

Подборка стихотворений Сергея Дедова

Полёт властелина

Над степью вечерней парил без движенья
Огромный орёл, словно крест в облаках.
Казалось презрел он закон притяженья,
И весь этот мир презирал свысока.
Но властная птица в полете устала,
В скольжении воздушном довольство и лень,
Лишь черным крестом по степи пробегала,
Вселявшая ужас, крылатая тень.

Кружил в небесах свой размеренный танец,
А где-то внизу, превратившийся в пыль,
Валялся когтями истерзанный заяц,
Лишь пух разметался, как белый ковыль.

Но сытость по горло звала к благодушию,
И был расположен парить в небесах.
Два чёрных крыла, впереди равнодушье
Застыло в холодных, стеклянных глазах.

Закатное солнце на перьях искриться
И клюв его сжатый в крови.
И тут с высоты он заметил лисицу
И крикнул надменно: «Живи!»

Раскаянье

В светлых храмах, пред Богом мы падаем ниц,
Старый дьякон седой по ушедшим молитву читает.
Время множит число поминальных страниц,
А заздравных число, что не год, убывает.

И опять мы глядим на великий распятия крест,
И святая тоска наши грешные души тревожит.
Сок растаявших свеч упадёт на святой «Благовест»
И стечёт по рукам, обжигая раскаяньем кожу.

Эту горькую чашу мы тоже осушим до дна,
И когда-нибудь смерть нам навеки закроет ресницы.
Только кто-нибудь пусть наши впишет с тобой имена
На пустые места поминальной, церковной страницы.

Я буду просто жить

Когда не радуют соцветия весны,
Когда болит душа и тело не здорово,
Тогда и начинаю верить в сны
И истины ищу непонятой, основы.

Смыкаю жизнь и смерть и рву на части вновь,
И не понять мне, что такое вечность.
Я вижу ненависть затмившую любовь,
И пустотой пугает бесконечность.

В такие дни я падаю во тьму,
И, сохранить пытаюсь постоянство,
Сквозь невесёлых мыслей кутерьму
Теряю ощущение пространства.

Но всё проходит, снова я здоров.
Приятен солнца луч, что на рассвете будит.
Далась мне истина и поиски основ.
Я буду просто жить, а там, а там что будет!

Не торопи меня

Не торопи меня и строго не суди,
Я так давно живу на этом свете.
Размыли душу мне осенние дожди,
И прядь седых волос колышет ветер.

И не кори, что огрубел душой,
И что глаза огнями не мерцают.
Я для себя избрал теперь покой,
И глупость мира молча созерцаю.

Я всё решил, шагнув за перевал,
Мой конь свободный обгоняет время,
А я седло на кресло поменял,
И тапки мягкие я выменял на стремя.

Чтоб опоздать не стоит так спешить,
На всё вокруг я стал смотреть иначе.
И я не стану торопиться жить,
А торопиться умирать тем паче.

Цветочек неприметный

В цветы неброские и в зелень на лугу,
Во всё вокруг влюблён я беззаветно.
Вот потому и разглядеть могу
В густой траве цветочек неприметный.

Любуюсь линией волшебною цветка,
Реки прозрачной медленным теченьем,
Палитрой яркою простого мотылька
И всем, что сердцу дарит вдохновенье.

Мне серых красок надоел покой,
Горю в цвету, горю душой и телом.

И потому люблюсь я тобой,
Тобой, что средь других меня не разглядела.

Научи меня молиться

Научи меня молиться,
Не умею, к сожаленью.
Головой хочу склониться,
Опуститься на колени.
В старый храм войти под вечер,
Где попы псалмы читают,
Где созвездиями свечи
Под иконами пылают.

Снова дни, как сны пустые,
Без стремлений и без Бога.
И пускай с икон святые
На меня посмотрят строго.

Глянут пристально, без гнева,
Сожалея, как я грешен.
И молитвенным напевом
Я бы боль свою утешил.

И навек бы смог укрыться
Под церковной этой сенью.
Научи меня молиться,
Не умею, к сожаленью.

Старик

Не гляди так печально, старик.
Не завидуй годам моим малым.
Время скоро состарит мой лик,
А душою я стал уже старым.

Не смотри на меня с укоризной,
Я давно не о чём не мечтаю.
Из обоймы отстрелянной гильзой,
Как ненужный балласт пролетаю.

Нет твоей в этом, старец, вины,
Что мы в жизни себя не находим.
Молодыми совсем, без войны,
Так нелепо и часто уходим.

Мы живём в этой жизни убого,
Забывая кресты, как столбы.
И летим между чертом и Богом,
Разшибая высокие лбы.

Украденный поцелуй

Зачем целуешь ты меня?
Меня, которого не знаешь
Под лютый холод февраля
С июльским жаром обнимаешь.

Зима сверкает чистотой,
И снег кружиться белый, белый,
Соединяя нас с тобой,
Любовью краткой, скороспелой.
И кажется, что нет грехов
На этом белоснежном свете
И мы сквозь кружево снегов
Летим к таинственной планете.

Снежинки сыплются вокруг,
Как в тёмном космосе светила
И шепчешь ты в сплетеньях рук
Одно лишь слово: «Милый, милый»

И может так, душой с другим,
А телом, здесь меня милуя,
Благодаришь за тихий гимн
Украденного поцелуя.

Возвращение

Я снова здесь, в родном своём краю,
Но кажется, что здесь я прежде не был.
Ни дома, ни двора не узнаю,
Каким-то низким показалось небо.

Здесь всё не то, забытое, другое,
Открылся лес, как буд-то поредел.
Вот только, как и прежде над рекою
Сверкает золотистый чистотел.

И я не тот, душой уже остужен
И жизнью умудрён не по годам.
И здесь теперь я никому не нужен:
Ни людям, ни деревьям, ни цветам.

Я опоздал, и никуда не деться.
Хозяин новый, может и не злой,
Но смёл моё безоблачное детство
Берёзовую, старую метлой.

И понял здесь, в родной своей глуши,
Где сердце растревоженно так бьётся,
Что чистотелом не отмыть души,
И, что ушло то вспять не повернётся.

Николай Рогалев (Улан-Удэ, Россия)

Конкурсное произведение Николая Рогалева

Из восточных степей

Из восточных степей пропылённых, бескрайних, туманных,
Где на запахах трав и на росы всегда урожай,
Где зарыта в песок паутина путей караванных,
Долетит чей-то зов: «Приезжай! Приезжай! Приезжай!»
В полусонном метро, когда день безвозвратно утрачен,
А в закрытых глазах кутерьма повседневных забот,
Ты услышишь его и поймёшь, что не сможешь иначе,
Как уехать туда, где играет лучами восход.

Отложив все дела суматохи сугубо столичной,
Атлас дальних дорог ты захватишь в последний момент,
И окажешься здесь – посреди тишины непривычной,
В окружении тайн и живых, и забытых легенд.

Тут танцует в скале, снизошедшая с неба дакия,
И глядит на неё из бессмертия мудрый монах,
Тени здешних богов – тех, которых уж нет и в помине,
Неподвижно стоят в сизой дымке на древних холмах.

В хрупком пламени свеч будут лица светлы и серьёзны.
Прикоснись, не дыша, к изваяньям великих божеств,
И тепло твоих рук сохранит потемневшая бронза,
И огонь повторит этот робкий и трепетный жест.

Ляжет пыль от колёс позади на траву у дороги,
На вокзал поспешит, громохоча по рельсам, трамвай.
Ты уедешь, и вновь с ностальгией, знакомой немногим,
Будешь ждать этот зов: «Приезжай! Приезжай! Приезжай!»

От литературного обозревателя

Зов, который хорошо слышен!

+

В.Г.

Подборка стихотворений Николая Рогалева

Костёр в горах

Горит в таёжной полночи костёр.
Блуждают искры в крошечке созвездий,
Где Млечный Путь туманом распростёрт
Над танцем двух космических медведиц.

Вокруг огня стоит притихший лес.
В бесплотной темноте исчезли горы.
И кажется - к подножию небес
Летит Луна, оставшись без опоры.

На ветках сосен сполохи костра
Дрожат, как сновиденья на ресницах.
В ущельях дремлют духи и ветра,
А нам с любимой женщиной не спится.

Тревожат всплески наших голосов
Покой доисторических отрогов.
В горах и храмах нет случайных слов –
И тут, и там рукой подать до бога.

Были

Меж созвездий брёл месяц сутуло.
Ветер выл, словно пёс вислоухий.
Нафталиновым прошлым тянуло
От рассказов ослепшей старухи.

Из цветных лоскутков одеяло
Эти были, забытые всеми.
Сколько память ещё растеряла.
Ах ты ж, господи, времечко-время.

Да какие там были - былинки.
Слишком краток сюжет некролога.
Слепота - это ночь и поминки
По родне и по жизни убогой.

Это холод невидимых окон,
А за ними шумит неизвестность -
Мир, в котором тебе одиноко,
Да и жалость искать бесполезно.

...День закончен. Кончается лето.
Мне б уснуть, но я слышу вполуха,
Как бормочет о чём-то бесцветно
Целый вечер слепая старуха.

Я принёс вам живые цветы, господа

Здесь дороги идут напрямиком в никуда.
И молчание всё откровенней.
Я несу вам живые цветы, господа.
Через поле несу и забвеньё.

Тишина тут, да сколько же кануло в ней:
И молитвы, и вопли восторга,

И умело вплетённая в топот коней
Пулемётная скороговорка.

Кто-то дверь в этот мир мне открыл, наконец.
Ветер жнёт перезревшие злаки.
Гулкий стук за войну опустевших сердец.

Вот оно – направление атаки

Жёлтой искрой взлетела монетка в рассвет.
Возвратилась, немного помешкав.
И с ладони смотрела предвестницей бед
Ко всему безучастная решка.

Сохнут маки, как раны расстрелянных зорь,
И кукушка вдруг сбилась со счёта.
Ох упряма судьба, с ней попробуй поспорь, –
Полегла офицерская рота.

Жил бы я в эти дни, тоже лёг бы сюда,
Рядом с ними, убитым и босым.
Я принёс вам живые цветы, господа,
Две печальные белые розы.

Смешная штука

*1 марта 1917 года в Кронштадте
революционными матросами был
поднят на штыки 60-летний
Георгиевский кавалер
адмирал Вирен Р.Н.*

Пьяно плакала площадь Кронштадта,
Матюгалась, потом ликовала.
Революция в чёрных бушлатах
На штыки подняла адмирала.

Пригвоздила к балтийскому небу
Остриями бунтующей стали.
И сквозь ночь вместо Веги с Денебом
Ордена да погоны мерцали.

Боль в груди приглушили проклятья.
О пощаде – ни взглядом, ни словом.
Вот уже виден звёздный фарватер
Для души, отдающей швартовы.

Кап да кап – жизнь из ран вытекает.
Почему всё так быстро и просто?
Значит, там, за воротами рая,
Заскучал седовласый апостол.

Им бы встретиться раньше немного –
После драки с эскадрой японцев.
Но тогда каперанга лихого
Не сожгло их скуластое солнце.

После были чины и награды,
Адмиральских погон позолота,
А теперь только небо Кронштадта,
И старик, и в узорах ворота.

Сердце бьётся всё тише и тише,
Остывает, штыки согревая.
А внизу веселятся братишки.
Революция – штука смешная.

Город варваров

Где старым шрамом лёг сухой ручей
И пьют июльский зной чертополохи,
Засыпан пеплом выжженных степей
Погибший город варварской эпохи.

Чей миг последний был отсчитан там
Ударами осадного тарана?
Но город нем, а путь к его вратам
Известен только старому шаману.

И он войдёт, движением руки
Преграды тьмы и времени разрушив,
А там лишь черепа да черепки,
Да ржа кольчуг, да брошенные души.

Шамана встретят запахи войны,
Заполнившие улицы и стены:
Удушливые – дыма и вины,
И приторные – тлена и измены.

Расскажет дух – хозяин тайн Земли,
Прижав к груди холодные ладони,
Что всех отсюда в небо унесли
Крылатые несёдланные кони.

...Уйдёт шаман. Сравняет время след,
Запутает дороги в мир сакральный,
И город снов, преданий и легенд
Накроет степью – маской погребальной.

Две любви адмирала

Вёрсты желтых полей, мили тропиков синих,
Придорожная пыль да туман берегов,

А в начале пути где-то ты и Россия,
Опустевший причал да остывший альков.

Горьких не было слов, только слёзы украдкой,
Только холод щеки накрывала ладонь.
Я любовь на двоих разливал без остатка
Всякий раз, уходя то в снега, то в огонь.

В час прощальный, когда флаг Андреевский реял,
Доказательств любви вам хотелось всерьёз:
Ты просила, чтоб я возвращался скорее,
А Россия – чтоб я себя в жертву принёс.

Сколько жертвенных плах было полито кровью?
Нет числа алтарям на гражданской войне.
Ты не верила в смерть и в свечу в изголовье,
Но Россия живому не верила мне.

Не бывает без жертв ни любви и ни битвы –
Я молился за них возле братских могил,
И в последний свой миг прошептал, как молитву,
Что любил тебя больше, чем просто любил.

Треугольник

Никогда не вернуться, не встать галеону на рейд.
Молит бога напрасно крылатая дева с бушприта.
Здесь, в раю осьминожем, на дне флибустьерских морей
Заставляет молиться другим божествам Атлантида.

Мы проходим над нею. Пока треугольник молчит.
Быстро крестится юнга, старательно – справа налево.
В тот же миг за кормою взвиваются в небо лучи –
И уходят беззвучно назад в треугольное чрево.

Заметались компасы – по курсу туманы висят.
Не всегда караваны из них без потерь выходили.
Мне рассказывал боцман: спиною почувствуешь взгляд.
Обернёшься – и кто-то мгновенно исчезнет под килем.

Говорят, тут бывает, что время замедлит свой ход,
И часы перестанут срок жизни считать посекундно.
Что раскроется бездна и страстно к себе позовёт,
И команда покинет к причалу спешащее судно.

Раньше в эти легенды не очень-то верилось мне.
Думал, байки морские – любителям тайны в угоду.
Только слышит акустик чужой разговор в глубине,
Да на утреннем пляже след чей-то уходит под воду.

Исход

Горька забортная вода.
Бил шторм в последний порт России.
Как были солоны тогда
Слова, что мы произносили.

Качало море корабли.
Под сапогами гнулись сходни.
По ним в чужое завтра шли,
Из распроклятого сегодня.

Нас провожал ночной причал
Без оркестровой звонкой меди.
Он молча память источал
Больших и маленьких трагедий.

Летели мысли под откос.
Тянулись руки к пароходам.
Но на Земле один Христос
Умел легко ступать по водам.

Прочёл, крестясь, штабс-капитан
Молитву торопно и глухо.
И рывкнул коротко наган
Буланой в бархатное ухо.

Мы оставляли за кормой
Меридианы, параллели,
А он, высокий и седой,
Стоял в распахнутой шинели.

Уже вовсю пылал восход,
Но звёзды всё не догорали.
Внизу вплетала наш исход
История в свои спирали.

Полина Орынянская (Балашиха, Россия)

Конкурсное произведение Полины Орынянской

Этот северный город

Этот северный город чернел
Деревянным некрашеным прошлым.
Пассажирский свистел заполошно,
Заходясь от своих децибел.

Уходила под горку дорога.
В колеях освинцовела муть.

И старуха с глазами, как ртуть,
На клюку оперлась у порога.

В глинозёме собачьи следы.
Две герани в окне у кого-то.
Пахло сыростью и креозотом,
И над крышами маялся дым.

Горький воздух пролился микстурой,
Но в плацкарте не много забав...
Этот город кому-то судьба,
А кому-то – на рельсах окурков.

...На берёзе десятков ворон.
Безнадёгой слезились окошки.
И, хватая состав за подножки,
Волочился за нами перрон...

От литературного обозревателя

Текст вполне соответствует девизу конкурса. Есть отдельные вопросы, но их совсем немного.

В.Г.

Подборка стихотворений Полины Орынянской

Занавески

Это осенью было не помню какого года...
Никуда в эту пору лучше не возвращаться.
Это время для разных событий иного рода,
Если ты лет на тридцать старше, чем был в семнадцать.

Это время горячего чая и Нино Рота,
Время тёплой пижамы, скверных причуд артроза,
Толстых книг с казеиновым запахом переплёта,
Полусонного секса в самых ленивых позах.

А туда, где забор кое-как и худая крыша,
Где на пнях размывает дождь годовые кольца,
Ты не суйся по осени, прошлое – третий лишний,
Прокажённо трезвонит прошлое колокольцем.

Занавески всё те же, с цветастой каймой по краю.
Закричать бы – и, может, станет намного проще.
...И взвилось вороньё, закружилось с тревожным граем,
Будто чёрные листья ветер поднял над рощей...

Не люби

Не люби ты меня, ей-богу.
Что ты выдумал ерунду?
Ты люби тишину, дорогу,
По которой к тебе иду;

Пыльной зелени запах пряный,
Болтовню (я скучала, что ж,
Я ж тебя, как небесной манны,
Дожидалась. И вот – идёшь)...

Иван-чая пожар малинов.
На пруду не клюёт весь день.
Порыжел и раскис суглинок
От заливших июнь дождей.
Влажный вечер. Ты куришь, куришь.
А я мимо смотрю, горда,
Чтоб не понял: а мне-то, дуре,
Без тебя ну совсем беда...

Мятный чай из огромных кружек
(– Хватит сахара?
– В самый раз)..
Ты меня не люби, не нужно.
Слишком суетно.
Не для нас.

Дуга

Дай же мне воды, воды
Плесни в ладони
В трещины кожи
Видишь от пыли ветра седы
Скрипит на зубах
Песок
Похоже
Сыплется время
Труха и тлен
Протянешь руку
Туман нащупай
Синее небо синих вен
Плеснёт в пространство
Раскроет купол
Иных столетий
И зов и стон
Сигнальные стрелы
Покой царапают
Синяя хвоя высоких крон
Небо скоблит
Жадными лапами
В древние стены

Врасти плющом
Ногти срывая
Вцепившись
Плохо ли
Разряд
Мало
Разряд
Ещё
Искрит дуга
Между эпохами
Тает
Тает
В тумане сад
Уютно было в той оболочке
Страшно
Поздно
Время назад
Зелёные листья
Врастают
В почки

Я подожду

Я подожду. Пристроюсь за столом,
Налью горячий чай в большую кружку
И буду просто слушать тишину.

Она, по небу чиркая крылом,
Снимает звёзды с неба, словно стружку,
И облака, толкая в бок друг дружку,
Клюют взаглот на лунную блесну.

Я подожду. Не всё же будет тьма.
И в окнах запотевших забелеет.
И бисером просыпется роса.

Глаза откроют сонные дома.
Цветы навстречу солнцу длиннее
Потянутся, иллюзию лелея,
Что светлая надолго полоса.

Я подожду. И эта пустота,
Что вместо сердца бухает набатом,
Заполнится отрывками из сна,

Где всё почти, но всё-таки не так,
Где я тебя целую, как когда-то,
И мы ещё ни в чём не виноваты...
А чай остыл. Какая тишина...

Хвала нерождённым

*И слышал голос... говорящий: иди и смотри.
И я взглянул, и вот, конь бледный, и на нём всадник,
которому имя «смерть»; и ад следовал за ним...
Откр. 6:7-8*

Стучали копыта. От этого стука
Трещала височная кость.
Деревья хватали коней многоруко:
Постойте, не время... Но время с испугу
Галопом несло.

Лохмотьями чёрного кислого дыма
Заштопан начавшийся век.
Ах, если бы только, как прежде, могли вы
Обычной голубке с листочком оливы
Доверить ковчег...
Хвала нерождённым в текущем столетье.
Я тоже не буду рождён.
Ты слышишь – свистят бесноватые плети?..
Счастливые сны на последнем рассвете
Смывает дождём.

Иди и смотри. Вчетвером, как по нотам.
Последний – на бледном коне.
И будут взрываться от страха аорты,
И станут живые завидовать мёртвым,
А мёртвые – мне...

Лоботомия

Зимою я ложусь в свою постель,
как на холодный стол нейрохирурга.
Луна остыла, звёздные окурки
добила налетевшая метель.

Сейчас начнётся рыжий балаган –
ночник плодит бесформенные тени
предвиденья и прочих привидений...
Ты видишь сны? Ага. Ага-ага...

Осыплешься, как хвоя, пух и прах,
в дремотный чад, закружишься да сгинешь.
На самом дне звонит твой личный Китеж,
играя солнцем в тёплых куполах...

...И выдернет, и вырвет, как сорняк,
швырнёт с размаху в утреннее млеко,
заглянет в глаз, потом отпустит веко
лоботомия будущего дня...

Утаи от меня нелюбовь

Утаи от меня нелюбовь —
тёмно-красный настой с горечью девясила.
На Купалу рвала зверобой
да вербену. Просила:
дай мне льдистого смеха —
звонкого, чтобы всплесками...
На большой луне за далёкими перелесками
пляшут бабы, топочут неистово,
в небо тыкают вилами —
гонят скверну к небесной пристани.
И меня серебром опоили бы —
звёздной брагой бы,
лунной пагубой...
Да рвала на Купалу мяту,
просила, как плакала:
забери пустоту без возврата!
Пламень маковый
выгорал, догорал на рассвете —
стали росы кровавыми.
Зашептал заповедное ветер
да понёс между сонными травами.
Так и слушать тот шёпот от века до века бы...
А дождусь ли ответа? Спросить мне об этом некого.

Белая сова

Сладко спит на Меганоме* горькая трава.
Ветры зимние о кладах тайное поют.
Охраняет эти клады скифская вдова.
В растревоженном кургане был её приют.

Кони прядают ушами, всхрапывают зло.
Оступившись на подъёме, пятятся назад.
Оплетает ужас древний гибкою лозой...
Уходи, пока закатом камни не кровят.

Только сумрак оседлает полусонный кряж,
Из тумана белой тенью вскинется сова,
И за жизнь твою копейки с той поры не дашь —
Это вестник скорой смерти, скифская вдова.

Крикнешь — эхом возвратится чей-то долгий стон...
Жмётся конь, скользят копыта. Что ж ты, волчья сыть!
Тени длинными когтями вспарывают склон.
Солнце тлеет сердоликом.
Поздно уходить...

**мыс Меганом, Крым*

Старик

...Старик бормотал, рассыпая ошмётки фраз.
Он был долговяз, бородат и довольно дряхл,
Космат, словно спорил со всеми ветрами враз,
И сед, как полынь на заброшенных пустырях.

– Ты думаешь, будто я старый безумный бомж.
Шарахнулась в сторону, только присел на край.
Да я необидчив, чего там, но, хошь – не хошь,
Я всё же задумаюсь, брать ли такую в рай.

А вот тут недавно хотел поболтать с одним.
Бормочет: «О господи...» Думал: признал, сынок!
А он – наутёк... А душа до сих пор саднит.
Выходит, на деле не так вам и нужен бог.

А помнишь? Бывалоча я преломлял хлеба!
Вот крошки остались... Дырявый карман – беда!
Не хочешь? Ну, гулюшкам... Ладно, бывай, раба...
Поднялся старик и пошёл не пойми куда...

Лариса Подистова (г. Новосибирск, Россия)

Конкурсное произведение Ларисы Подистовой

Гнездо

Любить – за что? Есть лучше города.
За то одно, что провела в нём детство?
Мне было два. Куда мне было деться?
Мы всей семьёй приехали сюда...

Дымил мороз. Под шубой стыла плоть.
А летом гнус давал угля и жару...
Дай волю мне – я б раньше убежала
Туда, где море, фрукты и тепло.

Тринадцать лет меня связали с ним.
Душа – курок, взведённый до упора.
Тринадцать лет он мне въедался в поры,
Как пыль, и снег, и гнус, и грязный дым...

Сжились, хоть это стоило труда,
Как не родные друг для друга дети.
Я напрочь позабыла годы эти,
Когда смогла уехать навсегда.

Ни в юности, на нервном рубеже,
Ни в зрелости, где гладко жизнь катилась,

Он мне не снился. Я не возвратилась –
Мне возвращаться не к кому уже.

И я себя простила, ясным днём
Открыв внезапно истину такую:
Птенцы по отчим гнёздам не тоскуют –
И я не в силах тосковать о нём.

Но, хоть во взрослом сердце благодать,
К кому взывать, не знаю, об ответе:
Зачем сейчас пишу я строки эти,
За что себя пытаюсь оправдать?

Какую всё же чувствую вину,
Пусть слеза на белый лист не брызнет?
Что нелюбовь легла в начале жизни –
И мерзлотой уходит в глубину...

От литературного обозревателя

Мне кажется, эти стихи хорошо гармонируют с темой конкурса и соответствуют творческой манере поэта, в честь которого он проводится.

+

В.Г.

Подборка стихотворений Ларисы Подиновой

* * *

В наших просторах такие долгие зимы...
Ели в убранстве белом неотразимы.
Море смирилось, встало, молчит и дремлет,
И до апреля не бьётся волной о землю.
Всё, что терзало, ломало, рвало, бесило, -
Вдруг улеглось: экономим тепло и силы,
Лишь на ресницах блестят ледяные стразы.
Время холодное всех укротило разом.
Так мы устроены: если нас греть и нежить,
В душах расслабленных селится густо нежить.
Только холодными вихрями дунет север –
Распри забудем и делимся всем со всеми,
Как испокон заповедано нам по роду...
Что же, зима, приходи очищать породу!
Пусть в нас недавней горячности больше нету –
Снежные души чисты и открыты свету.

* * *

Осень жизни – разноцветный терем.
В нём тепло и всё давно всерьёз.
Чуть щемящи детские потери,
Жаль забытых юношеских грёз.
Не боимся ни дождя, ни зноя,

Не страшно паденье из гнезда.
По ночам над маковкой резною
Дремлет в небе яркая звезда.
Часовых мы у ворот не ставим —
Мир внутри уже не так раним.
Но с закатом запираем ставни
И амбары полными храним.

* * *

Снежная завеса января
Отсекает прошлое — и боле
Не тоскуй о пережитой боли.
Радость новогодняя в дверях.
Жизнь уютно теплится в груди,
Будто приглушённая лампада.
И не видно в дымке снегопада,
Что там дальше, что там впереди.
Как следы непрочны на песке,
Так в снегу недолго путь проложен.
Каждый раз пишу одно и то же
В январе — о счастье и тоске.
Год за годом — лишь зола и дым,
Как страницы книги, что сгорает.
Пей свой кофе, не мечтай о рае,
Больше ты не будешь молодым.
Всё, что нажил на своём веку,
Всё твоё: дома, дороги, лица...
И январь, как белая страница,
Ждёт с надеждой первую строку.

* * *

Во мне нет нежности к местам.
Берёзки, пальмы — всё едино.
Мне город ни один не стал
Родным до трепета в груди.

Порой будили интерес,
Я в них селилась ненадолго —
Лишь из симпатии, но без
Любви, хотя б из чувства долга.

И наступал тот день, когда
Прощалась, рано или поздно...
Но были люди в городах —
И до сих пор манят, как звёзды.

* * *

Мы бродили метельными
Переулками хмурыми.
Были смутными новости,
Время тяжко ворочалось.
Снег скамейки окутывал

Наметёнными шкурами.
Мы изломы истории
Наблюдали воочию.
Всё крушилось без жалости,
Тут же штопалось наскоро.
Были ложными козыри,
Были шахматы странными.
Всё, что мирным казалось нам,
Оказалось неласковым,
И штыками щетинились
Рубежи между странами.
Мы блуждали по городу
Лабиринтами выюжными
И картины грядущего
Рисовали невесело.
А весна подбиралась к нам
Необъятными лужами
И стелилась нам под ноги
Облаками небесными.

* * *

А между тем – температура плюсовая!
Темнеет снег, и звонко птичья плясовая
Зовёт наружу из глухого уголка.
Там лужи хлюпают, и льдинки в них искрятся;
Застрявши намертво, водилы матерятся,
И пахнет вербою, невидимой пока.

Старушки палочками щупают дорогу,
Сугробы тают, оседая понемногу,
С покатых крыш несутся водопады слёз.
И тянет всех опять надеяться на счастье,
Но плачет девушка вблизи проезжей части,
По грудь забрызгана водой из-под колёс...

А солнце бьёт в глаза бессовестно и резко.
И в этом вареве из щебета и блеска,
Лучей с небес и льда, размякшего в тепле, –
Всего того, что сердцу мило и не мило,
Здесь происходит снова сотворенье мира
И зарождение новой жизни на земле.

* * *

Границы всё строже,
Ущелья всё шире,
Два берега так далеки...
Размечена карта.
«Марширен, марширен...» –
Куда-то шагают полки.

Знамёнами ветер
Шуршит, развевая

Девизы в шитье золотом.
И даже заката
Строка огневая
Не скажет, что будет потом.

Ещё ни один
Без возврата не выбыл
И город стоит на века.
Пока ещё есть
И надежда, и выбор,
И так невозможны пока

Налёт, завыванье
Тревоги воздушной,
Бегущий под пули спецназ...
На что будут звёзды
Смотреть равнодушно,
Пока что зависит от нас.

Идут батальоны,
Шумя знаменами,
Вдоль улиц и замерших нив...
И утро настанет –
Без нас или с нами, –
Ещё один миф схоронив.

* * *

Вечерний час, жара идёт на спад.
Зудит комар, не позволяя спать.
Соседский дуб в безветренной тиши
Едва приметно листьями шуршит.
Пусть вязкий зной не развести рукой,
Но дачный дом заточен под покой –
Такой вневременной и вечный кров,
Где тишина, сгущающая кровь,
Где все движения наперечёт
И век медово-медленно течёт.
Здесь весел круг умильных пёсжих морд.
Здесь можно переждать войну и мор,
Быть может, даже год прожить семьёй,
Когда погаснет солнце над землёй.
Дом выглядит надёжным, как гранит.
Он отделён от мира и хранит
От всяких бед, страстей и суеты:
Им не пройти – разведены мосты
Не на часы, не на ночь, а навек.
Дом, как застрявший на мели ковчег,
В густом потоке времени лежит,
Пережидая собственную жизнь.

* * *

Снег свежевыпавший топок и тощ.
Вновь потепление грядёт, не иначе...
Метеослужба накаркала дождь –
Небо послушно над городом плачет.
Все виноваты, а я ни при чём –
Я, как обычно, одна, не со всеми.
Можно, я просто побуду лучом
В маленькой комнате, окна на север,
В доме, уже обречённом на слом,
Но задержавшемся в жизни немножко?
Тихо скользну в уголок под столом,
Где прозябает упавшая ложка.
На батарее погреюсь чуток –
В рёбрах чугунных с ободранной краской,
Высвечу вдруг календарный листок
С датой утраченной, праздничной, красной.
Словно посланец не этой земли,
Стану расчётливей вдруг и скупее.
Выхватчу книгу на полке, в пыли,
С ценником «рубль сорок восемь копеек».
В мятом ведёрке ржавеют ножи,
Рядом – в горошек линялая тряпка...
Это такая забытая жизнь,
Что от подсчётов становится зябко.
Всё же нас тянет к тому рубежу,
К дням чёрно-белым. Столь важное – что там,
Что я по ним раз за разом скольжу
Лучиком, ветром, задумчивой нотой?
И, позабыв все иные дела,
След закрепляю в разошедшей раме –
Давней эпохи, где я не жила,
Давней судьбы, унесённой ветрами...

Ольга Лазарева (Краснодар, Россия)

Конкурсное произведение Ольги Лазаревой

Город

Заноябрило... Сбывшиеся сны
Уходят в небо табором, привычно.
И холода, бесстыже и цинично,
Ласкают тело под покровом тьмы...

Прикуривает ночь от фонарей,
Затягиваясь дымкою тумана.
Упрятав, с обещанием обмана,
Краплённый туз... у жизни в рукаве...

В формате бесприютных городов
Невстречи так болезненно печальны,
Слова пусты, обиды поминальны...
И клятвы, те, к которым не готов, –
Осколками разбившейся мечты
По тишине царапают тревожно,
Вычерчивая "первый круг" безбожно
На плоскости душевной нищеты...

Бессонница бульваров и мостов
Наматывает нити километров,
Сплетая боль закатов и рассветов
Из пламени языческих костров...

Мой Город помнит всё, что было "до"...
За миг до сотворения Печали...
Ещё слова "Распни!" не прозвучали...
И на Голгофу нет ничьих следов...

Уходит ночь... Порочна и тиха –
В небытие – рассвету отдаваясь...
И в полынью души нырнут слова,
Как и тогда – бездумно – о т р е к а я с ь
От Истин, соблазнившись подаяньем...
На откуп выставляем наготу...
И замещая смыслом пустоту –
Мостим дорогу в небо...

Покаяньем...

От литературного обозревателя

Достойный текст, наполненный многими интересными деталями и искренним переживанием происходящего.

+

В.Г.

Подборка стихотворений Ольги Лазаревой

Уходящему году...

Я прощаюсь с тобой,
уходящий, неласковый год –
Год безумных идей, суеты и оборванных жизней,
Недосказанных слов, недоношено-сумрачных мыслей –
[Не до веры заблудшим, коль рухнуть готов небосвод...]

Не в чести холода...
Ты прости нам, Господь, этот бред...
Бесконечность зимы – не в природе, а в стылости судеб.
Не сочтённое зло преуменьшено болью не будет,
И не спишут греховность поступков «за давностью лет»...

Я прощаюсь с тобой,
год безумных страстей и «чудес»,
Установленных цен на доверие, ложь и прощенье...
Я, наверное, больше не жду твоего повторенья –
Слишком много потерь... Слишком тяжёлый навязанный крест...

Славит мир тишину...
Миражи рассыпаются в прах...
Новогодье итожит доверие скупкой иллюзий.
И горчит пустота, находя отраженье в стихах,
Исцеляя сомненьем неловкость душевных контузий...

Я прощаюсь с тобой,
год разлук и нечаянных встреч,
Время светлых мечтаний приправив полынным настоем.
В бесконечное «завтра» вплетая желанье простое –
На краю у судьбы чистоту и надежду сберечь...

Траектория бумеранга

Не пройден путь, и некого винить.
Оплаченность долгов не греет душу.
Звенящей кордой – жизненная нить –
Рывком сдирает кожу. И наружу,
Фантомной болью, – крошево из фраз,
Костром любви пылающих когда-то...
На крестовине неба ночь распята,
И плавит похоть сросшихся «на раз»...

К земле прижаты долгом... Тишина –
Страшнее всех немыслимых пророчеств,
Фальшивых нот и лживых одиночеств...
Тугая завязь утреннего сна
Набрасывает мнимый камуфляж
Трёхмерности, взрывающей рассудок.
И улицы, снимая макияж,
Рукой холодной правят точность суток...

Количеством утрат итожим дни.
Саднит привычно в левом подреберье.
И красное на белом – снегири?..
А может, кровь... .. Наивное безверье –
В паденье ниц, как в способ заместить
Молитвенную трепетность отмщеньем.
Верстая судьбы долгом и прощеньем –
Ни совесть, ни Христа не воскресить...

Последней нотой сорвана струна,
И жмут в плечах чужие обещанья,
Латая неприрученность молчанья
Тобой, моя усталая страна...

И снова, плотным строем Кукловоды,
Подогнанный, один на всех, аршин...

А на изнанке трепетной души –
Рубцы
 незаживающей
 свободы...

Весна... шальная...

Это просто весна...
 Оголтело хохочущий март –
Время звонких дождей
 и ветров хулиганисто-шалых,
Растревоженных мыслей
 и губ зацелованно-алых...
Перекрёстки разлук
 и рождённый на воле азарт!

Заплатив по счетам,
 бьётся в окна встревоженный гром,
Зачарованность неба
 плеснув
 на стекло
 перламутром...

Неуёмная нежность
 бесстыдно-счастливейшим утром –
Это просто весна...
 заглянула хозяйкою в дом!

Нараспашку душа...
 Повиликой дурманною сон –
Бесшабашным распутником
 крепость берёт без прелюдий...
Это просто любовь...
 изо всех салютует орудий!
Беззастенчивый март...
 Колокольно-серебряный звон...

Обратный отсчёт...

Пошёл отсчёт...
 Запущен метроном...
Великий Зодчий дарит «утешенье» –
Грехи уравнивать прощеньем,
Крестом – осину...
 К жизни на поклон
Выходят судьбы, даты, имена...
Насмешкой Брута – скомканная вера.
И Вечности пустые семена
Раздаривает глупая химера...

Девятый круг...

Порочный...

Роковой –

Предательства обитель и темница,
Где чёрных дней тосклива вереница
И голоса, звенящей тетивой,
Бичуют мысли, слух... et cetera...
Над бездною ступень – всё та же бездна! –
Молитвами из «завтра» во «вчера»
Врачует... но нещадно пасть разверзла...

На троне Фарс...

Прислуживает Зло,

Изнанки душ кромсая на лохмотья.
Натягивая Времени поводья,
Оттачивает болью ремесло –
Б е з у м и е... ..

Парадоксальность дней –

В приумноженьи мудрости печалью.
И выход скрыт из города Теней
За пятой Изумрудною Скрижалью...
Разломлен хлеб...

Процежено вино...

Полшага до последнего причастья
В Безмирье, на пороге двоевластья,
Где Свет и Тьму узнать предрешиено...

Уходит жизнь в иную ипостась...
Всё реже восклицают «Аллилуйя!»,
Познав порок и пагубную страсть...

Лишь тот молчит,

о ком

не стоит все...

Падаю... в небо...

Я сегодня свободна –
От памяти, снов и обетов!
Легковесная грусть запечатана нежностью строк.
Прикоснувшись к Душе, рассыпаю осколки запретов
По июльскому дню, принимая любовь, как восторг!

Заплутавшая в небе –
Я солнце баюкаю наше,
Тени огненных рун прошивая безумием слов!
Не дышу без тебя!
В каждом дне избавляясь от фальши
Не твоих поцелуев... Пустых без тебя городов...

Ленту лет разорву!
Откричу!
 Отболею!
 Отплачу!
Сумасшествием ласк одарю на краю у судьбы!
Не живу без тебя...
Целый мир на фрагменты иначе,
В небеса отпуская минуты, в которых не ты!

Вздых!
 Блаженство!
 Полёт!
Запах ночи желанием скован...
Удержи меня, жизнь...
 Хоть, на шаг до любимого...
 мне бы...

Станет целым Душа...
Покаянный сюжет уготован...
И на грани безумств...
 снова падаю...
 Падаю в небо... ..

Растаможено совестью...

Расплёскиваем боль, разгадываем сны,
Бикфордовым шнуром сплетая дней сюжеты.
Непонятый народ потерянной страны,
В безверии своём распяты и отпеты.

Возводим на крови – то храмы, то мечту,
Штампованным «дарам» бездумно присягая.
На совесть возложив могильную плиту,
Разыскиваем ключ от призрачного Рая.

Раздариваем жизнь, приумножаем ложь...
На ощупь, наугад, в эпоху эскапизма,
Бредём сквозь плотный строй зазнавшихся вельмож,
И трепетность души низводим до цинизма.

Ни взвесить, ни продать сомненья и грехи,
Немыслима цена прогорклых обещаний.
Болезненно саднят на памяти штрихи
Неважности побед, поспешности прощаний.

Обманчиво легка последняя верста,
Убийственно просты сюжеты оправданий
Для тех, кто отличить Варавву от Христа
Не сможет, на пути из лживых покаяний.

Застыл в гортани слог... Окончена игра –
Последних рубежей ничтожная потеря...

В сакральности идей давно пришла пора
Узнать по именам –
Спасителя и Зверя...

Соло ноября (Разговор с Богом)

Ещё одна осенняя печать
Проставлена на жизненном реестре...

Ты помнишь, как учил меня прощать
Фальшивость нот в неслаженном оркестре?
И память заполняя кутерьмой,
Ненужными молитвами и бредом,
Доказывал, как здорово – самой –
Заштопать душу равнодушным небом...
Как важно, сохраняя status quo,
Не плакать у пустого изголовья
И чувствовать, как битое стекло
Способно ранить менее злословья.

Судьбы подарки...
Ты всегда был щедр
На горький опыт, раны и ошибки,
Выуживая из бездонных недр –
У Вечности – лимиты и попытки,
Намёки, сожаленья, «беспросвет»,
Скупые фразы, долгие обиды...

Неслышно «да» и громогласно «нет»...

Мне иногда казалось, что мы квиты
В безудержном стремлении познать
Друг друга... мир... пороки и духовность...
Но снова, передышкой, благодать
И чувства, как обычная условность.

Нетронуты листы календаря.
Слова, молитвой, просятся наружу...

Как откровенье – соло ноября –
Попытка достучаться
Богу...
В душу...

По дороге забвения...

Дождь-ловелас, потерявши страх, лупит прицельно в мишени скверов...
Мир мой распят на семи ветрах, музыкой сфер окрыляя веру.

Полночь, кокеткой, стучит в окно, бликами лунными правя слоги...
Нужен ли повод прощупать «дно», если судьбу даровали боги?

Биться на грани, дыша вздохом счастьем, надеждой, тоской, стихами.
Век измеряя любовью, чтоб... Вечность потом не клеймить грехами.

Вытравить... память, обиду, боль; вымолить, слёзно, дорогу в небо;
выжить... закончив делить на ноль тех, кто друзьями ни разу не был.

Мимо пройти, наугад, сквозь тьму, нежно касаясь губами сердца.
Не зарекаясь, сложить в суму горькие страхи шального детства...

Шанс на удачу сожму в горсти, сходу рифмуя «узду» и «стремя».
«Ныне и присно», Господь, прости... ту, что пеняет на жизни бремя.

Крестиком медным легли на кон совесть и вера – «Ключи от Царства»...

Жизнь – это время блюсти закон.
Смерть – это повод для постоянства...

Вечность...

В который раз сгорает тишина
От божьей искры праведного Слова!
Сквозь пепел прорастают семена
Его любви – всего первооснова.
Здесь день за год, а жалость – смертный грех.
И каждый шаг без права на попытку
В бессмысленном движении вверх
Исправить совершенную ошибку...

Тисками страх и ложь. Слепая лесть
Всё так же оплетает паутиной.
Разбросанных камней числа не счесть,
Но грех ли был всему первопричиной?..
Отпущенных минут скупая горсть
Ладони полосует беспощадно
Лишь тем, кто принял сумрачную злость,
Отринув божьи скилы безоглядно.

Здесь совесть невесома и чиста,
А помыслы божественны и святы.
Но святость, как и брусья для креста,
Скрепляет лишь возможность... быть... распятым...
Пытаясь устранить сомнений течь
Пастушьими усилиями веры,
Действительности факты не сберечь,
Поддавшись обаянию химеры...

Молчание качнёт земную твердь,
Распотрошив простуженную память.
И, отступая, улыбнётся Смерть,
Вмиг уравнивая слова «хранить» и «ранить»...
Просроченной мечты недолог век,
Лубочными картинками – беспечность...

И рассмеётся Бого-Человек,
Придумав для себя Вину и Вечность...

Константин Никулин (Киров, Россия)

Конкурсное произведение Константина Никулина

На Вятке

Пусть я сопьюсь, пусть я на Вятке сгину
От эпицентра всех вестей вдали,
Лелея старый дом с клочком земли,
Но я покинул эту паутину —
Устал от жарких слов про Украину,
Речей про кризис, курсы и рубли.

Забыт и там, и здесь... привет, свобода!
Событий нет, в газетах — пастораль:
"В борьбе со снегом победил февраль".
Из разговоров — дети да погода,
Ведь жизнь не только деньги, спор и мода,
Как город — не асфальт, бетон и сталь.

Брожу весь день от набережной Грина
До Театральной по сплетенью троп.
На Спасской припаркованный сугроб
Штурмую и съезжаю как с трамплина.
В Москве, гуляя, помер бы "от сплина",
А здесь когда грустить и ныть как сноб?

Я стал взрослее, город мой — постарше.
И хоть музеи прячут под лоскут,
Реклама обвила дома как спрут,
Его старинный облик не был страшен,
Столетние дома намного краше
Жилых коробок, вставших как редут.

Отсюда уезжают — накипаело,
Сплошь неуют и жизнь идёт с трудом.
Так я когда-то, бросив отчий дом,
Боялся жутко, хоть казался смелым,
Но точно знал: навек сквозь все пределы
Я буду этим городом ведом.

От литературного обозревателя

Тема конкурса здесь раскрыта. И за это:

+

В.Г.

Подборка стихотворений Константина Никулина

Что-то про осень... (32 и ½)

Осталась цель одна — избежать пата.
Так дерево, пытаюсь сохранить
Последнюю связующую нить,
Удерживает лист, но всё когда-то...
И время всё равно заставит падать,
А после — остаётся только гнить.

Все образы про осень в этой жизни
Трагичны и уложены в клише,
Но тем, кто прожил лето в шалаше,
А нынче смотрит в небо с укоризной,
Настал черёд поразмышлять над призмой,
Переосмыслив образы в душе.

Не обвиняй, что я подвержен сплину,
Страдать о вечном не присуще мне.
Я просто барражирую на дне,
Чуть ближе и к истокам, и к руинам.
Ты видишь там песок и комья глины,
Но это просто разность в глубине.

Пройду по парку — пасмурные лица,
Включу экран — распахнутые рты.
Перечитав газетные листы,
Не понимаю, как я мог смириться.
Но душу сжечь, во всём идя на принцип,
Куда сложнее, чем просто сжечь мосты.

Вития Пирр воспел свою победу,
Жжёт Герострат, а мне твердят: "Забудь!"
Не нравится — вали куда-нибудь".
И ждут в ответ: "Карету мне, карету!",
Но цикл вернётся к шалашу и лету.
И флюгер не указывает путь.

И выбор стороны здесь — дело вкуса,
Что возводить, что разрушать редут,
Итог один — империи падут.
Историк, отложи анализ курса,
Скажи им: вещь — потенциальный мусор,
Что их слова — борьба за атрибут.

Осенний пат... и пряник, и ошейник
Приемлю равно. Впереди зима...
Вот-вот листы уложатся в тома,
Но вычислять, кто был из нас мошенник,

Кто сеял ветер или был мишенью —
Не лучший выбор пищи для ума.

И нет нужды казаться адекватным.
За день, легко сменяющий другой,
Десятки тысяч обрели покой.
Лови мотив, поскольку вероятно,
Что быть собой не значит быть понятным,
И мгла уже нависла над строкой.

Всё в порядке

О чём писать не знаю. Всё в порядке.
А всё, что не в порядке, — это вряд ли.
Я овощам ввёл санкции на грядке,
Засеяв там овсяницу и мятлик.
И что с того, что логика хромая,
Она, как всё вокруг, — безупречна,
И потому startup земного рая
Откладываю каждый день на вечность.
Живу в тиши, работаю не шибко,
Связав работу с давним увлечением:
Когда-то совершенные ошибки
Складирую по смыслам и значеньям.
Мартышкин труд... но дело не в профите:
Так увлекает пятая стихия,
Что вижу знаки даже в алфавите,
Ведь многие согласные — глухие.
Духовных скреп, навешанных на уши,
Полно везде. Писать о них — банально.
Взамен борьбы и опытов с удушьем,
Разыскиваю мысль о темпоральном
То в новых людях правильного сорта,
На маздах резво мчащих по ухабам,
То в тех, кто регулярностью просмотров
Влияет лишь на рейтинг порнохабов.
Читай меж строк: тоскливо здесь и тихо,
Бессонница терзает до восхода.
Свалить отсюда — безусловно, выход.
Но неохота.

Сезон дождей

Semper idem... и не тревожь бывшее,
Забытое, увитое плющом.
Лекарство от тоски известно, Хлоя.
В сезон дождей всё самое плохое
Решается зонтом или плащом.
В такие дни легко остаться трезвым,
Когда на кухне Paulig и джезва,
И муза мягко льстит: "Пой мне ещё".

В сезон дождей, прошедший день итога,
Уйдя от всех, читай своё кольцо
О том, что всё пройдёт, и это тоже.
Твой бледный вид — контраст с моею рожей.
Ещё вчера она была лицом,
Я делал выбор: спиться или спеться
До остановки крови или сердца.
Но всё прошло. И дождь, в конце концов...

Лицо, наверно, важная утрата,
Но раскачать эмоции во мне
Сегодня посложнее, чем когда-то.
Мой выбор по расчётам сопромата —
Покой среди разбросанных камней.
Есть в том причина творческих простоев —
Я брежу в состоянии покоя.
Не верь всему, о чём прочтёшь в письме.

Не верь стихам... в них бред кобылы сивой
Легко напишет автора рука:
То заблуждаясь, то творя спесиво,
То, потакая, делает красиво.
И в жизни, знай, что я наверняка
В сезон дождей, чтоб не искать закуски,
Варил бы только кофе по-французски,
Пять чашек на бутылку коньяка...

Если все чувства выгорели во мне...

Если все чувства выгорели во мне,
Что же ты звонишь ночью, когда одна?
Я изучаю небо в своём окне.
Знаю, ты тоже смотришь в квадрат окна...

В жизни моей всё было. Что чаще — зло,
Это возможно. Тем интересней жить.
Бабочка тоже бьётся в своё стекло.
Преодолеет — кончатся миражи.

Что-то случилось, что-то пошло не так,
Может вчера, а может быть десять лет.
Главная цель всей жизни — успеть устать,
Только всегда хотелось оставить след.

Если все чувства выгорели дотла,
Что же не сплю ночами и пью свой чай?
Память в порядке, но — я не помню зла.
Если точнее — просто привык молчать.

Помню, что разум — это моя тюрьма,
Знаю, что вера кому-то — такой же плен,

Чтобы не скиснуть, чтоб не сойти с ума.
Стал бы безумным — с верой не знал проблем.

Там, где должно быть сердце, клубится дым.
Если там только пепел, то что болит?
Тем, кто тонул, не надо большой воды.
И для претензий время ушло, Лилит...

Плавай где хочешь, звёзды в твоём окне
Чертят в морях маршруты, не знают дна.
Время тасует роли, и в новом дне
Кто-то тебе даст новые имена.

Как серебро блестит замёрзший город...

Как серебро блестит замёрзший город,
Застрял в холмах, уснул в ноябрьской мгле.
И я уверен: так по всей земле —
Немая полночь, и собачий холод.
И тусклый свет. И мысли о тепле.

Размерен шаг. День, отслужив по сроку,
Подвёл черту — и снова по оси.
Иду пешком, ведь мне хватает сил
Пройти наедине с собой дорогу
Там, где другие мчатся на такси.

В пути есть время размышлять о лире,
О том, когда же мы коснёмся дна.
И в чёрном небе бледная луна,
Хранитель всех желаний в этом мире,
Ко мне уже не так и холодна.

Она зависла над хрустальной крышей,
И лунный свет мерцает в такт стиху:
"В своих желаньях разберись, ты слышишь?"
А я в ответ: "Внеси в мой список лыжи,
И вычеркни другую чепуху"...

Сад камней

Затерянный в сознании сад камней...
Найди меня, когда придёт усталость,
Когда невыносимой станет старость —
В ничем не возмутимой тишине
Забуду всё, что вне тебя осталось.

Мне снись ночами на излёте дней,
Чтоб помнил, почему нет жизни вечной,
Что всё случайно в ней и скоротечно,

Что есть лишь суета и сад камней,
В любом из измерений — бесконечный.

Я без него бы сжёг давно тетрадь,
В которой много рифм и мало проку,
Не смог бы ощущения сжать до хокку,
Не осознал — не страшно умирать,
Что я один, но мне не одиноко.

В одной из встреч, когда придёт черёд
Причин и следствий завершить маршруты,
В нём мир зависший, бывший мне приятным,
Сознание вновь свернёт
до абсолюта.

Букв заглавных росчерк

Букв заглавных росчерк - скрипичный ключ,
Со строкой сливается в нотный стан.
И слова, как ноты, в нём ищут луч,
Разметав мелодию по листам.

Подобрав аккорды душевных струн
К разным инструментам, со сменой мест,
Дирижёрской палочкой знаки рун
Начерчу, чтоб грянул и мой оркестр.

И сметая напрочь мотив иной,
Разобью главу на обрывки строк,
Но останусь к залу всегда спиной,
Заплетая звуки души в венок.

И растаяв тенью в глухой ночи,
Завершив по сроку игру с судьбой,
Может быть услышу - она звучит!
Музыка играет сама собой.

Смотри

Смотри на небо — не увидишь дна.
Смотри под ноги — не найдёшь надежду.
Смотри вперёд, и жизнь зависнет между
Иллюзией и миром, где война
Не изменяет вида из окна,
Хотя за ним не то, что было прежде.

Пусть сжатый в ритм формат забытых строк
Хранит былое. Нынче на прицеле
Всегда тела, а души — это цели
Других материй. Где взведён курок —
Любым словам истёк последний срок.
Слова не помнят зла — и уцелеют.

На восемь бед ищу один ответ,
Он — резонанс от струн, звучащий в деке,
И столь же точный, как весы в аптеке,
Но я не знаю выхода на свет.
Я просто выхожу, и этот след
Не сохранит и не поднимет веки.

Вокруг тебя — замёрзшая вода.
Писать несложно, наблюдая с крыши,
Переплетая дальше, больше, выше.
Впусти слова в тугие провода —
В твоей душе совсем немного льда.
Даст Бог, ты что-то светлое напишешь...

Елена Уварова (Алматы, Казахстан)

Конкурсное произведение Елены Уваровой

Долина смертной тени (из пережитого)

*Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной,
Твой жезл и Твой посох - они успокаивают меня. (Псалом 22:4)*

Цвели сады, плыла по небу синь,
И всей планете было безразлично,
Что мать кричала: «Бог, иже еси!»
На каменном полу,
у стен больничных.

Ей медсестра сказала: «Надо ждать.
Туда нельзя, мамаша, посторонним».
Она ждала, как может только мать.
Вонзала ногти в тонкие ладони.

А в этот миг рвалась из тела жизнь,
Сужался мир до сиплых междометий.
Бессильное врачебное «Молись!»
Казалось ей дыханьем злобной смерти.

И детский хрип за стенами, во мгле
На части разрывал ее невольно.
Она молилась
Прямо на земле,
Под окнами,
Коленопреклоненно.

Под ребрами стучала гулко боль.
Ей помнится: выросла земля в колени.

А Бог ребенка к жизни нес тропой,
Идущей из долины смертной тени.

От литературного обозревателя

Трагичность ситуации, описанной в этих стихах, не могут не найти душевного отклика у читателя.

В.Г.

Подборка стихотворений Елены Уваровой

Среди булавок

На дачном чердаке в большой коробке,
Замотанной надежно паутиной,
Пылятся много лет воспоминанья -
Две пуговицы, детские тетрадки,
Булавки, пожелтевшие открытки,
С неровными краями фотоснимок,
На нем - застывший мир провинциальный:

Размытая дорога возле рынка,
Под лавкой спит бездомная дворняга,
Вдали блестит на солнце купол храма,
Похожий на буденовку солдата.
А в центре, в белом платье и косынке
Девчонка улыбается кому-то,
В худых руках садовые ромашки,
У ног - корзина, полная малины.

Девчонка эта – бабушка Тамара,
Прошедшая войну, Сырецкий лагерь.
Ей предстоят страдания Марии:
Присутствовать на страшной казни сына.
Но это будет позже, а на фото
Глаза девчонки светятся от счастья.
И пуговицы светятся огнями.

... Их срежет бережливая Тамара,
Как будто перезревшие маслины,
И пронесет с собой, и сохранит их
В коробке жестяной среди булавок.

Дети войны

В холодной обездоленной Москве,
Кроившей гимнастерки и шинели,
Мне снился новомарьевский* рассвет.
Я видел: созревали и желтели
Огромные пшеничные поля,
Колосьями, вырастающими в небо;

Турлучные хатёнки поселян,
Где пахло завсегда печеным хлебом.
Я ел его горячим. И во сне,
Голодном, лихорадочном и горьком,
Казалось, будто не было вкусней
Его ломтей с янтарно-желтой коркой.
А бабушка стояла у печи:
Уставшая, счастливая. Живая!
И тесто превращала в калачи,
Пекла их, из горнила доставала,
Укладывала выпечку горой
Неспешными движениями, умело.
А я не мог наестся, и нутро
От голода сжималось и болело.
Сон таял с первым криком петуха,
Для города – чужим и непривычным.
Очнувшись, я то плакал, то вздыхал,
Смотря, как спит, раскинувшись сестричка.
И злая бесконечная тоска
Стучала в не протопленные стены,
Которым, как и мне, наверняка,
Всё снился хлеб. Горячий. Довоенный.

** Новомарьевская станица (Ставропольский край)*

Пылинки

Рассвет спускался пересвистом птиц,
Стремглав бежал по заспанному миру,
Врываясь в коммунальную квартиру,
Будил протяжным скрипом половиц,
Возней над перепачканной плитой,
Вместившей тонны кухонной посуды,
Которая впитала пересуды
Многосемейной жизни городской.

Я ждал, когда умолкнут голоса,
Жильцы уйдут куда-нибудь на время,
Квартира скинет тягостное бремя,
И будет слышно, как жужжит оса,
Попавшая за раму, под стекло.

Я поднимался, шел по коридору,
Сметая паутинные узоры,
И замирал, увидев, как легко
Из скважины замочной льется свет
На старый пол, невытые ботинки,
И бабочками кружатся пылинки,
Качаются и шепчут мне: «Привет».

Назад в Романовку

Стонет зима, колобродит и злится.
Стынет под снегом седая столица.
Горбятся крыши, горят фонари.
В сонной хрущевке вздыхает старик,
Снова срывается мысленно с места,
Мчится в Романовку, в теплое детство,
Падает в травы, где стелется вьюн,
И, по глоточку вбирая июнь,
Видит опять невозвратное время:
Солнце на ветках орешника дремлет,
Зной разливая горячей рукой,
Кутает мир в деревенский покой.
Пух тополиный по крыше сарая
Катится, будто бы пена морская.
Дух таволжанный парит над землей.
В поле течет, извиваясь змеей,
Тихая речка. За ней сиротливо
Прячется ветер под сводами ивы.
И, выходя за свои берега,
Небо корнями врастает в луга.
Вздрагнет старик и опять возвратится
В серую зиму,
 в хрущевку,
 в столицу.

Дорога уходила в облака

Дорога уходила в облака,
Плывущие унылой вереницей.
Сменялись васильковые луга
Полями непричесанной пшеницы.
В полуденное небо напрямик,
Цепляясь за колдобины и кочки,
Катился запыханный грузовик,
Разламывая глиняную почву.
В кабине было душно, лился зной
Сквозь окна на уставшего шофёра.
Он смахивал испарину рукой,
Курил. От папиросы Беломора
Закашливался, слушал, как дрожит
Дыхание чахоточной трёхтонки.
Смотрел, как суетливые стрижи
Очерчивают солнечную кромку.
И думалось в гремящей тишине,
В которой было мастно и тесно
О маленьком Егорке, о жене,
Пропавших в сорок третьем под Смоленском.
Молилось вдруг: "Не нужно ничего -
Увидеть бы разочек их живыми".
И пахло застарелым табаком,

Арбузами, цветами, зерновыми.
Летели вдаль проворные стрижи,
Ползла по кочкам грузная машина.
Вздыхалось. И крутилась лентой жизнь.
Кромсали лоб глубокие морщины,
А память билась жилкой у виска.

...Поля сменяли тихие станицы,
Дорога уходила в облака,
Плывущие по небу вереницей.

Письма (Она)

Пишу тебе «за тридевять земель»,
туда, где поседевшие деревья
скрипят во тьме. Где кружится метель,
запугивая стылую деревню,
лежащую в колючей тишине.
Где, вывернув изнанкой поднебесье,
хрипят ветра, и хлипкий интернет
теряет поминутно равновесье.
Ты - весел, говоришь, что ночь длинна,
как Вилсонская опера*, и впору
слагать стихи. Слагаешь. В них луна,
нагой русалкой спрыгивая в прорубь,
скрывается под каменной водой,
Селеной выплывая из-за льдины.
Ты Бродского цитируешь порой.
И учишь жить неспешно,
чтоб руины не множить до секвоевых вершин,
чтоб мусор не накапливался в складках
бессмертной, пусть и загнанной души,
положенной Всевышним на лопатки.

А я пишу о всякой ерунде,
в которой нет приправы в виде тайны.
О том, как пролетел столичный день,
что в сонный дождь вплетается трамвайный
холодный стук. И сдавливают грудь
твои стихи, обрывки разговора.
Я долго не могу потом уснуть
и пальцем по экрану монитора
вожу: «Люблю тебя».

**Опера Роберта Уилсона «Жизнь и эпоха Иосифа Сталина», состоящая из 7 актов, шла 13 ч 25 мин в Бруклинской академии музыки (Нью-Йорк. США) 14 и 15 декабря 1973 г.*

Письма (Он)

Ну, здравствуй. Как погода? Как дела?
У нас под вечер снова минус тридцать.
И ветер, закусивши удила,

заглядывает в мраморные лица
прохожих, торопящихся скорей
в натопленные домики-шкатулки.
При свете одиноких фонарей
рождается затишье в переулке,
мучительное в сущности. Но мне,
наполненному письмами твоими,
уютно в наступившей тишине,
где мысли вдруг становятся живыми,
где чувствуешь, что с ног до головы
ты изменился, стал мудрей и старше.
Я знаю, что мы все чуть-чуть волхвы,
не только в Рождество, (как думал раньше,
наученный поэтом), а всегда,
способные на светлые безумства.
Мне кажется сейчас, не провода,
не спутники нас связывают – чувства,
нанизанные кем-то на стихи,
на музыку, звучащую повсюду,
на тысячу непознанных стихий.
Достигнув максимальной амплитуды,
они переродят нас, и тогда –
ну что нам заколоченные двери,
железные заборы, города,
чужое восклицание «не верю!»...
Тогда я не нажму опять «delete».
Ну, а пока: прости меня, родная...
Я вновь пишу... что весел и небрит,
что слышу стук уставшего трамвая,
в котором едешь ты, твоё тепло
летит ко мне сквозь тучу снеговую.
...Я, глядя в запотевшее стекло,
черты твои по памяти рисую.
Пиши мне.

Чердачный мир

Плыл осенний рассвет: осторожный, неслышный.
Через ветхие балки чердачной келейки
Заползал тихо в дом, трогал стены и крышу,
По-отечески гладил прогнившие рейки,
Поднимал на руках неуклюжего солнца
Черепичную пудру, растёртую с пылью.
Паутина летала, свои волоконца
Расправляя, как будто затёкшие крылья.
Оживали тотчас позабытые вещи:
Допотопные кресла, разбитая скрипка,
Фотография юноши в обществе женщин,
Чемоданчик, плетёная детская зыбка.
И рассвет становился уверенней, громче,
Разливался по дряхлому дому всё шире,
Он любил прикасаться к святыням... А впрочем,

Просто к старому хламу в заброшенном мире.

Июнь

В закатный час над ресторанами,
В табачном облаке паря,
Мигали звёзды оловянные
Осоловевшим фонарям.

Смолкали птицы постепенно, и
Фокстротом наполнилась земля,
Лилось-искрилось счастье пенное
По золочёным хрусталиям.

В тени хлопот с любовным привкусом,
Теплом асфальтовым дыша,
Кипела жизнь на вечном примусе
Провинциальных горожан.

Черкал на лавке за эстрадою
Студент, не ведая забот:
«Люблю! Женюсь! Июнь, 20-е».
А ниже: «41-й год».

Игорь Стебенков (Москва, Россия)

Конкурсное произведение Игоря Стебенкова

В стране берез и тополей

Там синекрылые стрекозы
Танцуют, чтобы не упасть.
Под вечер в зарослях рогоза
Так смачно чмокает карась.

Там лягушонок два куплета
Уже в пруду орать охрип
И очень пряно пахнет летом
В моей корзине белый гриб.

Там вечер цвета голубики
И, разливая желтый мед,
По глади пруда сея блики
В ночь месяц лодочкой плывет.

Там земляникой пахнут губы
Одной, единственной, моей
И звездопад - в печные трубы,
В стране берез и тополей...

От литературного обозревателя

Текст, в котором имеется немало ярких и выразительных строк. Заслуживает поощрения.

+

В.Г.

Подборка стихотворений Игоря Стебенкова

Скворец

В моем саду опять запел скворец,
С утра старается артист черноголовый.
Своей подруге он нахваливал дворец –
Скворечник неказистый и не новый.

Но как же пел и щелкал, сорванец!
Зачем такому царские хоромы?...
Гонец Весны он – солнечный певец,
Свободный птах и давний мой знакомый.

Благодарю тебя, что не даешь забыть
Простую истину – счастливым быть несложно.
От сердца петь и от души любить
Еще возможно все, еще возможно...

Душою к небу прорастаю...

Еще хрусталят лужицы морозы,
Но дни пресветлые забрезжили вдали,
Когда, целуя белые березы,
Попробую я сок родной земли.

И без следа уныние растает,
Для жизни вновь пробудится росток -
Так я душою к небу прорастаю,
Как прорастает зеленью листок...

Страдать легко...

Страдать легко... сжимая крепче зубы
И охлаждая в венах кипятки,
Стирать из памяти твои глаза и губы,
Выплескивая строки на листок.

И пусть ночами мне бредово спится,
Живу не потому, а вопреки...
Я не один, пока клюет синица
Зерно с моей протянутой руки.

И пусть осенний дождь о ком-то плачет,
А мне уже себя почти не жаль.
Страдать легко... но сложная задача –
В стихах своих не умножать печаль...

Огонь и музыка Любви...

Любовь, как музыка, что в небеса маня,
Того, кто слышит к звездам возвышает.
Любовь, как чудо благодатного огня –
Кто верит истинно, того не обжигает...

Хотели мы, но так и не смогли
Держать огонь, не обжигая руки.
Бог подарил нам музыку Любви,
Мы сочинили музыку разлуки...

Черный человек

*«Черный человек
На кровать ко мне садится,
Черный человек
Спать не дает мне всю ночь...»
(С. Есенин)*

От сумасшествия века
Не вылечит и психиатр...
Что здесь судьба человека,
Если вся жизнь - театр...

Где все до боли известно:
Кому позевать – в партер,
А гениям, свято место -
На крест или... в «Англетер».

Ты был уже обреченным,
Явившись в жестокий век,
Вот и настиг тебя черный,
Черный, как смоль человек...

Стиснул горло, хоть тресни -
И нет золотых кудрей...
Жаль, о России песни
Ты не допел Сергей...

Думал: «Все люди – братья»,
Но так и не смог понять –
«Чем шире раскроешь объятия,
Тем проще тебя распять...»

Поэзии божественный сосуд

Повсюду знаки, что в себе несут
Свидетельство, что Бог нас любит.
Таков Поэзии божественный сосуд -
Отца Небесного подарок людям...

В который, сколько ни налей,
Не переполнить словом новым,
И сколько из него ни пей –
Он будет оставаться полным....

Когда-нибудь, Бог весть...

Когда-нибудь, когда-нибудь, Бог весть
Постигнем мы – Поэзия на свете есть...
А может, знали мы, но память – решето,
Познаний воз, да все не то, не то...

А было Слово – светлый дар Отца
Поэтам – избранным провидцам и творцам,
Чтоб Слову внемля, мы очиститься могли.
«Поэзия – есть Бог в святых мечтах земли...»

Для высшей цели дар Поэтам дан -
Не все меряться, кто истинный талант,
Не для того, чтоб написать стихов тома,
А для того, чтоб души не объяла тьма...

Чтобы однажды, вдруг, старанием пера
Смогли раскрыть мы формулу Добра,
Любви, Прощения и стали, наконец,
Жить так, как замышлял для нас Творец...

p.s.
«Поэзия – есть Бог в святых мечтах земли...»
(В. Жуковский, из поэмы "Камоэнс")

Сергей Смирнов (Кингисепп, Россия)

Конкурсное произведение Сергея Смирнова

Жесткокрылое время

Светлые сумерки майского вечера.
Бронза надкрыльев. Гудение в воздухе.
Приоткрывала природа доверчиво –
рано ли, поздно ли – всё, что не познано.

Побоку танцы, забыты учебники –
мальчишки, жгучим азартом влекомые,
скачут по улице, словно кочевники.
Жару поддайте, враги насекомые!

Возле черемухи дремлет акация,
тянутся полем туманные полосы.
Вот показалась жуков авиация –
шум, беготня и весёлые возгласы!

Здесь пригодился спортзал с тренировками:
точный бросок – есть добыча законная!
Вместо сетей – олимпийки с ветровками,
вместо узилищ – коробки картонные.

И не нужны ни триумф, ни овации,
ни похвала дорогого Петровича –
было бы чем перед классом похвастаться,
всюду таская жука на веревочке.

Время, как речка, течет да не вытечет,
было веселое, стало постылое...
Я обрезаю заветную ниточку,
я отпускаю тебя, жесткокрылое.

От литературного обозревателя

*Точно передано ощущения первоначала и взросления души. На редкость
выразительный, выверенный и поэтически обоснованный финал.*

+

В.Г.

Подборка стихотворений Сергея Смирнова

Планктон

Там, где роится офисный планктон,
в тиши и неге тёплого затона,
по Дарвину живут, не по Платону,
над всем царит естественный закон.
Там ночью бродят тени по стене:
киты финансов, бизнеса акулы –
мелькают плавники, косые скулы –
создания, пришедшие извне.

Охранник кормит рыбок. Видит он:
плывёт в огнях глубоководный город,
плывут огни полиции и «скорой»,
плывут, мерцая, натрий и неон;
предпочитая ретро и олдскул,
плывёт рыбак на облачной изнанке,

он ловит города и рыбку в банке,
охранника, планктон, китов, акул.

Все ловят всех, велик ты или мал,
все ловят всех от мала до велика.
Охранник просветлел угрюмым ликом —
он рыбака за бороду поймал.
Блесну забросив в ласковый затон,
тот дремлет над волною до рассвета.
По всем, попавшим на крючок и в сети,
звучит в ночи назойливый рингтон.

Артефакт

...и нашёл Ваня во поле артефакт,
то ли хрен-разберёшь, то ли чёрт-те-чѐ,
вроде камень как камень, тяжёл, покат,
вроде чёрен снаружи, снутри — печёт.

Он, согревшись теплом, воротился в дом,
стал тот камень чудной так и сяк вертеть.
Почесавши в затылке, постиг с трудом:
жизнь — внутри у него, а снаружи — смерть.

Он тот камень пытал топором-пилой
(а ему говорили: «Семь раз отмерь!»)
поливал самогоном, крутил юлой.
Жизнь — внутри у него, а снаружи — смерть.

Он потом попытался его продать,
но не греет других, в их руках — как лёд.
Для него предназначен судьбой, видать,
посторонних не трогает, не берёт.

А когда за Ванюшей пришла она,
в балахоне, как водится, и с косой,
он, взяв камешек, выпрыгнул из окна
и поплёлся за ней по росе босой.

Страх ко страху, вестимо, ко праху прах,
что ж теперь голосить, поносить судьбу.
Положили тот камень в его ногах —
так ему и поныне тепло в гробу.

Подзаборный пророк

Чудище с воблой, озорно, стозевно,
руки корявые грозно воздев,
кроет по матери небо и землю,
в краску вгоняя застенчивых дев.

Что баламуту сегодня неймётся?! –
пей себе пиво да пену сдувай! –
он же вокруг рассыпает намёки,
ищет в кармане потерянный рай.

Мы, говорит, от властей настрадались,
не было в мире безбожнее стран...
Тоже мне, грязных бродяг Ностардамус!
Тоже мне, шлюх городских Иоанн!

Волос всклокоченный, мутные зенки,
нос набекрень и губа в чешуе –
раньше такие встречались в подземке,
позже меняли рубли на у.е.

Он прокликает Россию с Европой,
он на Америку брызжет слюной:
будет волна мирового потопа,
только не сыщется праведный Ной.

Слушай, имеющий душу и уши,
что говорит подзаборный пророк.
Душу открой и внимательно слушай,
ибо, известно, исполнился срок.

Слушай, с каким неизменным восторгом
он призывает грядущий конец:
тьма наплзает на землю с востока,
скачет наездник на бледном коне.

Дух независим, он веет где хочет –
мат-перемат, грязь и смрад, ночь-полночь.
Так он в пыли под забором пророчит.
Здесь нынче Патмос – так здесь и пророчь!

45 секунд

Покуда ты молод, и хвост трубой,
покуда тебе не знакома жалость,
сыграем с тобою в «подъём-отбой»,
сыграем с тобою в «упал-отжался».

Ты встроен в устав, словно кость – в сустав,
и даже в уборную ходишь строем,
пополнив собой рядовой состав,
печатаешь шаг и глядишь героем.

Политики пудрят тебе мозги,
взывают о доблести командиры,
и жгут твои пятки сквозь сапоги
«горячие точки» на карте мира.

Палит тебя солнце, дожди секут...
Снаряды иссякли на батарее...
А спичка горит 45 секунд –
солдат погибает порой быстрее.

Шесть строф в сиреневом тумане

Плывут в тумане фонари –
я дал им плавники и жабры.
И ты потом не говори,
что я расчётливый и жадный.

В душе плескался океан –
и вот он вырвался наружу.
Ты, наблюдая из окна,
конечно, это обнаружишь.

Тебя игрой повеселю,
надёжным способом старинным,
и может быть, пушу к рулю
битловской жёлтой субмарины.

В окне хвостами бьют киты
с какой-то неуёмной силой,
над нами залежи воды,
как пел когда-то «Наутилус».

Загадочный подводный лес
являет чёрную утробу,
туда бесповоротно влез
без карт и компаса октопус.

Над головой проплыл корвет,
сквозь толщу вод суров и розов.
Ты, верно, скажешь: «Это бред!»
А я скажу: «Метаморфоза!»

Небеса джинсовые

Они, набрав в карманы семечек,
в джинсе, в цигейковых шубейках,
рядком сидели на скамеечке,
на школьной старенькой скамейке.
Была зима, что явно следует
из упомянутой одежды,
и ночь плыла, след в след преследуя
Димона, Мишку и Серёжку,
мальчишечью крутую тройцу
друзей отличных закадычных,
что в паз любой прекрасно встроится,
вполне уместно и логично.

Везде была обсерватория:
и на площадке баскетбольной,
и на пришкольной территории,
чтоб о заветном балаболить,
смотреть на звёзды, лузгать семечки,
ловить «летучие тарелки»
со школьной старенькой скамеечки
в затишье снежной перестрелки.
А в небе – метеоры, спутники
летели так, без всякой визы,
и ни одной тарелки, супницы,
ни даже чайного сервиза.

Друзьям не в кайф о строе прения,
о политическом режиме –
совсем другие настроения
им буйны головы кружили.
Они мечтали о созвездиях,
о галактическом десанте,
виталя площадками, подъездами
джинсовый дух семидесятых.
От пацанов тех убежите ли,
когда потом заговорите,
как сыплют сверху небожители
лузгу своих метеоритов?

Вудсток - Петербург

Вудсток мой шумит в водосточных трубах
дождём, ураганом, заезжим уркой,
как будто над стогами Петербурга
порвали покров глубоко и грубо.
На рок-фестивале былых кумиров
сойдёмся, как прежде, друзья и братья,
откроем друг другу сердца, объятья,
чтоб бой барабанный взлетал над миром,
чтоб юркой синицей порхала флейта,
чтоб плакала нежно навзрыд гитара,
чтоб нас из огня да в озноб кидало,
как тем приснопамятным красным летом.

Тогда и поймём, что у нас с глазами,
что музыка – вечна, а мы – не вечны,
посадим подружек себе на плечи,
клянясь рок-н-рольными небесами.

Мысль воплощённая

Что мысль пустая? Наважденье, сон.
Хочу, чтоб из хрящей была и мяса,
чтоб прорастала, словно эмбрион
на отмели в каком-нибудь триасе,

чтоб матерела, ела и спала
под одеялом ласкового ила,
и если б мир подлунный не спасла,
то чтоб его хотя бы удивила!

Мартовские птицы

Птицы танцуют в марте
важно и куртуазно –
в лужах с бензинной плёнкой,
на голубом снегу,
на городской помойке,
под колесом УАЗа,
то через пень-колоду,
то через не могу.

Птицы поют канцоны,
рондо и мадригалы.
В воздухе влажном вьются
звонкие голоса.
Вон промелькнула стайка
между домов, в прогале,
встала над окоёмом
красная полоса.

Птицы поют, танцуют,
празднуют новоселье.
Скоро на гнёзда сядут,
в сонный сенной уют –
вот почему над миром
в марте царит веселье,
вот почему танцуют,
вот почему поют.

Ришат Халиуллин (Санкт-Петербург, Россия)

Конкурсное произведение Ришата Халиуллина

Вкушая рыбу

Вкушаю рыбу - пахнет донным илом,
заросшим прудом, Волгой, Доном, Нилом,
рачком бискайским, гребешком морским,
китом с глазами полными тоски,
медузой студенистой, рыбой-камень,
пропитанными ромом рыбаками,
железом красноватым рейнской верфи,
бензоловым душком кувейтской нефти.
Белеющими будто астронавты
кокосовыми пахнет островами,

туристкой в мыльном креме от загара,
бездумно возлежащей до заката.
Все рыба через жабры пропустила:
Байкал хрустальный, мутный шлам Керчи,
светящиеся стоки Фукусимы.
И целый мир во рту моем горчит.

От литературного обозревателя

Выразительная панорама современного мира с гастрономическим привкусом :)
В.Г.

Подборка стихотворений Ришата Халиуллина

Мы шахтеры

Мы шахтеры, мы сыты не хлебом одним,
мы лопатами черные камни едим,
опускаемся в лифте зыбучем в забой
каждый раз, как в последний решительный бой.
В вагонетке игрушечной столько уж лет
к руднику колесим, словно он Диснейленд.
Но за каждую взятую тонну угля
не поддельною местью нам платит земля.

Вдруг однажды шатнется под нами гора-
ей давно надоела шахтеров нора-
и не выдержит стоек опорных металл,
и взорвется от искры случайной метан.
Даже тот, кто с религией жил не в ладу
осознает, что он оказался в аду.
Станут лица темны, как в церквях образа,
где в глазницах упрямо синеют глаза.

Мы сквозь недра планеты тогда закричим,
Но едва ли снаружи наш крик различим.
Завопит о спасении сквозь толщу пород
весь обугленный горем подземный народ:
"Прорубите скалу, обеспечьте проход,
запустите по шлангам в забой кислород!"
Через час нас размажет давлением в труху,
неужели наш голос так тих наверху?..

Тело и душа

Отлетит душа, какое дело
ей теперь до брошенного тела,
тела человеческой мечты -
молодого, нового почти?

Тело, что скафандр: стопы-берцы,
кожа, кости, легкие, да сердце.

Стрельнешь по нему из калаша -
и парит сквозь дырочку душа.

Почему, скажите мне на милость,
у него такая уязвимость?
На войну когда шагало смело
разве тело этого хотело?

А теперь печально и ущербно
без души лежит одно в ущелье.
Почему ни холодно, ни жарко
той душе
и тела ей не жалко?

Я мог бы

Я мог бы стать милиционером,
судебным приставом мог стать -
но бесхребетным лицемером
мешает гордость мне и стать.

Да, я бываю хмурым, трудным,
на дни ненастные ропщу,
но не желаю в улье - трутнем,
и волком в стае - не хочу.

Мотать хвостом бесстыдно вертко
перед начальником в ленце,
и прогибаться как шестерка
с холопской сладостью в лице,

взирать на бедность зло и сыто
ее саму во всем виня
и ей читать морали сипло -
не для меня, не для меня.

От власти с ликом толстомордым
до женщин жадной и деньги
предпочитаю быть свободным
во все грядущие деньки.

Хвататься за грудки не надо,
и с лестью нету смысла лезть:
в меня заложена граната
взрывоопасная как честь.

Я уеду

Я сегодня уеду
на другую планету.
Не о чем не жалея,
укачу по жаре я

по дороге не трудной,
а веселой и круглой.

Мне всего-то и надо,
чтобы в мыслях прохлада,
чтоб ни страха, ни грусти,
и под соснами грузди,
и, глядящая дико,
сквозь листву голубика.

На другую планету
Поменяю я эту.
Может там поумнею,
я ведь жить не умею.

Качания

А было так: в расхристанную осень,
в разбитой колее юзил УАЗ.
По самый мост, по все четыре оси
российский джип колесами увяз.
Водитель, закулив в горсти заначку,
попутчикам кивал сощутив глаз:
"А ну, давай, толкай его в раскачку!"
Так вызволен из ямы был УАЗ.

Пришибленно моргали габариты,
с подкрылок жижей скатывалась грязь.
Покуда этим миром правят ритмы
плечо с плечом нащупывает связь.
Покорствуя приливам и отливам,
текут ручьи, журчит по жилам кровь.
Покачиваясь в такт природным силам,
цветет ее величество любовь.

В делах любви нет больше безрассудства,
чем напрямик рулить, давя на газ.
Не лучше ли, раскачивая чувства,
в ее чертог входить за разом раз?
Боец кунг-фу и тот скрутив верзилу,
творя над ним смертельные финты,
использует его шальную силу,
как мельница энергию воды.

Не дай мне Бог метафорой опошлить
священнодействие виденное вскользь,
где соловьев намасленные поршни
по приводам земли вращают ось
О бытие! - призывный гул валторны,
круженье звезд, стрекоз гремучий вальс,
восторженность, беспамятство, повторы.
Распутица, буксующий УАЗ.

Крылья

Крылья всегда при мне,
без усилья
вхрустываются в лопатки
крылья.
Взмах-
и не слышно земного гула,
мир под ногами,
что карта Гугла.

Счастье возможно
как постоянство,
только через разрыв
пространства.
Брат златокудрый
парит в эфире,
души несет -
тяжелы как гири.

Думаешь
мне это просто снится?
Я в самом деле
могу как птица.
Быть человеком
где взял бы сил я,
если бы крылья
не носил я?

Покупаем волосы

Где-то в энской волости
пьяной духом клевера,
"Покупаем волосы"
на забор приклеено.
Ниже шрифта строгого
фраза лаконичная:
"Покупаем дорого
сразу за наличные".

Комары-мокрушники
ночь гудят над люстрами.
Башнями обрушены
на пол косы русые.

Сбиты в копны локоны,
прядочки и хвостики.
"Букли, чай, не органы
отрастут до осени".

Топчут клевер девушки,
не томясь заботами,
все считают денежки
честно заработанные.

Ночной самолет

Три светящиеся точки,
как три точки после строчки,
ровно выстроившись в ряд,
ночью по небу летят.

Эшелоном до Рязани,
до Ростова и Казани,
пронизая небосвод,
устремляются вперед.

Ждут вас, махонькие точки,
чьи то мамы, чьи то дочери,
вы, пожалуйста, смотрите,
до Рязани долетите.

Нищенка

Возьми, старуха, пятьдесят рублей,
Они твои по праву воздаянья,
Они тебе за благосостоянье
Всех сытостью изнеженных людей.

Возьми еще, они твои вполне.
Не кланяйся, благодарить не нужно -
Они тебе за сына и за мужа,
Оставшихся в Афгане и Чечне.

За не родившихся детей твоих детей,
За стыд, за горьких слез твоих удушье,
Они тебе за наше равнодушие.
Возьми, старуха, пятьдесят рублей.

Татьяна Жилинская (Минск, Беларусь)

Конкурсное произведение Татьяны Жилинской

Память

Вот и всё... концерт окончен. Зачехлен гитарный трепет.
Дом бездомных престарелых вспомнил звук аплодисментов.
Мне теперь – к себе подобным, всё сутулей и нелепей.
К премиальным, подработкам, бестолковым документам...

* * *

Там они теряли память, находя ориентиры
В птичках, ноликах и точках ... в звуках разных славных песен.
Снег все таял. Таял. Таял. Из простуженной квартиры
Чей-то пес устало лаял. Бисер плел лукавый Гессе.

А они теряли память. Птички зыркали проворно:
Может – крошка, может – кошка, где спасение найдется?
Точки в нолики стремились, и царапались повторно
Вверх по клеткам, по ступенькам, к самым классным старым теткам.

Тёток больше выживало. К ним терпимей бег по кругу.
Жаль, что дядьки, кошки, память – исчезали в мир прочтений.
Оставались звуки песен и, скажу тебе как другу,
Оставались в результате очень многих предпочтений.

И желтели и жевались, и скрипели по линейкам...
Разлетались в пух и перья и потом взлетать боялись.
Тетки долго не сдавались, распевались на скамейках,
На кроватях, на кушетках, в майках, тапках, одеяле...

Это – орден, это – сила. Это – круг «к себе терпимых».
Это – синтез состояний, класс игры в «себе подобных».
Иллюстрация идеи, сопряженность одержимых,
Что теряли тихо память, извиняюсь за подробность...

Птички, нолики и точки помогали... и не очень...
Все же память уходила... к дядькам, кошкам и... прощайте...
Что-то с этим надо делать? Черкать лист поближе к ночи?
Но мы видим, даже песни не дают больших гарантий.

Да, мы знаем – даже песни... Даже нолики и точки.
Что-то с этим надо делать... Что-то я сейчас устала
Размышлять о том, что память нужно сматывать в моточки.
Тает снег, надела тапки, завернулась в одеяло...

Понимаю, что исчезну, принимаю, что возможно
Задержусь на этой грани, между кошкою и птицей.
На границе, там, где память правит правдою и ложью,
Между ноликом и точкой на истерзанной странице.

Извини, сентиментально рассказать не получилось.
И детали не надежны, и сюжета нет местами.
Дом бездомных престарелых – суетится чья-то милость.
Между возрастом и песней ... там, где все теряют

От литературного обозревателя

Весь пронизанный горечью уходящего времени текст. Получилось развернуто, подробно и душевно. Не утомляет и не умиляет. А наполняет настоящими

человеческими чувствами. Если бы не совсем понятный (мне), финал оценил бы выше.
+
В.Г.

Подборка стихотворений Татьяны Жилинской

Лето и Августин

Эта болезнь невыносимо сладка...
Тихое сумасшествие это...
Прячется за палатками крылатого городка
Бесполезно усталое лето.

Безысходное...
Чувствуешь, Августин, смоляную
И горькую сладость под языком?
Травинку, воздушным трепещущую поцелуем?
С летом знаком Августин? Да, знаком.
Днями ходит больное, босое, бормочет фразы,
Песни поёт мимо нот, вне лада.
– Где ты, – трепещут связки, – мой дорогой, сероглазый?
Что же теперь? Ничего не надо.
Ничего не надо, потому что больно выслушать
Будет слово колкое – о «прости».
Кажется бедолаге: камышами здесь высь шуршит,
Пухом зыбким сыплется из горсти.
Прячется от тебя, от меня. От себя? – Возможно
От долгожданно льняных свиданий...
Сушатся пучками мачеха-и-мать, подорожник,
Спальный мешок от ночных рыданий.
«Всё пройдет», – ноет Августин.
Вот и не всё. Бывает,
Нудный игнорируя аудит,
Осядет на связках рифмой, зудит,
Воздух горячий глотает стаями горностаев.
И болит...
Болеет, прячется, в общем, – сходит с ума,
Иногда – купается в озере.
И бормочет, складывая пазл из вчерашних гримас:
«Станешь в примирении – козырем.
Мятым листом упадешь, Августин, застынешь в дёрне.
Рыхлым, разочарованным – любимым,
Побеждённым реальностью.
И тогда –
Беспризорно,
Покорно
Будешь все равно – любим».

Прислонись

Каждый день
Мучительно, несносно
Про себя твержу одну строку:
«Прислонись ко мне!»
Повсюду осень
На траву, на крыши, венценосно
По листку роняет, по листку.
Оголяя ветви, просьбы, жесты,
Распластав по небу сотню «ах!»,
Прислонись...
Не слушая протесты
И призывы жалобной челесты
На моих простуженных губах.
Отрешись от имени и спеси,
От притворных взглядов с хитрецей.
Помнишь, мы во сне стояли вместе –
Несовместны, глупы, неуместны,
Прислоняясь страстно.
Боже мой.
Откажись от планов, дел и целей,
От погонь за вымышленным злом.
Прислонись.
В манящем страстью теле,
Совладелец множества безделиц,
Ты – ведущий, ведом и ведом.
Прислонись...
От умных мало проку.
А от сумасшедших – боль и бред.
Извини, со мной одна морока,
Да и та истлеет раньше срока.
Ни вопросов, ни ответов нет.
Только стон осеннего настоя
На основе горсти ячменя.
Прислонись ко мне... и все такое:
Крепостное, дикое, мужское...
Прислонись...
и вылечишь меня.

Ты хотел...

И о том, что вместе с телом воскресала душа, –
Захотелось выдохнуть – мешала кровать.
Выгибалась в зверя.
Ты безумной лаской внушал
То, что так обидно было бы не узнать.

Словно скошенная трава по ночной прохладе
Из последних желанно-податливых сил,
Выгибалась к долгожданной природной награде

И просила её у тебя...
И проси...

Ла – ла – ла – ласково.
До потрясающей драки,
До правды эротичных современных саг.
Взвыли грозно мною рассерженные собаки
На мои же распущенные паруса.

Пусть их! Беснуются... это – это переживём,
Чтобы после плакаться на груди у дня.

Ты, наверное, страстно хотел
Баловать её,
А баловал меня...

Колючка

Рванулась дурой. Сижу колючкой.
Пишу халтуру, и пахнет – взбучкой.
Вросла по горло, шутила песней,
Смотрела, горбясь, на стройных бестий.
Прощала зимы, ждала с надеждой,
Что мой любимый – такой, как прежде.
Таращит рыльце, колбасит пальчик,
Играет мыльцем в шуршащих пачках.
А он – красав! В бегах по свету.
Там встретил Славу, тут вспомнил Свету...
Я вся в наиве – субъект слоёный,
А он, паршивец, совсем зеленый.
Совсем незрелый, хоть пахнет мятой.
На вид – несмелый, невиноватый...
Простой, тактичный – несовременный...
«Прости», – курлычет, – «за облик бранный».
Вот и рванулась – да шибко больно,
Почти рехнулась. Ору – «Довольно!
Не буду больше!» Дождусь заразу,
А если брошу – всего и сразу.
Куплю три фена, раз взгляда мало.
Прости – не фея, а с поддувала.
Покрашу волос, пройду мамзелью,
Потом как грохнусь об эту землю.
Да разбросаюсь на сто кусочков.
И каждый, знаешь, свернется строчкой.
И каждый, мнимо, – колючка, кактус.
Давай, любимый, проверь на лакмус
Свои успехи, мои порывы,
Снимай доспехи, лечи нарывы.
Зеленкой, йодом, да чем покрепче.
Завою в одурь: «Ещё не вечер...».
Спасай, короче. Считай – до сотни,
А можешь, впрочем, – посыпать солью.

Полить глубины, авось отгадет...
Давай, любимый, спасай!
Спасает...

Тайна спасения

Лиха не беда – начало отсчета возможных бед.
Сначала её качало, а с нею – фонарь, проспект,
Аптеку.
И лезли когти...
И лисий смешной оскал...
Сомнения все отбросив, такую ли ты искал?
Под диким лучом неона, напыжившись от тоски,
Кошмарный скелет грифона стирал для нее носки.
И ноской была одежда при страшном раскладе дел.
Она поднимала вежды...
Такую ли ты хотел?
Скалу, что рождает сажу, жующую без границ
Земли травяную кашу и жесткое мясо птиц?
Оторвыша, что сандалит ошметками по лицу,
В надежде решить скандалом наследственный вопль Творцу?
Чудовище, что, возможно, болотной змеёй сипя,
Подвенно и внутрикожно пожрёт самоё себя.
А после – табачным дымом, опутав не всласть, не в масть,
Над чьей-то земной могилой позволит себе упасть.
И, вывернув наизнанку и душу свою и плоть,
Покличет тебя, как мамку, – одеться, подстричь, помочь...
Посмотрит легко и ровно, как скорчившись от тоски,
Прогонишь её грифона, натянешь её носки...
Царапнешь побелку когтем, считая до трех овец...
Рванешься кошмару в гости, шепча про себя: «Конец...»
Врастешь в лихорадку шерстью, по Мунку познаешь крик.
Разрушишь систему шестивий: младенец – шалун – старик.
Зеленый, лихой, мохнатый, услышишь призыв еды,
Тяжелой спортивной лапой проверив её следы.
По следу – бросаясь в крайность – догнать, завалить, сломать...

Скала сохраняет тайну, оторвыш взрослеет в мать.
Змея заменяет кожу. Чудовище строит слог:
«Прости, мой зверёк пригожий,
За то, что опять помог».

Поиски истин

«Не успеешь дозреть, так провалишься в тысячу бездн...»
Да и если успели бы спелые? – Съели...
Знаешь, осень, твоей золочёной хрипатою трубе
Не хватает каденции. Попросту – цели.

И не надо доказывать, что мол, могли избежать –
Стать вареньем, вином, пастилой, мармеладом...

Милый – вспомни траву у скучающего гаража
И решайся ещё раз, да плюхайся рядом.

Есть такие поступки... Им тысяча бездн до луны.
Нам двоим все бока отобьет о породы.
Но представь, как взорвется клетчатка от общей вины,
И рванется вином за полёт и свободу...

Не решаешься, правильно, нужно дозреть до конца.
Что там осень? Гундосит про поиски истин...

Недозрелым срываюсь. По веткам медалью бряцать.
Ну а ты, если солнце позволит, пожалуйста, выпей.

Не замечай мимолетности

Не замечай мимолетности – пусть летит
Неотягченная бременем бытия.
Пух тополиный – возможно, сегодня ты
Искорка зимняя – завтра, возможно, я.

Сентиментально, плаксиво вдвойне – увы,
Так не удержишь, а только лишь насмешишь,
Я заполняю мольбами твои углы,
В угол тебя загоняя, добычу, мышь...

Ты – молодец, притворяешься: «...будет снег,
Чай с абрикосовым, теплый камин, куплет...»
Я понимаю, ведь ты – неплохой стратег.
Завтра повтора не будет. Припева нет.

Всё понимаю, но так приросла, но так...
Перекрываю к свободе возможный путь.
Снова спускаю словесных своих собак:
«Не уходи, притворяйся и просто будь...»

Просто – не просто... устал, похудел, простыл...
Терпишь, стараешься, видимо, все же – зря.
«Не замечай мимолетности» – всё забыл
Чем там казались возможные ты и я...

Загнан, затравлен, заложник, возможно, – гость.
Надо тебя отпускать. По воде – круги.
Не получилось, сломалось, надорвалось.
Я не смотрю, отвернулась, ну что – беги...

Признание

Напиши мне пару слов –
С лёту.
Просто так, о пустяках
Разных.

Я сейчас заправлю чай
Мёдом,
Потому что у меня
Праздник.
Потому что, ошалев
Вволю,
Я признаюсь о своем –
Праздном:
Наслаждаясь дармовой
Болью,
Ты, хороший мой, во мне –
Вязнешь.
Извини, но я в твою
Песню.
Загнала так много нот
С фальшью.
На своём хотелось – хоть
Тресни,
А теперь не расхлебать
Кашу.
У тебя иной порыв –
Верю...
Ты, немного ошалев,
Смотришь.
Ты бы смог построить мне
Терем,
Баловать и одевать
Модно.
И просить меня, просить
В рифму:
Пара ног – за пару строк.
Трафик...

Знаешь, я опять сама –
Фиг вам!
Предложу на этот год
График.
А потом – опять сама –
Честно!
Всем совру красиво так –
С ходу...
И умчу тебя в одно
Место,
Где мы оба перейдём
В коду.
И не пара...
Много слов –
Верных!
Обо мне.
И прозвучат –
Просто!

Извини, сейчас курю
Нервно...
Показалось ты меня
Бросил...

Молилась сини...

Молилась сини: «Хочу быть сильной».
Клялась свободой, бранила похоть.
А он явился – во всём стабильный:
«Привет, мерзавка, ну, дай потрогать».

А он ворвался в моё – жилое.
В мою рутину, тепло и тело.
И показалось – оно живое,
И оказалось – оно хотело.

Такое чувство сродни разврату.
А вот не стыдно. Легко и сладко.
Я наслаждалась его посадкой,
Его рассветом, его закатом.

А летом...
Лето печётся вольно:
«Остынь, горячка. Очнись, рабыня!»
Он камень бросит, а мне не больно.
Он дарит камень, а мне – святыня.

Весенних листьев немоту

Весенних листьев немоту
Расшевелишь скелетом ветки.
Отпустит.
Неба чистоту
Расчертишь мысленно на клетки.
Поселишь в каждую мирок –
Капризен, мелочен, неспешен.
И тихо дашь себе зарок
Дождаться таинства черешен.
Под кожей вроде бы весна.
Над головой – венчают птицы
Простое: «Я – исключена?»
С коварным «может быть» столицы.
Твои мирки прольют слова
Слова вонзят в живое жала.
В твою весну, что чуть жива,
Жива еще...
Но так устала.
Она – инкогнито теперь.
Последний шанс посудомоек.
Бледнеет твой душевный зверь:
Талантлив, трепетен, нестойк.

И от безудержной руки
Неистошимой графоманки
В поток машин влетят стихи –
Восторги, слёзы, раны, ранки.
Их идеальный вариант
Домыслит кто-нибудь «из новых».
Весенних листьев преysкурант
Уже подсчитан.
И готовым
Представлен счет.
Глиссандо шин.
Пакет несобранных черешен.
Витиевато-едкий дым.
И рифма –
Грешен, грешен, грешен...

Виктор Хатеновский (Москва, Россия)

Конкурсное произведение Виктора Хатеновского

Жизнь, как камни, раскидала

Жизнь, как камни, раскидала
Нас. Судьбу взбудрив хлыстом,
Твёрдой поступью вандала
Входит память в старый дом.
Без фанфар, без песнопений,
Раздразнив промозглый тлен,
Входит, бродит... Чьи-то тени
Отделяются от стен.
Прорастает память телом:
Камнем осветлив версту,
Батя в платье чёрно-белом
Грудью тянется к кресту...
Прокричав веселью: "Трогай!",
Ради нас - в расцвете лет
Свыклась мать с судьбою строгой;
Под Берлином - сгинул дед...
Скорбь неистовствует. Память
То безмолвствует, то вздрог...
Вздвогнув, пробует подправить
Сволочной оскал - дорог.
Жизнь вбивает ногу в стремя,
Грудь рубцует мошкara...
Ах, как сладко пахло Время
В предвкушении добра!

От литературного обозревателя

Довольно размашистые стихи. Хотелось бы большей соразмерности отдельных образов. Финал запоминается и впечатляет.
В.Г.

Подборка стихов Виктора Хатеновского

* * *

День груб, нервозен, обездвижен.
Сдружились с пылью ордена.
Взрывная терпкость спелых вишен,
Как лоб, к руке пригвождена.
Вгрызаясь в чувственную мякоть
С восторгом бешеным, готов
Конквистадор смеяться, плакать,
Пешком отправиться в Ростов,
В Солнечногорск, в Саратов к тётке,
В прохладный сумрак, в синеву -
Чтоб где то там без слёз, без водки
Из сердца выскоблить Москву.

* * *

Голос, взгляд, походка, жесты -
Слепок жизненный... В Белграде
Смерть, схватив костюм невесты,
Льнёт к кладбищенской ограде.

Под стеклом расправив спины,
Подвывая: "Все мы смертны.",
Розы, астры, георгины
Снова ждут сакральной жертвы.

Затхлый запах влажной тверди
Мозг взрывает криком: "Горько!".
Моцарт, Бах, Чайковский, Верди
Нагнетают страсти... Только

Оглашенным - страх неведом:
Растворившись на погосте,
Будешь - скомканным портретом
Приходить к Отчизне в гости.

* * *

Маме, Нине Павловне

Сколько непритворных слёз,
Бедствий, стрессов нервных
Отпрыск ваш Вам преподнёс,
Будучи, во-первых -
Хворым, хрупким, щипцевым,

Вздорным... С колыбели -
Плакальщицы стадом злым
Над блаженным пели:
"Для тебя под Минском вы-
выдолблена яма!"...
Где б я был, когда б не Вы,
Дорогая мама?!

* * *

Октябрь. Слякоть. Листопад
Флиртует с ветром. День обвалом
Надежд отмечен... Двое спят,
Укрывшись плотным покрывалом.
Ночная мгла не так страшна
Содружеству... В застенках рая
Жена, как смерть, ему нужна;
Ей нужен муж, как боль зубная.
Так - было, есть. Так будет впредь.
Вновь умертвив в октавах звуки,
Она рискует - растолстеть,
А он - состариться от скуки.

* * *

*" У тебя на каждый вечер
хватит сказок и вранья."
Павел Васильев*

Не сурьми бровей, родная!
Хоть я набожен, не глуп -
Вместо ада, вместо рая -
Приласкай и приголубь.
Надорви мои печали,
Огради меня от бед,
Будь - какой была вначале
Восемь долгих зим и лет.
Я зубами землю рою,
Крою матом тишину,
То в загул уйду с другою,
То к верёвке шеей льну;
То в Крещенские морозы,
Разбавляя водкой яд,
Псом бездомным - под гипнозом,
Всё гляжу на циферблат.
Час, второй - четвёртый, пятый...
Надоело! Хватит! Впрок
Ночь, достойная расплаты,
Пыль дорог сбивает с ног;
Отблевавшись, кружит рядом
С чёрной стаей воронья...
Вот и всё - дышу на ладан:
Хватит - сказок и вранья!

* * *

Рассеялась мгла над безрыбьем.
С утра - подвернув рукава -
Мы снадобья вздорного выпьем
За жертвенность слов. Такова
Расценка пророчеств... Сегодня,
Взбодрив злобных недругов рать
Судьба - расторопная сводня -
Прольётся стихами в тетрадь.

* * *

Передёрнув затвор беспросветной печали,
К ремеслу пристегнув взвод соломенных вдов,
Как младенца, шесть дней в колыбели качали
Расторопные улицы злых городов
Неустроенный быт, заскорузлость... Саратов,
Красноярск, присмирив к верху поднятый кнут,
В обездоленность лиц, в заторможенность взглядов
Даже видимость жизни уже не вдохнут.

* * *

С утра расцвела придорожная ива.
Возможно, чужую предчувствуя боль,
Природа сегодня так красноречива,
Что я над собою теряю контроль.

Забыты тревоги, бег в поисках хлеба;
Надуманный страх безвозвратно исчез.
Мне только бы видеть бездонное небо,
Рассвет и с туманом флиртующий лес.

Геннадий Миронов (Санкт-Петербург, Россия)

Конкурсное произведение Геннадия Миронова

Про черниговский клуб «Динамо»

*Моему тренеру
Василию Фёдоровичу Гулаю*

Что же ты учудила, мама, –
безотцовщину родила?!
Слава Богу, что клуб «Динамо»
не жалел для таких тепла!

И морозными вечерами
был мне тренер родней отца.
На татами в елецком храме
он творил из меня борца,
проводя через все мытарства,

через «больно» и «нелегко».
И дистрофик, как мог, старался,
потому что любил его –
облысевшего и хромого
запорожского крепыша.
В нём добротного было много,
так и льнула к нему душа.

Храм был отдан под нужды клуба,
всех монахинь прогнали вон.
Но в пещере под сенью дуба
не смолкал поминальный звон.
С монастырской стеною рядом,
словно крепость, стоит тюрьма.
А с горы, вниз окинешь взглядом,
как лампы дома, дома.
И домой я шагал без страха
по булыжнику в темноте,
вдохновлённый юнец-рубаха.
Жаль, что годы уже не те...

Много лет проболела мама.
Их с отцом во гробах тела†
Службы в храмах, но нет «Динамо»,
нет Союза и нет тепла.

От литературного обозревателя

В стихах и человеческая судьба, и жизнь страны. Это стоит учитывать.

+

В.Г.

Подборка стихотворений Геннадия Миронова

Так было и будет, мой друг

*Два чувства дивно близки нам –
В них обретает сердце пищу –
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
(Александр Пушкин)*

Гробами отцов в эту землю вращу,
по землям не плача чужим.
Увитую вязью стихов бересту
сниму с просветлённой души.

Мой голос согласно извивам строки
дрожит, как тугая струна.
Глубинные ноты уже высоки,
но линия речи стройна.

Тебе передам этот искренний строй
и в землю войду, словно плуг.
А свитки в огне обратятся золой.
Так было и будет, мой друг.

Мы в русскую землю растаем с тобой.
Ты песню мою о берёсте допой.

Magister Ludi

Фараон не успел закрепить свой успех,
Он ушёл слишком рано, —
Смерть поставила точку и в этой судьбе,
Как магистр, филигранно.

Очевидно, что ей проиграет любой.
Грозен Промысел Божий:
И титаны и люди пойдут на убой,
Прахом прах припорошит...

Создаются миры для Священной Игры,
Зажигаются звёзды
И рождаются души из умной икры,
Чтобы плыть на погосты.

Мурлыкал нубийский кот

— Не надо бояться смерти,
пусть грозен её приход.
Что это конец, не верьте, —
мурлыкал нубийский кот. —

Начало иного круга,
где нет о семье забот,
проблем борозды и плуга, —
мурлыкал нубийский кот, —

где нет ни родильной боли,
которая рвёт живот,
ни спазмов и острых колик, —
мурлыкал нубийский кот. —

В сакральной гробнице время
блаженно лежит и ждёт,
когда же прольётся семя, —
мурлыкал нубийский кот. —

Как только гранитной крошкой
завалит последний ход,
я стану шеолской кошкой, —
мурлыкал нубийский кот. —

В космической круговерти
наступит и твой черёд.
Не надо бояться смерти...

Коловращение

Небес движение по кругу
не прекратится ни на миг.
Крюкастый крест, подобно плугу,
вскрывает бездны тёмный лик...

Я изнемог от лиховерти.
Без Бога пусто всё внутри.
Зажился, видимо, на свете, —
давно пробило тридцать три.

Вчера приснился образ милый.
Мы целовались горячо...
Отец Небесный, дай мне силы
любить ещё, любить ещё!

Выпарит вениколёт

В небе алеет закат.
Клонится к маю апрель.
Тысячи страстных цикад
дуют в ночную свирель.

Мерный мотив наизусть
будут свистеть без конца.
Я мимо них пронесусь
в баньку попарить отца.

Звёзды смеются в ночи,
ковшиком пару поддав.
Угли пылают в печи,
в чане клокочет вода...

Выпорет вениколёт.
Стихнет усталый сверчок.
Пихты колючий пучок
батину грусть разотрёт...

Отцовское напутствие

Ты пойдёшь без отца по свету,
Выбрав самый нелёгкий путь.
Так внемли же его совету:
Человеком достойным будь.

Не кури и не пей, — не надо
Расслаблять свою плоть и дух.

Из свиней собирает стадо
На убой Повелитель мух.

Как змея, сбрось худую кожу:
Лицемерие, леность, лесть...
И козлу дай немедля в рожу,
Защищая невинных честь.

Никогда никого не бойся,
Не проси ничего у тьмы
И не верь никаким пропойцам.
Выход есть из любой тюрьмы.

И в страданиях умеи прощать всех,
Как Спаситель прощать умел.
Благодарно принять несчастье —
Христианской души удел.

Крестом любви

Он уходил, она смотрела вслед.
Он шёл вперёд упрямо, без оглядки.
Он мог сказать глазами ей в ответ
Слова любви, что так безумно сладки.

Но он глядел совсем в иную даль —
За облака и горные вершины...
Там восседал на троне Звёздный Царь —
Отец и Друг, прекрасный и всеильный.

«Мой мальчик, ты приблизился ко мне.
Страх высоты тебе уже не ведом.
Твоя душа горит в живом огне,
Как радуга, играя в море света.

Мир грешный для тебя уже поблек.
Мир похоти и гордости не вечен.
Но ты со мной и не умрёшь вовек.
Крестом любви твой дух отмечен...»

Исход души

*Смерть и Время царят на земле, —
Ты владыками их не зови;
Всё, кружась, исчезает во мгле,
Неподвижно лишь солнце любви.
(Из «Бедный друг, истомил тебя путь»
Владимира Соловьёва)*

Я человеческий покину муравейник,
В седом тумане растворюсь озёрных вод,

Оставив жизни круг, прервав череду мгновений,
К Отцу на небо совершу свой переход.

И звёзд пчелиный рой серебряной волною
Меня подхватит, увлекая в горный мир.
И Солнце и Земля исчезнут подо мною
Во тьме бездонной, с городами и людьми...

Река духовная несёт меня теченьем
В сонм херувимов и других живых светил,
Где всё пронизано Божественным свеченьем
Любви Господней и Его Творящих Сил!

Алексей Мальчиков (Скопин, Россия)

Конкурсное произведение Алексея Мальчикова

* * *

Мальчишки играли в мячик,
В кожаный, в настоящий.
Захваченный этим матчем
Август застыл звенящий.

Гудел комариный вечер,
Пряча в панамку солнце.
Было мальчишечье вече
Скопищем новгородцев.

И водонапорной вышки
Выше, и выше клёнов
Мячик взлетал и мальчишки
Ухали восхищённо.

Порвав притяженья путы,
К мальчишеской радости вящей
Сердце летело, как спутник,
Маленький, настоящий.

От литературного обозревателя

*Привлекательная и искренняя зарисовка.
В.Г.*

Подборка стихотворений Алексея Мальчикова

* * *

На летнем облаке верхом
Я воспарю над городком.
Внизу – коробочки домов
И сотни поднятых голов.

Я от восторга онемел,
А мне орут: «Как ты сумел?!»

Я – свет, завёрнутый в грозу.
Я звёзды яркие несусь.

Я их бросаю, как горох,
И подо мной переполох.

Вот так летать – что за беда?
Не хочешь – вовсе не летай.

А я маршрутом птичьих стай
Плыву без всякого труда.

И в зеркалах озёрных вод
Я наблюдаю свой полёт.

* * *

Не странники странно послушные,
Не гости погибшей страны,
Но кто мы? Певцы равнодушные?
Фальшивые звуки струны?

Кто ведает мыслями нашими?
Кто властен над нашей рукой?
Не высшие стражники страшные,
Не Слово, а кто-то другой.

Мы слышим звериное воище,
Нам тёмная чаша близка.
В нас облик чужого становища,
Которое старше песка.

Гордись новизной наших чаяний
И громко об этом трубь,
Мы мир можем выжечь отчаянно,
Но мы не познаем себя.

Галина Таланова (Нижний Новгород, Россия)

Конкурсное произведение Галины Талановой

* * *

Жаркий июль зажимает в тиски.
Ночи душны и травища по пояс.
Снова в объятьях неясной тоски.
Снова печальная пишется повесть.
Дом покосился,
Навес набекрень,

Петли скрипят заржавело и жалко.
Там, где в окошко стучалась сирень,
Стёкла царапает жалобно палка.
Словно котёнок скребётся в окно,
Выпустив когти из мягких бареток,
А на обоях от ливней пятно...
Крыша —
Пристанище сломанных веток,
Что обломили с берёзы ветра,
Словно шалаш разметала здесь осень.
Снова лягушки орут до утра.
Память на отмель, как лодку, выносит:
Носом уткнётся всё в ту же косу,
Где все живые и брод по колено,
Где столько света в июльском лесу,
Что до сих пор я не вырвусь из плена.
Свет паутиной оплёл, словно моль,
В люльке качаюсь из солнечных нитей,
Залитых светом, баюкая боль,
И не готовлюсь для новых отплытий.

От литературного обозревателя

Путешествие во времени, которое повторяется вновь и вновь и которое по-настоящему совершить все-таки вряд ли возможно. Даже в памяти.
В.Г.

Подборка стихотворений Галины Талановой

* * *

Замерзают слова на ветру,
Превращаются в звонкие льдинки.
Дни летят, как монетки, в дыру,
Как в часах вниз стекают песчинки.
Истекут —
Значит, время пришло
Уходить вдаль по свежему снегу,
Что скрипит, как под губкой стекло,
Или прыгнуть с обрыва с разбега
И лететь, не раскрыв парашют,
Обмирая от чувства полёта.
...Как бельё, крутит время нас в жгут,
Но всё манят, как птицу, высоты...
И простынки как птицы парят
На верёвке на старом балконе,
Об расцветшие стёкла звенят —
И печаль душ родных в этом звоне.

* * *

Нелётная погода для зимы.
Остатки снега на земле, как вата.

И брызги от машин, как от кормы,
Что все спешат сквозь пелену куда-то.
Опять туман над городом повис.
В него стыдливо прячутся деревья.
Пейзажа незаконченный эскиз,
Когда ушло, ослепнув вдохновение.
Ушло в туман и в сизоватый дым,
Что ластится к земле холодной змейкой.
Но всё тепло двум старичкам седым,
Что с шахматами сели на скамейке.
Им всё весна,
Погода по душе,
Лишь только б на просторном этом свете.
Но тают дни,
Как сладкое драже.
И лишь за внуков нынче и в ответе.
Они сидят беспечно на ветру.
Им некуда бежать:
Там дальше холод.
И думают: «Уж скоро я умру.
А всё в душе неисправимо молод».

* * *

Пригорки в преддверье снегов
Застыли в тревоге предчувствий.
Снег падал уже на Покров,
И лёд за день встал даже в устье.
А после растаял как дым,
Когда ветер с юга вернулся
К деревьям обмёрзшим седым.
И шмель после снега очнулся,
Но только ещё не весна:
Желтеют цветы, как мочало.
Ещё он не понял со сна,
Что это зимы лишь начало.
Летает по жухлым лугам
И ищет свою незабудку,
И кружит как чокнутый там,
Где зябко уже не шутку.
Вот так же очнулись и мы
В преддверие дальней дороги
Туда,
Где с крестами холмы
Окажутся домом в итоге.

* * *

Жизнь вошла в колею.
И зима
Накатала лыжню среди ёлок.
И нисколько не надо ума,
Чтоб искать в сене блеск от иголок.
Что упало – пропало,

Не плачь! —
Не отыщешь в листве прошлогодней.
Жизнь — цепочка потерь и удач.
Ну и что, что потеря сегодня.
Ну и что, что следы замело,
Что ключи потерялись от дома.
Оглянись: посмотри, как бело —
Это в юности было знакомо.
Всё сначала.
С горы — под откос,
Чтоб потерянный дух захватило!
Лишь скуёт вдруг дыханье мороз,
Да слеза на глаза накатила.

* * *

Новый год снежинкой пролетел.
Проспала в заснеженной берлоге,
Отдыхая от цейтнота дел.
Дни летят...
Но только что в итоге?
Снова снег...
Еловый запах вслед
Птицы, на руках поплывшей к свету.
Старенький затасканный сюжет.
И вопрос, что вечен, без ответа.
Оловянный холод мерзлоты,
Что долбили ломом словно наледь;
Галки, облепившие кресты;
Будто холмик, тающая память.
Что ж кричим,
Встречая Новый год,
Радуюсь,
Что жизнь ещё короче?
И глядим в расцветший небосвод,
Словно в зацелованные очи?

* * *

Плывут неспешно облака:
В них проступают лица милых.
Вот машет мамочки рука,
Зовёт туда, где воздух стылый.
Вот папа смотрит сквозь туман,
Как в детстве, подхватить готовый,
Поднять к себе за тонкий стан,
Где свет увидишь — льётся новый.
Бабуля, руки распахнув,
Как два крыла,
Зовёт в объятья
И будто подметает путь
Из кос освобождённой прядью.
Вот дед спокойно смотрит в даль,
Где полыхает шар заката,

Как будто впрямь ему не жаль
Ту жизнь, где были все не святы.
Всем видом будто говорит:
«Уйти не бойся в поднебесье.
Там всё отхлынет, отболит.
Но не родится в горле песня...»

* * *

Как промельк белки на ольхе,
День ясный в слякотном июле.
Ромашка белая во мхе,
Писк комара в пчелином гуле.
Дождь месяц сеет в решето,
Беря цинк крыш в одну октаву.
Я снова вспомню лето то,
Где выгорали в поле травы,
Где солнце было без лучей,
Как диск луны, в угарном дыме,
Где мамин голос как ручей
Сбегал с горы
И пел о Крыме,
Где юность паводком прошла,
Он подарил любовь под старость;
Что жизнь к концу, пел, подошла,
И к топору вьюнком прижалась.

* * *

Опять гремит с утра
И душная истома.
Не верится в прогноз,
Что кончится тепло.
Хоть вдалеке ещё
Звучат раскаты грома,
Уже звенит протяжно
Всё в трещинах стекло.
Уже за Волгой дождь —
Им берег тот завешен:
Как будто горизонт
Над морем потемнел.
Живёшь среди травы.
Ход дней здесь
Так неспешен.
Как лук-батун, растёшь,
Не выпуская стрел.
Что цели?
Тлен и дым.
Уйдёшь, как все уходят,
Как падает листва
И засыхает ствол.
Пушинка на ветру.
Круговорот в природе.

Сравнившийся с землёй
От вод весенних холм.

* * *

Гляжу в туннель.
Уже у входа.
Там голубой небесный свет.
Осталось сколько до ухода
Туда, где вспать дороги нет?
И как заноза в сердце ноет...
Я чую кожей жёсткий дом.
Он пахнет деревом и хвоей.
Я упираюсь в двери лбом.
Там темнота.
И лишь отсюда,
Как свет мерцающей звезды
Свет виден тот,
Что позабуду
Лишь у последней той черты.

Елизавета Канибалоцкая (Дрезден, Германия)

Конкурсное произведение Елизаветы Канибалоцкой

Homo sapiens

Я маленький, маленький, только родился.
Ни разу ещё я не ел и не спал.
Лежу и ору. И ещё не врубился,
Зачем я ору и куда я попал.
Зачавшись в пылу чьей-то чувственной страсти,
В своём апогее продлившейся миг,
Я рос в тишине, без тревог и напастей,
И к белому свету пока не привык.
Ни к формам пространства, ни к звукам, ни к краскам,
Ни к времени, что, не промедлив, пошло.
Готовый внимать и заботам, и ласкам,
Способный впитать и жестокость, и зло.
Дитя человека (не зверя, не змея),
Готов я задействовать свой генотип:
Рукою, и словом, и мыслью сумею
Украсить, как роза, и ранить, как шип.
И мир это знает. И любит, и губит
Святое и злое - впопад, невпопад.
Один век живёт, а другой лишь пригубит,
Да так обожжётся, что жизни не рад.
Но есть большинство, у него вперемежку:
То сладко, то горько, то слёзы, то смех.
Шальная монета - орёл или решка -
Взлетает исправно, решая за всех.

Бескомпромиссный, ясный и везучий,
Мерцанье звёзд, как азбуку, прочтёт

А как же остальные? Мы нужны
Как множество, потенциал, фундамент.
Вкушая жизнь в сиянье новизны,
Влекомые земных даров плодами,
Мы любим, трудимся
и старимся с годами.

К тому ж дерёмся часто за кусок,
Который проглотить никак не в силах.
И потому наш рейтинг невысок,
Мы дороги лишь для родных и милых.
...Пусть гениям в свой час,
как нам, лежать в могилах,

Он (гений) – избранный. Он – светоч, цель,
То ль физик, то ль поэт – не это важно.
Плутали мы во тьме,
плодясь многоэтажно,
Борясь, терзаясь, радуясь куражно,
Познав красы неотразимый хмель,

Всё-всё лишь для того, чтоб понял он,
Зачем кружит Вселенная без края,
Куда нас холод звал,
застряв в сердечке Кая,
При чём здесь Вечность, кто она такая,
Не в холоде ль весь фокус заключён...

И гений-сказочник, и всякий гений
Родятся всё ж. Хоть редок их приход.
Раз это бродит в нас,
в десятках поколений,
И жаждет встречи, вспышек, озарений,
Наверное, всё правильно идёт?

Нам остаётся нежить да беречь
От горькой доли молодых и юных
И, не задев их трепетные струны,
Помочь не проглядеть,
в соблазнах ночек лунных,
Ту, главную из их случайных встреч.

Гений

Спеши, спеши, наш светлый гений,
Успей отдать весь свой запас
Идей, открытий, озарений,
Покуда твой не пробил час.
Блистательна, но и сурова

Короткая стезя твоя:
Дарить божественное слово,
Проникнуть в тайны бытия,
Шагнуть в неведомое дерзко,
За горизонт. Рассеять тьму
Пером печали и гротеска,
Как не подвластно никому,
Быть тем, кого друзья и пресса
Носить готовы на руках,
Стать вехой на пути прогресса,
Войти в анналы, жить в веках,
Знать цену верности и братству,
Внять вдохновению минут...
Но потаённого злорадства
И козней вражьих не минуть.
А если ты, к тому же, резок,
Горд, смел, на отповедь мастак,
Ты для кого-то чужд и мерзок,
Неважно, подл он иль дурак.
И закипят лихие страсти...
Льстецы, завистники, глупцы,
Предатели, а с ними власти,
Возьмут, как лошадь, под уздцы
Твою любовь, твою судьбину,
Ату его! И – с глаз долой,
В огонь войны, в морей пучину,
В объятия стихии злой.
Не о тебе ль писались строки
(Плывущем в лодке с утлым дном):
«Что ищет он в стране далёкой?
Что кинул он в краю родном?»
Ты – эмигрант иль ты – изгнанник,
Речь не о том. Не в этом суть.
Ты – гений. Ты – Творца избранник,
Не торопись подставить грудь
Под подлый выстрел добровольно,
Но... ты не слышишь, ты – горяч.
...Свеча погасла. Мразь довольна.
И вечно будет жив палач.

* * *

*«Он рвётся в бой и любит брать преграды,
И видит цель, манящую вдали...»*

*«...Свободный дух не терпит зла.»
(И.В. Гёте, «Фауст»)*

*«Самые великие мои изобретения родились
во время чтения стихов.»
(Никола Тесла.)*

Он шагал и читал наизусть,
Весь отдавшись томительной страсти
Слов, в которых и радость, и грусть
Обретали могущество власти.
Мысли тоже чеканили шаг,
Подчиняясь словесному ритму,
Будто черпали силу в стихах,
Помогавшую выиграть битву.
Разум, знания бились со злом,
Постигая законы природы,
И дерзали, и шли напролом,
Натыкаясь на тайные коды.
Всё ж срывалась с загадок печать,
И идей настигала лавина,
А стихи продолжали звучать,
Превращая его в исполина,
Не витавшего в области грёз,
А в творца чудо-изобретений,
В повелителя молний и гроз,
Электричества, землетрясений...
Мысль, шагнувшая за горизонт,
В мир непознанный, в новую эру,
Землю насквозь пронзала, как зонд,
Внемя космосу сквозь атмосферу
Кто он? Гений ли, сверхчеловек,
Сумасшедший ли мистификатор,
Но двадцатый технический век
Он родил, и развил, и сосватал!
Автор тысяч(!) патентов, идей,
Властелин переменного тока,
Изумлял он бывалых людей
И вводил в состояние шока,
Часто им повторяя: не я
Так востёр, столь удачлив и ярок,
Это космос планете Земля
Через мозг мой шлёт помощь в подарок
Знать, не вовремя. Мир не готов
Осознать смысл сигнала нетленный:
Не ломать больше копий и дров,
А в гармонии жить со Вселенной!
Из-за жаждущих крови и слёз,
Из-за алчных их хитросплетений,
Мир земной, ты ещё не дорос
До космических изобретений.
Я искал, я нашёл, я добыл,
Я работал, я лез вон из кожи
Для людей. Но я вынужден был
Часть творений своих уничтожить...
Знайте, вовсе не нефть и не газ –
Благоденствия кладёшь бесценный –
Скрыт энергии вечный запас
Во вращенье, в движение Вселенной.

Нужно многое вам изменить,
Не поддавшись искусам обманным,
Чтоб на деле его применить
И поставить на службу землянам...
Я земным благодарен волхвам:
Только мудрости Их и прозренью,
Их высокой любви, Их стихам
Я обязан своим вдохновеньем.
Поэтической силы накал,
Мощный импульс творения Гёте,
Дух пленяя, в меня проникал,
И в мозгу закипала работа!
Покорились мне свет, звук и ток,
Тьму небес озарило сиянье,
Вдаль энергии хлынул поток,
Предпочтя проводам расстояние!...
Завещаю вам всё, что открыл,
Путь мой жизненный не бесконечен.
Не успел полюбить. Не был мил,
Но был честен. И был человечен.

P.S.

Братцы! Как же нам должно писать
И какую(!) наследовать школу,
Чтоб с Небес низошла Благодать,
Дав в награду вновь Теслу Николу?!
Чтоб полёт поэтических строк
И полёт его мысли крепчали,
Чтобы гений довериться мог
Нам и Слову, что было в начале...

Пифагор

(ок. 580 – ок. 500 до н.э.)

Силён и ловок, словно тигр,
В бою кулачном он –
Участник олимпийских игр
И первый чемпион.
Всевластен молодой задор,
Запросы велики.
Столь мудр был зрелый Пифагор,
Что все ученики,
Его вниманием горды,
Вздыхали глубоко:
*«Мне до него, как до звезды
Небесной, далеко»*
Союз пифагорейский – храм,
Свет, знаний торжество...
Слова «философ», «космос» нам
Достались от него!
Был в каждой сфере знаний дюж,
Вникал, понять хотел

Жизнь, смерть, переселенье душ,
Полёт небесных тел,
Гармонию, добро и зло,
Нот музыкальных строй...
Он верил: Бог вложил ЧИСЛО
В порядок мировой.
Лекарственные свойства трав,
И этику, и звук,
И звёзд язык, и хор дубрав
Возвёл он в ранг наук.
Из уст его Гомер звучал,
Лаская слух больных.
Он был началом всех начал
Среди волхвов земных.
Изящную напевность слов,
Заздравных кубков звон,
Веселья дух, Коринфа зов
Всем сердцем чуял он.
Философ, математик, муж,
Целитель, чародей,
Ключ к шифру всех проблем и нужд
Открыл он для людей.
«Узрите треугольник, - он
Вещал сквозь времена, -
И на две трети, как закон,
Задача решена!»
...Представить только! Три угла,
Вершины... Ты прости,
Я не успела, долго шла
По ложному пути.

Коварен нрав гипотенуз,
Диктующих судьбе:
С другой отпраздновал союз
Кратчайший путь к тебе.
Квадраты наши уголкем
Касаются едва.
Ваш с ней – живой и тёплый дом,
В моём – лишь боль жива.
Так вышло. Ты мне не сигналъ,
Живи, как выбрал, с той...
Я в свой квадрат диагональ
Впустила на постой.
В два треугольника тотчас
Мой дом преображён.
Есть катет – краткий путь для нас,
В вершинах – я и он.
Но где-то, на другом конце,
Потворствуя длине,
Спешит другой из точки «С»,
Чтоб... опоздать ко мне.
Так и живём за веком век,

Ревнуя и любя...
Из наших дней, Великий Грек,
Приветствую Тебя!

Памяти Поэта Игоря Царёва

Хороша к обеду ложка,
Вот и маюсь (неспроста!):
Не ведёт меня дорожка
В заповедные места.
То - владения Царёва,
Там пегасов бьёт родник,
Там в лукошко к слову слово
В забыты кладёт грибник.
Там парят на крыльях феи,
Ждёт знамений звездочёт,
Там река, сестра Алфея
(Только русская), течёт.
Шёпот листьев сокровенный,
Трепет, тайна, тишина,
Голос сердца вдохновенный
Да печальная струна.
Дрожь, неясное томленье,
Всплеск тревоги и тоски,
Воля свыше, озаренье
И – рождение строки!
Слог певучий, родниковый,
Звук серебряный, живой,
Чистый, праведный, царёвый,
Как Иван-да-марья, свой...
Там покорны все стихии
Вечной музыке стиха...
А в миру дела лихие
Люд доводят до греха.
Как тут выживать Поэту,
На изломе, в злобе дня?
Пламень сердце жжёт. И это –
Суть и миссия огня.
Но огонь, сжигая, светом
Разгоняет мрак и тьму...
Повинимся пред Поэтом
И поклонимся ему.
Повинимся, что толково
Жить хотели – не смогли,
А поклонимся за Слово
Низко, низко – до земли.

Живая вода

Сгустились, нависли, нахмурились тучи,
Порывистый ветер дохнул и застыл.
Всё замерло. В полном тревоги беззвучье

Лишь сполох сияющий тьму осветил.
И что-то далёкое зарокотало,
Потом, бормоча, улеглось за бугром.
Вновь вспыхнув, сияние затрепетало,
И вот уж грохочет, приблизившись, гром.
Вдруг рядом совсем ослепительным нервом
Нависшую мглу, словно болью, прожгло.
И треснули недра небес и разверзлись,
Да так, что помочь им ничто не могло.
Но дивное дело – навстречу безумью,
К зло плещущей бездне рванулась земля,
Купаясь, глотая взахлёб! И для шумно
Бурлящих потоков дороги стеля.
Живительной влагой насыщено небо,
В глубинах таятся не нефть, не руда.
Из недр извлечённая, волею Феба
Пронзается светом живая вода,
Не струями всё занимая пространство –
Сплошной пеленой преграждается путь.
И нет у тебя ни надежды, ни шанса
Укрыться зонтом или просто вдохнуть.
Смотри, как полощутся листья берёзы,
Блаженство – принять свежий душ на юру!
И плещутся хлестко то ль ветви, то ль лозы
В желанной прохладе, прогнавшей жару.
Дороги текут, как прозрачные реки,
Гладь рек тех пузырит шальной перепляс,
Из труб водосточных, включённых навеки,
Бурлит нескончаемый водный запас.
Но вот поисчерпавшись или уставши,
Уменьшив свирепость, напор и объём,
Потоп, на запыленный город упавший,
Забулькал по лужам, стал просто дождём.
Раскрылись зонты тут и там оробело,
Из туч облегчённых не слышно угроз,
Дождь вскоре иссяк. Небо заголубело,
Косматую облачность ветер разнёс.
Сияют авто, и дома, и витрины,
Легко и восторженно дышат цветы,
Распахлась петунья, горят георгины,
Сверкающий бисер венчает листы
Пришло ощущение проснувшейся силы,
Как будто бы я той берёзой была.
Симптомы тревоги гроза погасила,
Живою водою меня обдала.
Приветствует дрозд меня песенной трелью,
Спасибо, дружок, - улыбаюсь в ответ.
Как глупо, должно быть, обдавшись капелью,
Сравниться с берёзой на старости лет.
А где-то за городом даль почернела,
Сияньем уже не для нас полыхнув....

Гроза продолжала священное дело,
На миг лишь прервавшись и передохнув.

Лицо

О люди! Ваши старческие лица
Читать мне страшно, видеть тяжело.
Здесь книгу не захлопнешь и страницы
Не пролистнёшь, опровергая зло.
Владеет время точным инструментом,
Болезни - виртуознее врачей.
Жить – значит быть весь век их пациентом,
Но сами мы – умельцы половчей.
Мы, как смогли, нагадили друг другу,
А как смогли? Перед тобой – лицо.
Всё, что на нём, поставь себе в заслугу,
Разумнейший из всех земных жильцов!
От лба до подбородка – паутинки,
Видавший виды, весь из грусти, взгляд,
Пережитого боль, у рта – горчинки,
Плюс жалкий шарм старушечьих помад.
Невыплаканных слёз мешки. И тени
Воспоминаний, и следы обид,
Издёрганность, тревожность опасений:
Что предстоит и что не предстоит?
Беспомощность и безысходность. Ноты
Сомнения, неверия... Печаль –
Вот дело рук твоих, итог работы,
Твои здесь почерк, подпись и печать.
Великий труженик и разрушитель,
Мудрец, губитель душ и негодяй,
Вершитель судеб, гений и ценитель,
Прохвост, ловкач, и дурень, и лентяй –
Всё это – ты. Тебе не оправдаться,
Виновен ты, и суд не опроверг.
Взгляни в лицо измученного старца,
Узнай себя, мой горький человек!
Мучитель – ты, и ты же – потерпевший,
Самоубийца в собственном соку.
Неужто, безнадежно не прозревший,
Себе ты неверишь - старику?!
А надо-то, всего лишь, в этой шкуре
Себя представить, вроде бы побыть
И тут понять - твоей земной натуре
Даны три права: жить, творить, любить.
Всё лишнее, избыточное - вредно
(За счёт других), хоть хлеб, хоть склад вещей:
Один худеет, прозябая бедно,
Другой, набравшись, лопнет от харчей.
Всё – плохо. Всё творить, любить мешает,
Велел Господь: не жадничай, делись...
Лик изнемог, бессилье вопрошает:

покрышки и ни дна!
В мелодиях ветров, трав, вод и в буйстве красок –
Ни нот, ни слов. Они – гармония и свет.
Всё зло – от нас самих, от войн и нервных встрясок,
А у Земли (как факт!) таких недугов нет.
Здесь всё божественно: деревья, камни, скалы,
И сок берёзовый, и тополиный пух,
Роса, туман, закат и утро с зорькой алой,
Чуть брезжащий рассвет, недремлющий петух.
Здесь каждый новый день неповторим и ценен
Для бабочки, цветка, для нас и для зверья.
...Скольжение по льду, расплывчатые тени
И таяние льдов как символ бытия.
Благодарю тебя, как гость – хозяйку дома,
За приглашения оказанную честь,
За то смятенье чувств, которым я ведома,
И за высоту их в дни пребывания здесь.
Дары твои беру как благодать. Жалею
Израненную всю безумными людьми...
Живи, Земля! Кружись, планета Галилея!
Прощальный мой поклон как оберег прими...

От литературного обозревателя

Резюме

Повторюсь: общий уровень отобранных во второй тур работ весьма высокий.

Хотя должен сказать, что в прошлом году были подборки, которые произвели на меня неизгладимое впечатление, и которые я помню до сих пор. И неважно, получили ли они какие-либо отличия. Это только мое субъективное мнение.

Но вполне возможно, что я еще вчитаюсь в стихи финалистов, и среди них обнаружатся сверхтексты. Опять же, по моему мнению.

Вы, должно быть, заметили, что часть работ я отметил плюсиками. Это работы авторов, с которыми лично мне хотелось бы встретиться в финале, чтобы еще раз подробнее поговорить о них.

Включая вышедших в финал, таких - свыше трети участников второго тура. Это радует. Но окончательный вердикт – за жюри.

**ПРИЗЫ СИМПАТИИ
В НОМИНАЦИИ «ПОЭЗИЯ»
(полученные участниками, не прошедшими в финал)**

Майя Шварцман (Гент, Бельгия)

Приз симпатии литературного обозревателя - «За высокую культуру стихосложения, образность и отчетливость поэтического высказывания».

Конкурсное произведение Майи Шварцман

* * *

Пристегнув ремни, рейсом заполночь,
вспоминаешь вдруг ближе к вылету
то ли присказку, то ли заповедь:
будто в город Рим все пути ведут.
В темноте сплошной не видать дорог.
Самолёт скользит белой капелькой
через мутный пар, облаков творог,
по материи чёрной штапельной.

Языком луны воздух вылизан,
отпотев, окно будто вымылось.
Ткнёшься лбом в стекло – виден дым внизу,
на дворе трава, снег да жимолость.
Тропка отчая – по росе зигзаг,
от купели до ближней паперти.
Все пути ведут, да не все назад,
и не все белы словно скатерти.

Далеко внизу видишь крошево
деревень и сёл, кровель гранулы.
Самолёта след в небе прошвою.
Если ниже взять – не тумана мгла,
и не облако – пух на тополе.
А на западе, вдоль по берегу –
огоньки во тьме, полотно полей,
город-запонка в рукаве реки.

От литературного обозревателя

Нетривиальные и образные смыслы текста в сочетании с высокой техникой стихосложения производят сильное впечатление.

++

В.Г.

Подборка стихотворений Майи Шварцман

* * *

Праздники, годовщины – пора пожаров,
пламя итогов, гордости и обид.
Пышный салют над лаврами юбиляра.
В небе рубины, яхонты, лазурит,
знаки выводят – такие, как Валтасару
давеча. Стоит вчитаться, пока горит.

Тёмный туннель всё уже, всё злей придирки
к ближним, всё ближе к телу – венки, хвала,
тосты, но не отмыть даже в чистом спирте
стен и застенок памяти добела.
Мир всё тесней, как платице после стирки.
Вскорости жизнь нам станет совсем мала.

Примета

Мимо пройдя, прошамкала: «Быть зиме
снежной – без ветра дым по земле клубится,
звёзды мигали ночью...» – и вдруг, с ехидцей
глядя, проговорила: «Не заимев

зоркости – не увидишь ни в чём указки».
И повернула за угол. Ей вослед
хмыкнув, идёшь, задумавшись, что примет
вправду совсем не знаешь... За то и вязкий

путь тебе выпал в жизни, и поделом, –
так начинаешь грызть себя и казнишься:
даром, что начитался Руссо да Ницше,
слов понабрался тонких, а в остальном –

слеп и растерян. Скрытое знать куда там,
если и откровенные не ясны
знаки: в пятне морозном вокруг луны,
в засухе, ливне, в диком кусте кудлатом...

Но, улыбнувшись, вскоре «пора и честь
знать» говоришь, очнувшись, прощаясь с блажью.
Бережно продолжаешь нести поклажу
спутанную домой, ибо знаешь – есть

что-то верней, чем чеховская двустволка
и для тебя, и нежно лелеешь всем
сердцем одну приметку декабрьскую: чем
меньше ребёнок в доме,
тем выше ёлка.

Предчувствие

Знаешь: случится.
Помнишь: настигнет.
Тягостно носишь подобно горбу
между лопаток незримую стигму,
тайную точку прицела на лбу.
Воздух прищурен.
Косым соглядатаем
ветер, притворно попутный, летит,
мягко толкает настойчивым дактилем
в спину, в затылок,
 а пыли графит
путь невзначай отмечает пунктирами.
Влага испарины вдруг хомутом
шею сжимает, и чувствуешь сырим и
загнанно-сбившимся сердцем: ведом.

Думал: рассмотрен.
Верил: избавлен.
К лучшему, к лучшему, врал назубок.
Выжить бы, выжать предчувствие травли,
скрытой погони... Но, как поводок
дёргая пульс, пробегают запястьями
прикосновенья слепого чутья.
Страхами лижет тебя языкастыми
сумрак, предметы глумливо двоя.
Истово, с самозабвенностью нереста
множатся шорохи бледных ночниц,
пенятся ужасы,
 призывуки,
 шелесты
перьев кошачьих,
 змеиных ресниц.

Колыбельная-2013

Спи, глазок, устали сказки,
день тиски свои разжал.
Спи, другой, не спит трёхглазка,
точит свой кинжал.
На примете все, кто к бою
не готовит патронташ,
кто читает *Буря мглою*
вместо *Отче наш*.

Прянет Финист-ясный сокол
за свободу всей земли –
брызнет кровь на белый цоколь
по команде *пли*.
Тише, мыши, затайтесь,
колотушка тук-тук-тук.

На распутье плачет витязь,
не осилив букв.

Вьются тучи, ходит дрёма
за Калиновым мостом.
Остальным – часы приёма
на крыльце златом,
хороводы по трущобам,
игры «Выдави раба»,
друг тамбовский, волчье нёбо,
заячья губа.

* * *

Воздух влагою мелко закапан,
но грозе наступить недосуг.
Словно флейты заклинивший клапан
проглотил ожидаемый звук,
словно длится, и длится, и длится
нескончаемый взятый затакт,
и, дыханье держа, полнолицый
от натуги, краснеет закат.

Словно в поисках нужных отметин,
пригибаясь к листьям, близорук,
продувает отрывисто ветер
поперхнувшийся зноем мундштук.
В партитуре захватанной шарит,
уповая, что сыщется гром.
Духота словно войлочный шарик
застревает в гортани комком.

И тогда, напряженьем измучив,
ослепительный щёлкает кнут,
будто где-то срываються в тучах
и в тарелки, не выдержав, бьют.
Гром прерывисто рвёт перепонку,
нарастает, горласт и мясист, –
и ему, спохватившись, вдогонку
зазевавшийся свищет флейтист.

Ссылка

В переживаньях преданной любви
к виновнику невзгод, в припадках рвенья –
знай впитывай, записывай да рви, –
порабощающего вдохновенья
он избежать не мог. За стык миров
цепляясь в мыслях, в судорогах щеря
кривые зубы, клочкотаньем строф
давясь, он десять дней провёл в пещере,
наитья раздувая наугад,
раскармливая сны, виденья множа.

Сгорали смыслы, падая в закат
богов; змеясь, слова меняли кожу.
Он ослабел от жажды, голодал
в капкане грота не длинней сажени,
проваливаясь в призрачный портал
в попытке бегства от воображенья:
в себя, глазами внутрь, взаимосвязь
с реальностью порвав, и антифоном
гудела кровь, в сосудах колотясь.
Процеженные горлом изнурённым
текли слова, затвердевал металл
пророчеств, переписывался атлас
вселенной, – а снаружи крепко спал
в неведеньи патриархальный Патмос.

Волосы

*В Израиле был объявлен сбор волос для женщин, больных раком.
Число пожертвований превысило ожидаемый результат в сотни раз.
Из газет. Август 2013.*

Пристально глядя в зеркало, от потолка до пола
ею любующеся, губу закусив, стоит
и выпускает на волю пряди волос тяжёлых,
медные водопады смуглая Шуламит.
Шпильки, заколки, гребни и остальные цацки
вынуты, и по груди и лопаткам, вясь, текут
волосы, *стадо коз, сходящих с горы Галаадской*,
царственной красоты полновесный пуд.

Рядом на мраморной полке средь капель влаги
серьги, браслет, мобильник, флакон духов,
связкой ключей прижатый листок бумаги –
снимок на нём и надпись в несколько слов.
Лысою моной лизой, режуще синеока,
девушка с фотографии твёрдо глядит, без слёз:
наша сестра, что ещё мала, и груди нет у неё, как
после химиотерапии нет теперь и волос.

Губы бескровно сжаты, шея – сухой былинкою,
взгляд её глаз запавших, тёмных в себе таит
древнее *«заклинаю вас, дочери иерусалимские»*.
В эти глаза как в зеркало смотрится Шуламит.
Семеро нас должно быть, чтоб в утешенье силу
женственности утраченной, которую отнял рак,
иллюзорно вернуть тебе. Чтоб на парик хватило
только один – должно быть семеро нас, сестра.

Сплю я, а сердце бодрствует: я отопру возлюбленному
стриженная, а милый повернётся мой и уйдёт,
как мне решиться?.. Ножницы выбирает она с зазубринами
и запускает лезвия в рыжий водоворот.

Пусть непрозрачны стены, и Шуламит не видно:
в сотнях и сотнях комнат руки, что гибче лоз,
за голову закинув, шеи с натугой выгнув,
сотни прекрасных женщин режут снопы волос.

* * *

...как вдруг поймешь, что это – за тобой.
Вот так без околичностей, без сговора
примет неосязаемый конвой
даст осознать, какое уготовано
тебе в задумке место. В сыпь синкоп
собьются за грудиной мышцы часики,
и возвестит болезненный озноб
о неизбежном жребии причастности.
И затрепещешь с головы до ног,
как будто в оркестровой яме заново
почувствовав призывный холодок,
когда на сцене поднимают занавес.

* * *

Начал записывать: *в комнату забрела*
и подошла неслышно, дыша в затылок,
сзади ладонями тихо глаза закрыла...
Вздых удержав, отодвинулся от стола,
видишь, я занят, буркнул через плечо,
тщетно пытаюсь улыбкой прикрыть натужной
чувство досады. Ладно. Что тебе нужно?
Хочешь, сыграем в холодно-горячо? –
Только недолго. Ближе к себе бумаги
ощупью подтянул, продолжая вязь
знаков бессмысленных, сам на себя сердясь
за раздражение, и напоказ зигзаги
нервно чертя. Ну что? *Угадай, что будет*
через минуту. Ты убежишь во двор,
я же вернусь к работе. Но с этих пор
ты привыкаешь стучать и входить как люди.
Холодно. Дочь, послушай, поставим точку.
Мне не до шуток, правда, редактор ждёт,
правок и писанины неупрощения,
плюс послесловье критика. *Я не дочка.*
Хмыкнул, глотнул, откашлялся. Извини.
Я заработался. Ну отпусти же, хватит,
что ты как маленькая. О тебе я, кстати,
и собирался писать, вместо той стряпни,
что без конца приходится... Мне за сутки
нужно статью закончить ещё, обзор,
пару подборок разных и договор
с шефом сварганить. *Холодно.* Что за шутки!
Кто это?! Сколько можно!!! Ещё слова
он подбирать пытался, держась приличий,
пальцы её схватил, с тонкой костью птичьей.
Ты? *Горячо.* Здесь рукопись обрывается...

Татьяна Комиссарова (Москва, Россия)

Приз Литературно-музыкального салона «Шапировские вечера» - «За яркую выразительность стихотворения при редчайшей, почти чеховской, компактности»

Конкурсное произведение Татьяны Комиссаровой

Шестидесятые

*Я так тогда просил у старины:
"Не уводите меня из весны!"
В.Высоцкий*

Летняя Москва, шестидесятые.
Сретенский бульвар по фене ботает.
Я иду между двумя ребятами,
Отливая лаковыми ботами.

Мокрые цветы, дорожки пыльные.
Прижимаюсь к левому намеренно.
Левого зарежут собутыльники,
Правый эмигрирует в Америку.

Этот вечер с хрипотцой Володиной
Будет вспоминать он в эмиграции.
Чтобы тосковать всю жизнь по Родине,
Нужно вовсе с ней не расставаться.

От литературного обозревателя

*Все правильно. И достаточно очевидно.
В.Г.*

Подборка стихотворений Татьяны Комиссаровой

На закате

Вышла с работы. Двенадцать часов - мои.
Стоя в воде, как дракон на огромных лапах,
Город, не слышащий ругани и молитв,
Жадно вдыхает сырой москворецкий запах.
Зверь, напугавший недобрым оскалом днем,
Станет ручным и покорным, почуяв голод.
Слушай, давай-ка попробуем жить вдвоем,
Жить – понимаешь, чужой и любимый город?
Темный вечерний фарватер глубок и чист -
Скоро уснет под таинственным одеялом.
Ночь-подмастерье, расправив небесный лист,
Черным замажет, что было кроваво-алым.

Дом на Мясницкой

Окна, выходящие на север,
Стынь подъезда, двор-колодец тёмный.
Здравствуй, старой улицы насельник,
Я твой потерявшийся детёныш.

Слеп и глух к проезжим и прохожим,
Видит только то, что так любил он, -
Синий сон всегда один и тот же –
Вымах в небе стаи голубиной.

Каменный, а кажется – взлетает.
Ни деревьев, ни скамьи – легко так.
В предвечернем небе быстро тает
След невидимого самолёта.

Яуза

Котельники - и я опять хмелею.
Окно на двадцать пятом этаже
жужжит на солнце, как в полете шмель, и -
уносится в задорном вираже.
Эгей, Москва, наполненная маем!
Шкворчит столичная сковорода.
Полощет Яуза дома, сараи,
Серебряники в воду раскидав.
Потом небрежным жестом их развесит -
пусть сушатся под майским ветерком,
как паруса на выморочной верфи,
надутые сердечным матерком.

в машине

жизнь каждый день увеличивает нажим,
вряд ли укроешься и за замковым кодом.
я ощущаю себя машиной среди машин,
а не пешеходом среди пешеходов.

мне это нравится – в общем потоке плыть,
неукоснительно следуя принятым правилам.
чисто, комфортно, в просторном авто теплынь,
сумку не стибрят, где б ты ее ни поставила.

стерилизую воздух, собак, еду -
нет внешней пыли, чуждых следов, инфекции.
наша пробирочность, вшитая в тело и дух,
знак эволюции, наглухо заперший сердце.

Осень в имперском стиле

Барочную сочность живых натюрмортов,
На строгую - черным по желтому - прорись
Сменила державно-ампирная осень,
Замедлив биенье могучей аорты.
Дворы с облегчением сбросили зелень,
И стало заметно все скрытое прежде –
Величие неба, наивность надежды
И надпись на стенке сарайчика – Ленин.
Седая и строгая, с каждого спросит,
От прошлых иллюзий нас быстро излечит, -
Ни грана сомнений, лишь чет или нечет,
Лишь циркуль и вечно взыскующий Росси.

Март. Вода

Как со Сретенского холма,
Не в трамвае и не на санках,
А на лодочке съехал март,
Зиму вывернув наизнанку.
Отступает труха и прель,
Отпускает весна поводья,
Дружно хлопает с крыш капель
Дебютанту дня - половодью.
Подготовлен бумажный флот, -
Морякам отменяю дембель,
ПО сто грамм – и вперед, в поход
К неизвестным опасным землям.

Июньский вальс

Этот двор словно тихо кружит
Под забытый старинный мотивчик,
На балконе вальсирует лифчик,
От мелодии ветра ожив.

Раз-два-три... Как искрится листва
Над помойкой, подхваченной танцем,
Стол к скамейке полез целоваться -
Ну совсем поплыла голова.

Нос припудрив цветочной пылью,
В немудреном коротеньком платье
Тихо кружится юное счастье,
Запрокинув к июню лицо.

Schrift

Во-первых – десять, во-вторых – Verdana.
Ну что за бред, и лучше ли слова,

Записанные глупо в столбик? Данность
Не изменить. Снаружи, лиловат,
Чуть брезжит день, укутанный рогожей.
Ведомый таксой, следует прохожий
На утренний привычный променад.
Вот голубь приземлился на карниз.
Двоюсь в стекле. Мир зыбок и яремен.
И шепчет убывающее время:
- Поторопись.

Этот город не выносит приговор

Этот город не выносит приговор,
Не рядит, не попрекает, а хранит.
Дом кирпичный, штукатурка, пыльный двор
Лучше память берегают, чем гранит.

Повторений не боится старый клён,
Цели нет у опадающей листвы,
Выгорает голубиный неба лён,
По-над городом раскинувший цветы.

Всё быстрее, быстрее денёчки потекли,
Тянет лестницу веревочную ввысь.
Там качелями маячит птичий клин, -
Если смелый, подтянись-ка и садись.

Приподнявшись над темнеющей землёй,
Оглянись, почуяв медленную дрожь:
Этот город не прощается с тобой.
Умираешь, умираешь – не умрёшь.

Анатолий Ливри (Уппсала, Швеция)

Приз симпатии члена жюри Елены Крадожен-Мазуровой - "За чувство меры, эстетизм и красоту русского слова в современной поэзии"

Конкурсное произведение Анатолия Ливри

Виноцветное море

Он одноглаз, библиотекарь!
Неслышна поступь конских ног.
И только тощий швабский пекарь
Проводит взором бег тех дрог,
Что по проспекту, и без Граций,
Скользят с наклоном, точно бриг,
Под плеск завьюженных оваций,
Златящих рысий воротник,
Преображая в путь Ясона

К Медее бойкую рысцу.
С колхидской мягкостью, без звона
Гнедая пляшет по плацу,
Рожают главы скифов митры,
Ясон срезается как рок,
Как бычий рог во славу Митры,
И кутает в руно ездок
Отмеченное бездной око.
В нём, выгнув стан свой журавлём,
Улисс, витийствуя, до срока
Пелида требует шелом.
И сладостно сретенье многотенья
В гиперборейской дивной стороне,
Где утреннее жаркое движенье
Раздует чёрный парус по стене
С терпандрострунной лемносской повадкой!
На силуэтов пенный хоровод
Он взглянет, их заложник, и украдкой
Перст по руну станцует перевод.

От литературного обозревателя

С удовольствием погружаешься в эту культурную поэзию богатую ассоциациями и уподоблениями.

+

В.Г.

Подборка стихотворений Анатолия Ливри

Мандельштам

*«Мне вдохновляет душу Мандельштам!
Его и мрак неймёт, а светотени
Без мученичества не отдаст он вам.
Уж вы не спорьте с ним, бегите пени!»*
Анатолий Ливри, Дневник, 1984

Ваятель сладостного слова,
Стиха святого ярый маг,
Растерзан века и собак
Клыком – история не нова!

Твой вопль взорвал года. Стрекозы
На шум слетелись, бя крылом,
Как херувимов вольных грёзы
Златодрожащих под окном

Полком терпчайших междометий
Полутанцующих в хмелю.
И ждёт воловьих многоплетий
Душа воспевшего зарю,

Душа с тончайшей чуткой кожей,
Впитавшей яхонт и алмаз,
Свечу, носилки, розы дождей,
И заменив поэту глаз.

Омандельштамленна стихия
Торопкой нервной рукой
И влюблена, как в брата Лия,
Как виноцветие в покой.

Ошибка веком

Средь лукоморцев разудалых,
Их лангобардовых дядьков,
Селений баржевых ольялов
Из смолодышащих дубов

Сработанных без капли меди,
Вплавленной в лезвия мечей,
Я был бы счастлив, – книгочей,
Царьградской альфы, русской веды

Приятель зимнюю порой –
– Буй-воин всякою весной,
Когда бы сонм свирепых стай
Во греки я водил. И рай

Возьмёт меня хмельной:
У ярлов я бы мёд златой
Хлестал, и блял как Хейдрун,
С кифар сдирая жатву струн.

Спецназ в Грузии

Мне миф Колхиды с колдовской колядкой
Летучей мышью прянет в волоса:
Во тьму вырастает строй повадкой шаткой,
До крови падка, зреет полоса.

Вы, в космы рун завёрнутые души
С дорийскою невыстонностью сна,
В безмолвье вашем, вся драконьей крови гуще,
Пестросапожная пифийствует весна!

Я камень вознесу, как пуповину,
Оракул кину в чудные ряды,
Чтоб хаос лязгнул бронзою – невинным
Зачатием танцующей звезды.

На сладкое или новая Голгофа

Я мякиш раскатал и выкинул в окно,
Как Бог, смешавший мир с безумием и ленью,
Нежняночкой Землёй, а с ними заодно –
С порфирной плащаницей сновиденья,

Что невесомее фаты семи планет.
Ты, фатум одичалой Эвридики,
И вы, в меня нацеленные лики,
Из камня иссечённые на свет,

Переплавляйте Митровый Завет
Сквозь Сириуса бледное журчанье,
Чтоб я составил дольки мироздания,
Как Логосом расплющенный атлет.

Владыка ловец

Бессонница, Тигран, пасхальная вуаль.
Триеры перечесть – избави Боже,
Чья кисть святей чем Дух, прозрачней, чем печаль
Голуболобых дряхло-хрупких дождей!

Их кокну богоборческой рукой.
И расколов наследие на части
У алтаря, я жертвенной мукой
Покой присыплю, тиканьем запястья

Полив вечноживущие куски :
Их хаос яр безумием распятых, –
Сеченьем кесаря родивших от тоски
Литую эру, – заново чреватых

Ночным причастьем рунолюбых рас,
По волоконцу Вас связующих в снопы.
А Понт шумит, «Изыди!» – воет час,
Учуяв плеск Изидовой стопы.

Исмарское вино

Богат стадами Полифем, но зелен,
Как Галатея голоден да гол;
Ошрёной бронзе века не доверен
Ни пух ланит, ни девственный глагол.

Ты – человекозверь, и ты – сын божий,
Сменил умение плавать и читать
На кровопись Эрота, что дороже
Да и сочнее, чем Итаки рать.

Насыться, око, nereиды видом –
Ленивой недопływною красой!
Пока поётся – пой свою обиду,
Над рябью рыщи злобою косою.

И по сей день, Посейдона чадо,
Кудесит колик в печени твоей
Слепца позна́ьем : да, жены не надо,
Ведь чистый Бахус нам её милей!

Гимн Ночи

Мне сладостно дыханье чёрной смерти.
Черпать его горстями из земли
И обонять, как маги-короли –
Гудение планетной круговерти.

И одиночество – безумие порой.
И нрадовластие есть чванство лихоедеев.
Меж ними выбор прост, его содеяв,
Я погружусь в теней медовый рой.

Мне возвращенье влажное отрадней,
Чем вознесенье Деве в небеса,
Зияющие злобой, чья краса
И стихотворна и цезуры ладней.

Когда агония – привычное занятие,
А богоборчество – забава из забав,
То скорби в смерти нет, её поправ,
У переправы не лобзай распятыя ...

Чу! Легкие шаги. Теченья поворот,
И герметичной гавани наитие,
Крыла иль платья шорох, и соитье,
И вкус гранатовый, и Леты мелкий брод.

На недоверках не сочтёшь цепей,
И в их речах не различишь длинноты,
Ни смехов платинных, ни вечности Субботы
Всегда в пуху стигийских тополей.

Ось Земли

Здесь холодно! Прекрасная чухонка,
Я счастлив и с тобой, и под тобой.
Гурьбой хмелеют ночи, им вдогонку
Святой Январь ударился в запой.

Как вал калёный *Калевалы*
Твоей родимой стороны

Прибой балтийский тешит скалы
Предвестьем ритмики весны.

И каждое провьюженное эхо
Со смехом на нордических устах
Лишь продолженье пламенной утехи:
Вакханки тень волнует финский пах,

Толкая нас к ревнивой ворожбе!
В избе кондовой, средь усопших роз,
Асклепиад, Ад, жертвует Тебе,
Чтоб излечить планетный сколиоз.

Пора меж волка и коня (Vargtimmen)

В сосновых стойлах аромат навоза
И терпкий столп медовых конских снов –
Сгущённый Логос временных основ,
Что царствует над дифирамбом прозы,

Всё здесь слилось средь табора брахманов
До анапеста жадных под хлыстом,
Да пряным потом пышущих потом,
От бега и от грёз грядущих пьяных.

Ночь разогнала своры чванных еху,
Отныне каждый шорох – трубный глас!
Вот, кони, жёлто-жуткий волчий час –
Халкионический предтеча Бога смеха.

Сергей Курьян (Хабаровск, Россия)

*Спецприз «Надежда» (авторам до 25 лет) - от Хабаровского ЛИТО им. Игоря Царёва
– «За верность традициям классической поэзии»*

Конкурсное произведение Сергея Курьяна

XXI век.

Зима. Россия. Двадцать первый век.
Провинциальный парк вблизи вокзала.
Во власти ледяного карнавала
На землю падал серебристый снег...
Седые вихри унесённых дней
Взметали ввысь следы воспоминаний,
Ушедших, неисполненных желаний
Судьбой плутовкой - вольницей твоей.

Ты видишь лица. Удрученный взгляд
Их смотрит в снежные зимы глазницы,
Фигур туманных бродят вереницы -
Все также, как и много лет назад!

Средь них пустые рожицы бродят
Ко всем вопросам не найдут ответы:
В лохмотьях чёрных - белые скелеты
Нарочито пульсирующих скряг.

Средь них дрожат колени беглецов -
Педантов, исчезающих в тумане.
Спешащих в механическом дурмане
Забыть в себе мальчишек - гордецов.

Средь них, с улыбкой, с искрами в глазах
(Их сердце бьётся в цирковом квартете)
Поют, смеются, веселятся дети,
Подобно ангелам на небесах.

Средь них и ТЫ встаёшь в единый ряд,
Забудешь все ушедшие тревоги,
Забудешь пройденной судьбы дороги –
Все так же, как и много лет назад.

Зима. Россия. Двадцать первый век.
Провинциальный парк вблизи вокзала,
Твоя душа безмолвно наблюдала
Как падал с неба серебристый снег...

Подборка стихотворений Сергея Курьяна

Я всегда наблюдал за свободой птиц

Я всегда наблюдал за свободой птиц,
Я смотрел в облака... Как легки эти птицы!
Снова вижу полет. Поле. Падаю ниц,
Я всегда так хотел им подобно кружиться!

Как хотел я всегда легким взмахом крыла
Вознестись к мрачным тучам, где грома раскаты!
Замереть в вышине...и упасть, как стрела
В блеске молний, бессильных пред птицей крылатой!

Как сейчас меня манит, в предутренний час,
Когда крик петухов будит ранние росы,
Предрассветное небо, где звездный алмаз
За собой оставляет оттенок белёсый.

Я лежал на траве. Я смотрел в небеса,
Различая себя сквозь колосьев заслоны.

Холодна и свежа трав душистых роса,
Но, не здесь я, я там, в высоте небосклона.

"Боже, дай крылья мне! Боже, взмою я ввысь!"
Замолчал. И ответил Господь мне на это:
"Птица - не Человек! Встань, Мой Сын, поднимись!
Будь крылата душа твоя, сердце - поэта!"

Солнца светом в деревню приходит рассвет,
С первым робким лучом мир от сна пробудится,
Возвращаюсь домой, твёрдо помня завет:
"Я свободен, куда душа моя - птица!"

У костра

Тихий вечер поёт нам балладу заката,
Темный берег шумит приливной волной.
Облака-паруса, солнце в сотни каратов,
Незаметная дымка плывет над водой.

Мы сидим у костра. Я пою тебе песню
Про далекие страны, про пальмы, моря,
Подпевает гитара. Мы будем там вместе!
Как сейчас, у костра. Только там. Ты и я.

Пламя с треском пылает на темных поленьях,
Бриз ночной всполох искр увлекает к воде,
Под аккорды играют вечерние тени,
В этот вечер нет места пустой суете.

Я играл. Незаметно играла улыбка,
Взглядом нежным твоим наслаждался сполна,
Я играл на гитаре, в душе пела скрипка.
И под скрипку гитары затихла струна...

Солнца диск, догорая, коснулся планеты,
Ты чуть слышно сказала: "Не надо морей,
Провожая закаты, встречая рассветы,
Быть с тобою всегда мне гораздо важней."

Вечер стих. И мой стих обратился туманом.
Гас костер. Мы смотрели на звездную высь,
Под мелодию волн каждый думал о главном,
Впереди была целая жизнь...

Ты знаешь

Ты знаешь, дальше бы я тонул,
Едва различая в пучине цели,
Ты знаешь, я бы ушел ко дну,
Считая, что просто ушел от мели.

И знаешь, бросить я все хотел,
И вместе с якорем в бездну броситься,
Но, видя тебя, просто не посмел
По-роковому опростоволоситься...

Ты знаешь, наверное, все сама,
Да и я не раз говорил, как бы к слову,
"Ты знаешь, ты нравишься мне, одна."
Дай Бог, чтобы встреча скорее снова.

Сегодняшний вечер, пускай простой,
С простого сложное всё начинается,
Пусть ни о чем, но прошел с тобой,
Пускай же общение продолжается!

Ты знаешь, я не пойду ко дну,
Меня там не ждут, мне там делать нечего,
Мне всё по плечу! В мире грёз тону,
Ночное небо ложится на плечи...

Ты знаешь, право, как волшебство,
И словно дольше мне радость прочит
Твоя улыбка, твоё родство,
Простая фраза: "Спокойной ночи!"

Прогулка

Хороший день, хорошая погода,
По вторникам такая не всегда.
Весь день прошёл в разъездах и заботах,
Весь день - одна сплошная суета.

Но вечер, словно ты, красив и нежен,
Я за тобой зашёл: "Пойдем в кино?"
Бульвары видеть, тополем заснеженные,
Не стоит в этот день через окно.

Не захотела. Может, день не самый,
Но вечером душа моя пьяна.
И я пошел бульварами, дворами,
Кино оставив на другие времена.

Петляла улица, мигали светофоры,
Гуляли пары, город отдыхал.
И каждый человек о чём-то думал,
Возможно, каждый о своем мечтал.

И я мечтал. И шёл неумоимо,
В душе играя каждую струну.
Машины, люди пролетали мимо,
Сливалось всё в мелодию одну.

Но словно оглушен, размазан, взорван,
Упасть хотелось, и пойти ко дну:
На перекрёстке возле светофора
Тебя увидел. Только не одну.

Я знал его. А ты спиной стояла,
Я шёл на автомате, словно тень.
Его рука тебя приобнимала,
И вправду, донельзя "хороший" день.

Мы поздоровались с ним. Дальше - светофоры,
Бульвары, улицы, дворы, скамейки, парк,
Дома, аллеи, двери, коридоры,
И мысль в голове - как вышло так?

Хороший день, хорошая погода
Закончились с приходом темноты,
Прошёл по улицам, наверное, полгорода,
А в мыслях - светофор, где он и ты.

Твой выбор не судить, не обсуждать,
И всё же, с ним смириться очень сложно.
И если б небо солнца стало ждать,
То ночью, в дождь, мы стали с ним похожи.

Одиннадцать. Дождём разверзлось небо
Одиннадцать. Я не хочу домой.
Иду под ливнем с непокрытой головой.
С тобой таким разбитым раньше не был,

Иль без тебя? Не знаю, не спешу,
Пронзает ветер мокрую одежду,
Пойду домой. Я сделаю, как прежде:
Сначала выплюсь, а наутро всё решу...

Звуки

Веткой сухою в окно: тук-тук.
Что за ужасный звук!
Страшнее звона стакана.
Что-то вечером будит мозги.
Как утром будильник, но громче.
Я пьяный,
Не видно ни зги,
Сыграй на стаканах позвонче!

Вокруг – одни звуки,
Ко мне тянут руки,
То тут, то там.
По комнате - радиофон
В темноте мне несёт тревогу
Ш-ш-ш-ш, слышишь? По битым волнам

Мы несём твою душу к чертям,
Или к Богу.

Рекою течет
Алкогольный компот.
Я на фото смотрю на стене.
Что ты сделала, шут пойми!
Нет, не девушка, прошмандовка!
Ведь неясно мне,
Как тебя, поманив,
Он обвел вокруг пальца так ловко?...

Тум. Тум. Тум. стучит, как Шаман
Моё сердце в там-там,
Всё быстрее, быстрее бьется...
«Что ты делаешь? Что ты творишь?», -
Говорит оно тихо и вкрадчиво.
- В голове – палящее солнце,
А в груди – ты хрипишь,
Остановись! Заканчивай!

Ш-ш-ш, тук-тук-тук. Тум. Тум. Тум.
Звуки туманят залитый ум.
Сердце устало стучать.
Ветер веткой рассыпал окно,
С полок радио плачет чуть тише
Так спокойно на мокром полу мне лежать,
Дождь идёт, всё равно.
Я его никогда не услышу...

* * *

Вся жизнь записана в одну строку
В живых стихах,
По городам и странам пробегу
С пером в руках.

И если мне однажды повезёт,
Я напишу отрывок
Тебе из тех загадочных широт,
Где люди живы

* * *

Ты хочешь неба рукой достать,
Где горят полуночные звёзды?
Надо лишь встать, и сможешь понять:
Оно человеческого роста!

Запущу руку в небо, сожму наугад,
И звезду подарю в ладошке.
Просто люди привыкли настраивать взгляд
Курсом - в небо, но сидя в окошке.

Знай, что нет в мире недостижимых высот,
Высота измеряется просто:
Если можешь ты неба коснуться рукой -
Знать, оно человеческого роста.

Не стой и не плачь у могилы моей

Оригинал

"Do not stand at my grave and weep"

Do not stand at my grave and weep,
I am not there; I do not sleep.
I am a thousand winds that blow,
I am the diamond glints on snow,

I am the sun on ripened grain,
I am the gentle autumn rain.
When you awaken in the morning's hush
I am the swift uplifting rush

Of quiet birds in circling flight.
I am the soft star-shine at night.
Do not stand at my grave and cry,
I am not there; I did not die.
(Mary Elizabeth Frye)

Перевод

Не стой и не плачь у могилы моей:
Я не сплю. Я здесь быть не могу.
Сотней тысяч ветров я взывал над землей,
Я - алмазный огонь на снегу.

Я - тот солнечный свет, что в созревшем зерне,
Нежный дождь на осеннем окне...
А когда ты проснешься, с утра, в тишине -
Воспарю! Окажусь в вышине,

Буду птицами тихо кружить в небесах,
И ночами звездой проливать мягкий свет...
Нет, не стоит стоять у надгробья в слезах:
Я не умер. И здесь меня нет.
(перевод - С. Курьян)

ФИНАЛИСТЫ ПОЭТИЧЕСКОГО КОНКУРСА

Литературный обозреватель о финалистах

Вот и подошел к завершению второй сезон конкурса «Пятая стихия» памяти Игоря Царева.

Поэтический раздел конкурса и в этом году получился очень достойным.

И еще одно обстоятельство стоит отметить.

В прошлом году подобный обзор я назвал «Наброски к портретам участников финала».

Сейчас на такое обобщающее название не решусь.

Все дело в том, что я был сторонником, если не инициатором того, чтобы в этом сезоне участники представляли не подборку, а по одному стихотворению.

Конечно, нагрузка на членов Жюри и Оргкомитет при этом значительно уменьшилась и стала едва ли не комфортной.

Но вот судить о творческой манере автора и его поэтической индивидуальности по одному тексту с моей стороны было бы чересчур самонадеянно.

Так что будем рассматривать исключительно конкретные тексты.

Не посягая на большее.

Говорить о стихах претендентов будем в том порядке, в котором они завершили второй тур. Сразу после авторского текста приводится моя оценка текста на предыдущем этапе. Плюсиками обозначены мои предпочтения (и хотя в моем распоряжении для поощрения были и три плюсика, но воспользоваться ими я так и не нашел оснований).

А дальше я развил и обосновал свое мнение о вышедших в финал работах.

Владимир Гутковский

Елена Копытова (Рига, Латвия)

Финалист поэтического конкурса «Пятая стихия-2015» Международной литературной премии имени Игоря Царёва.

Конкурсное произведение Елены Копытовой:

Дымы отечеств

Всё мимолётно и непоправимо.

Лохмотьями – на шпильях – облака.

Отечество клокочет едким дымом

в прокуренной груди товарняка.

В ознобе Город; каждый перекрёсток

вздыхает: «Лишь бы не было войны!»...

– а, помнишь? –
мы в безумных девяностых
взрослели на развалинах Страны...

Наш мир, давно потерянный, не рухнет.
Нам – по большому счёту – всё равно,
когда и с кем на тех же самых кухнях
пить то же полугорькое вино. –
За то... чтобы у стен отсохли уши,
чтоб слово закипело, как слеза...

а Бог молчит, с прищуром глядя в души –
в который раз не знает, что сказать. –
Возьмёт – по паре – всех (как при Потопе),
чтоб каждый удивлялся, что – живой,
пока по угасающей Европе
гуляет призрак Третьей Мировой...
и мимо проплывают чьи-то лица –
глаза в глаза – сплошной «лицеворот».

...но будет перевёрнута страница.
...и Стрелочник часы переведёт.

...а время... –
ни черта оно не лечит! –
«Мгновения... как пули у виска»...

– давай, покурим, все «дымы отечеств»
бесстыдно выдыхая в облака...

От литературного обозревателя

Актуальное душевное состояние лирического героя передано очень выразительно и поэтически интересно выстроено.
++

Что можно сказать, перечитав это стихотворение.
Цельная поэтическая картина. Все ее на первый взгляд разрозненные фрагменты образуют единое поэтическое пространство.
А частая смена ракурсов и внутренняя смена ритмов позволяет все время поддерживать высокое эмоциональное напряжение текста.

История (большая История) предстает напряженной и драматичной во всех своих проявлениях и отражается ими в душах лирических героев.
*«Отечество клокочет едким дымом
в прокуренной груди товарняка...»*
Все эти ощущения – от личных истоков
«... а, помнишь? –
мы в безумных девяностых
взрослели на развалинах Страны...»
и до жгучей современности

«...пока по угасающей Европе
гуляет призрак Третьей Мировой...» –
порождают своеобразную отрешенность и отстраненность от происходящего.
«Нам – по большому счёту – всё равно,
когда и с кем на тех же самых кухнях
пить то же полугорькое вино...»

*Скажите, совсем уж безысходный фатализм?
Что поделаешь, если таково восприятие жизни, которая дает для него вполне
определенные основания.*

А надежда? Разве на то, что
«... будет перевернута страница.
...и Стрелочник часы переведёт...».

Не слишком оптимистично. Зато честно.
Будь еще финал чуть выразительнее...
В.Г.

Подборка стихотворений Елены Копытовой

Алёше не снятся...

Всё – сам! – Он никак не согласен на меньшее.
Мальчишка – в тельняшке, но... спит, как сурок.
Алёше не снятся дороги Смоленщины...
(не видел он толком российских дорог).
Над верхней губой – чуть заметная родинка.
Он – сам по себе, не задолблена роль.
Он знает, «с чего начинается Родина» –
с таможни, со слов: «Пограничный контроль!»

...а плюшевый мишка две бусины вылупил
и смотрит насквозь, от бессонниц устав...
пока по «нейтралке» – из Себежа – в Зилупе
со свистом летит жёлто-синий состав...

За далями – дали вослед... и – так далее...
Смолистый рассвет заливает леса.
И вздрогнешь, увидев – колодцы Латгалии
сухими глазами глядят в небеса.
...и с полок слетают крылатые простыни.
...небритый сосед говорит: «Вуаля!»
...саднящий динамик фонит девяностыми –
«Зачем нам, поручик, чужая земля?»

Так странно – «просёлки, что дедами пройдены» –
другая судьба, незнакомая жизнь.
...и поезд опять прибывает на... Родину.
А здесь, как везде –
ни своих, ни чужих.

Провинциальное

...и неважно, где он и как зовётся –
городок с часовенкой под ребром.
Ночью время черпаешь из колодца,
до утра гремишь жестяным ведром.

И душа наполняется зыбкой грустью.
Всё застыло будто бы на века
в закоулках этого захолустья.
На цепи по-волчьи скулит тоска.

...колосится утро над бездорожьем.
На лугах – ершистая трын-трава.
Вот бы враз оторваться, сдирая кожу! –
Отболев, отникнуть, но – черта с два! –
Как ни бейся – хлёткая пуповина
неизменно тянет тебя назад.

...у хозяйки – брага (к сороковинам).
На столе – портрет (утонувший брат).
На цветастом блюде – свечной огарок.
Кислый квас – во фляге. В печи – блины.
На плакате выцветшем – Че Гевара,
и ковёр с оленями – в полстены.

Даже то, к чему ты едва причастен,
прикипает к памяти навсегда.
В сенокос – царапины на запястьях,
да жара без продыху – ерунда.
От того, что было сплошной рутиной –
горячо и больно, по телу – дрожь...

тишина колыхнется паутиной –
даже выдохнуть страшно,
а вдруг порвёшь?

Без слов

Говорят, в Отечестве нет пророка,
да и кто б узнал его, если – есть?
Но зато опять на хвосте сорока
притащила сдуру худую весть.

...а в чужое сердце влетишь с разгона,
так тебя проводят – «на посошок»
полной чаркой спелого самогона.
Сумасбродно, ветрено... – хорошо!

...а потом – привычный рассол на завтрак.
Хоть полвека пей, всё равно – тоска.

Ты чужой здесь и... не сегодня-завтра
упорхнёшь, как ласточка с облучка.

... но пока... молчи! На душе бездонно.
Всё, что важно, сказано и без слов.
Просто Бог, шутя, раскидал по склонам
золотые луковки куполов.

Просто остро пахнут лещом и тиной
на равнинах волжские рукава.
И тебя пронзает гусиным клином
ножевая русская синева.

Дорожное

...а за окном – берёзово. Шпалы – чересполосицей.
Небо играет красками щедро и нараспев.
Сумерки гонят с пастбища рыжее стадо осени.
Даль убегает в прошлое, выдохнуть не успев.

Только прикосновение, только намёк – не более...
Тянется-канителится времени волокно,
зыбится послесловием чеховской меланхолии...
Жёлтый зрачок прожектора высветил полотно.

Беглый этюд – плацкартное: рыжий трёхлетка с яблоком.
Ложка по подстаканнику бряцает бубенцом.
На незнакомой станции суетно, как на ярмарке.
Пахнет капустой квашеной, бочечным огурцом.

Можно дышать, как дышится... или парить, как движется.
Можно сказать, как выдохнуть – шелестом-ветерком.
Только вот слово «Родина», в общем-то, слишком книжное...
лучше бы – полушёпотом, тающим сквозняком.

Бродят слова ненужные (вроде письма с оказией) –
то ли уже на подступе, то ли еще в пути ...

– Вяленным рыбным Севером, спелой арбузной Азией,
мокрым хохлатым Питером
встреть меня, приюти...
и посмотри доверчиво... и обними по-дружески...
пусть себе паутинится медленной речи вязь.
Будь ты слегка подвыпившей, луковой и простуженной...
Знаешь, и пуповинная недолговечна связь.

Вижу – на шею времени кольца легли годичные.
Вижу как из дорожного старого рюкзака
волком глядит предательство паспорта заграничного
с ужасом обреченности вечного чужака.

Незнакомая Родина

Два вопроса: «Что делать?» и «Кто виноват?»,
как седые просёлки, навеки схлестнулись.
В Ярославле над Волгой ярится закат.
Тлеет Тула витринами пряничных улиц.

А в вагоне – туман опрометчивых слов.
Да и сам ты доверчив, наивен и жалок,
обнаживший всю душу до самых основ,
точно Питер – изнанку своих коммуналок.

...за спиною – перрон. Переступишь порог –
и на пир с «корабля», но расходятся гости.
...а рассвет с огоньком, и с горчинкой дымок,
и дрова – на дворе, и трава – на погосте.

Оживает душа, обращённая в слух.
Акварельные зори свежи и прозрачны,
но умолк предпоследний нетрезвый петух,
оцарапав околицу хрипом наждачным.

Вот бы взять да попробовать жить-не тужить,
чтоб душа – нараспашку!.. Похмельно-непьющий,
понимаешь, что... – к лешему вся эта жизнь! –
Что за чушь, что дорогу осилит идущий?

Кто соврал, что идущему ноша легка? –
Добрести бы до дома неровной походкой...
(Как известно, Россия – в глазах чужака –
пресловутый медведь, балалайка и водка).

Незнакомая Родина... Всё занесло –
заметило пеплом неверного слова.
...а в плацкартном вагоне тепло и светло.
И подросток-«ботаник» читает Толстого...

Крепкий орех

...только мама и ты. И весна на дворе.
Воздух детства, звенящий, как спелый арбуз.
Слово «Родина» – крепкое, точно орех –
не распробуешь с первого раза на вкус.

...середина пути. И дождём осаждён
серый город, дрейфующий в талой воде.
Так бывает: годишься не там, где рождён...
а бывает... и вовсе не годен нигде.

...и трясёшься в вагоне – судьбе ли назло? –
Вот и дерево кроной глядит на восток. –

Так подбитая птица встаёт на крыло,
безнадёжно ловя восходящий поток.

...а тебе говорят: «Так ведь это – твой дом!» –
ножевые слова – как удары серпа.

Слово – крепкий орех, да вот только потом...
от него остаётся одна скорлупа.

...и царапаешь душу в густой трын-траве.
Но с тобой пуповиной земли сплетены –
вместо матери – крест, вместо Родины – две
совершенно чужих бесприютных страны...

«Незачёт»

...в этот двор вернуться – в свое начало. Во дворе – пернатая чехарда.
Мой бумажный кораблик приплыл к причалу; на борту написано «НЕ БЕДА».
Ерунда написана – не «ПОБЕДА». Поделом мне, в общем-то, поделом!
...а кому-то мама кричит: «Обедать!» – Всё такой же двор. И такой же дом –

неизменно-жёлтый, пятиэтажный. Из окна открытого – чей-то взгляд...
это мой ровесник – такой вчерашний и бесстрашный как... тридцать лет назад.
У моих ровесников всё достойно. Наступает срок собирать плоды...
От чего ж не завидно и не больно? – Совершенно искренне – «до звезды»!

И в пустых карманах ветрам не тесно, но судьба-зануда опять ворчит –
говорит, такие, как я – не к месту. Посылает к чёрту на куличи.
Говорит, что каши со мной не сваришь, что и бесу не надо такой родни! –
Я, как волк тамбовский – плохой товарищ. Тут и спорить не о чем. Извини. –

И слова в висках – как удары гонга. И опять за пазухой – ни шиша.
И помятым шариком для пинг-понга под подошвой жизни хрустит душа.
И опять до ужаса неохота колошматить рифмами наугад
ветряные мельницы Дон Кихота – те, что машут крыльями и... летят...

И от этого вряд ли найдётся средство. Не по всякой шкуре судьбы клеймо.
...хорошо сидеть на скамейке детства, где такое вкусное «Эскимо»,
всё, что всуе сказано, забывая. Да и то, что было, теперь не в счёт.
Вот и всё. Бывает же так... бывает.
«Незачёт» по жизни мне... Не-за-чёт.

Город ты мой единственный

Чётное и нечётное – улицы арифметика.
– Не говори мне лишнего, ведь всё равно – не то! –
В красном трамвае с рожками – шумные безбилетники.
В зыбком морозном мареве – клетчатые пальто...

– Как не поверить в лучшее, если в кармане – семечки,
Город мой, отпечатанный в памяти навсегда –

старой ушанкой кроличьей, булочкой трёхкопеечной,
струнными переборами, искрами в проводах...

«Винный», «Пивной», «Закусочный», в меру обезображенный
пряным закатным соусом; кухонный шут и враль...

– Город ты мой единственный, памятью приукрашенный,
был ты таким «безбашенным» –
выл в голове февраль...

Хватит. Откуролесили. Впору бы образумиться...

Время упругим яблоком катится в никуда.

...но, за подкладкой Города, в тесном кармане улицы
прячется сумасбродная – только моя – звезда.

...Капли летят за шиворот. Ветром лицо исколото.

Жёлтый фонарь качается. Мокрая тень дрожит...

– Город ты мой единственный,

ну, извини – какого ты

лешего бестолкового – стал мне таким чужим?

Что остаётся? – Вымокшей тенью бродить по улицам,

жадно курить и сплёвывать в чёрные пасти луж.

Город ты мой простуженный, что же ты так нахмурился?

Сколько в тебе утоплено эдаких «мёртвых» душ?

Постновогоднее

Зимний город – осколок чужого наследства –

прижигает лицо, как пчелиный укус,

и хрустит на зубах карамелькой из детства. –

Хорошо... – на не слишком взыскательный вкус.

Хорошо... – потому что рукой – до Парижа.

Над Монмартром – луна. И вино – дотемна.

Кто сказал, что далёкая Родина – ближе? –

«...был ли мальчик?» (ну, в смысле – была ли Страна?)

...отболеть-отгореть-улететь в «несознанку» –

всё нормально, все средства давно хороши.

Ты, как Маугли, прячущий волчью изнанку –

в камуфляже глухой человеческой души.

Да куда ж – от себя? Доживай иноверцем,

догорая костром на чужом берегу.

Продолжайся – ожогом на чьём-нибудь сердце,

беглой строчкой, пунктиром лыжни на снегу...

Белый город мятежные мысли хоронит.

И уже однозначно – тебе не родня –

пассажиры на гулком метельном перроне.

И... да здравствует Родина!
Пусть – без меня.

Клавдия Смирягина (Санкт-Петербург, Россия)

Финалист поэтического конкурса «Пятая стихия-2015» Международной литературной премии имени Игоря Царёва.

Конкурсное произведение Клавдии Смирягиной

В.Д.

*В медном подсвечнике сальная
Свечка у няни плавает...
Милое, тихо-печальное,
Все это в сердце живет... (с) И. Анненский. «Сестре»*

Ночь кудель сонливо тянет, перематывая дали,
заполняет сном корзинку, на скамеечку присев.
Под пушистыми кистями вижу кружево педали
и литые буквы «Зингеръ» на чугунном колесе.
По зелёному жаккарду бродят уличные тени,
звон последнего трамвая вязнет в плотных облаках.
И мурлычет песни барда наш приёмничек настенный,
сам себя перебивая позывными Маяка.
Стол, ночник, на гриб похожий, две кровати по соседству,
между ними дверь в кладовку, пола узкая межа.
Сладко-сладко, не тревожась, спит твоё смешное детство,
сдвинув узенькие бровки, мишку бережно прижав.
Спи, малыш, пока мы вместе. Сон с годами всё короче.
Жизнь таких узлов навяжет без раздумий и стыда!
Пусть тебе послужит вестью нежность этих междустрочий.
Может быть, прочтёшь однажды. Может, вспомнится когда...

От литературного обозревателя

*Насыщенно и достоверно. Творчески переработанные приметы повседневности
сплетаются в причудливый поэтический узор и безотказно соприкасаются с душами
читателей.*

++

*Зачин текста сразу задает ему нужный ритм и темп:
«Ночь кудель сонливо тянет, перематывая дали,
заполняет сном корзинку, на скамеечку присев...».*

*И сразу становится понятно, что неторопливое повествование не нуждается в резких
переломах сюжета. Наоборот плавное его разворачивание позволяют придать
неброским с виду приметам быта полную поэтическую достоверность и
выразительность.*

Чего стоит только такие убедительные подробности:

«Стол, ночник, на гриб похожий, две кровати по соседству,
между ними дверь в кладовку, пола узкая межа...».

Негромкая завораживающая колыбельная песенка, неразрывно соединяющая жизнь и судьбы героев, маму и дитя.

И финал, ничего, казалось бы, определенно не утверждающий и вместе с тем настолько убедительный...

«Спи, малыш, пока мы вместе. Сон с годами всё короче.

Жизнь таких узлов навяжет без раздумий и стыда!

Пусть тебе послужит вестью нежность этих междустрочий.

Может быть, прочтёшь однажды. Может, вспомнится когда...».

Текст, заслуживающий самой высокой оценки.

В.Г.

Подборка стихотворений Клавдии Смирягиной

Сквозь травные ветры...

Сквозь травные ветры, сквозь пеплы метелей
желания наши на тройках летели.

От станции юность до станции зрелость
так нежно мечталось, так много хотелось.

И всё, что сбывалось, и что не сбывалось,
в пыли полустанков на память осталось.

А память ночами относит к причалу,
где мама, ещё молодая, молчала.

Молчала, и только сутулились плечи
в ответ на мои бесшабашные речи,
и только лицо на глазах постарело...

Желания в памяти стали пробелом,
желания, видно, устали сбываться.

На станции зрелость в пыли декораций
хочу одного – на подмостках причала
чтоб я, а не мама тогда промолчала.

Под шапкой

*Где ночевали? - Под шапкой
(пословица)*

Бросив на землю охапку
сена, вплетенного в сны,
мы ночевали под шапкой
кряжистой лужской сосны.
Пахнувший августом воздух
влажные гладил виски.

Падали спелые звезды
в белый туман у реки.
Ветры гуляли на воле,
месяц отсчитывал срок.
Снилось мне чистое поле
и перекресток дорог.
Город с его корпусами,
пленом отдельных квартир,
мальчик с твоими глазами,
мне заменившими мир.
Снилось, как снова и снова
снится той, завтрашней, мне
сон наш под шапкой сосновой
с августом наедине.

Из талого марта...

Из талого марта сквозь май круторогий,
сквозь марево летнего дня
я вижу, как осень бредет по дороге,
бубенчиком шейным звеня,
как греют неровные рыжие пятна
её налитые бока,
как шепчутся дуб и рябина невнятно
о том, что зима далека,
что бродит по жилам, гудит понемножку
с весны нерастраченный сок,
покуда дедок на потертой гармошке
играет осенний вальсок.
Дубовые листья и листья рябины
кружатся на раз-два-три-раз...

Из талого марта мне чудятся спины
осенних обнявшихся нас.

Не страшно

Шипя, чертыхаясь, сжимая кистень
и соображая от ужаса плохо,
по углям садов, городов, деревень
ступает босыми ногами эпоха.
Быть может, и нам не сносить головы,
но он уцелел, город сирий и битый,
и серым, не глаженным шарфом Невы
его Петропавловки горло укрыто.
Мне с ним хорошо и тепло, как с тобой.
Мы оба его повзрослевшие дети.
Повязаны общей Невой и судьбой
и тем, что нам врозь не живётся на свете.
Когда мы летаем, обнявшись во сне,
и ангел со шпиля нам крыльями машет,

свихнувшийся век улыбается мне.
И даже не страшно.

Разговор с рыбой

К полуночи белесая луна
селёдочным хвостом стучит по крыше.
Вином не запивается вина.
И лишь луна хмельные мысли слышит.
Давай, луна, помянем разговор,
который не случился не случайно.
Слова стучат в затылок до сих пор,
невысказанной вымученной тайной.
Садись, луна, за мой дощатый стол,
покрытый ею купленной клеёнкой.
Я сам бы от неё давно ушёл,
да только смех не отпускает звонкий,
обидный, до печенок самых, смех.
А вот она ушла, не испугалась.
Давай, луна, давай за них, за всех,
кому не по плечу любовь и жалость.
А вот меня, не надо, не жалей,
плыви себе по небосводу дальше.
Спасибо, что зашла, луна. Налей.
Глоток вина. Глоток вины и фальши.

День дурака

В пятницу с утра в селе Орясино
всё творилось наперекосяк:
солнце угнездилося в кроне ясеня,
солнцу бы на небо надо, ясен пень,
а оно не двигалось никак.
И висело рыжее, лохматое,
спины припекая и дворы.
Мужики попрятались по хатам, и
лишь Иван-дурак застыл, как статуя,
на потеху местной детворы.
Долго-долго вверх смотрел с завалинки,
щурился, наморщив лоб слегка.
А потом сорвался в хату к маменьке
и принес под ясень глечик маленький
теплого парного молока.
Солнце посмотрело вниз, приняхалось,
слезло осторожно по суку.
Ванька угостил его краюхою,
сытое оно и толстобрюхое,
в ноги привалилось к дураку.
Расставались молча, за околицей.
И судачат все, кому не лень,
что за этой блажью солнца кроется.

Ванька ни о чем не беспокоится.
Просто был его, дурацкий, день.

Вишенка

Класть по привычке вишенку на торт
(такую же украдкой лопал тот,
кому она и так предназначалась),
носить из спальни в кухню телефон
и мучиться ночами, видя сон
о том, что ей осталась только жалость.
Читать в Контакте изредка отчет
о том, как бодро жизнь его течет
и протекает мимо, мимо, мимо
той вишенки, положенной на торт,
который всё печёт она, печёт.
И понимать: ушло, непоправимо...

Шуба

Скорняк был строг и точен, как хирург,
сшивающий края открытой раны.
И мех теплел от сильных чутких рук,
учился греть, спасать и быть желанным.

И был мороз, и в шубе, как в гнезде,
дышало, пело нежное, живое.

Потом был дом, распялка на гвозде,
огонь в печи, безмолвие покоя.

Вот так висеть – больней, чем просто смерть:
ненужной быть и не коснуться даже
того, кого так хочется согреть.
Кого? Кого-нибудь. Обнять. Успеть.
До лета. До последней распродажи.

Всё хорошо, что хорошо кончается

Зима сопротивляется отчаянно,
цепляясь за ночные холода.
Но зыбкое весеннее молчание
меняется синичьим звонким «Да!»
Кряхтят деды, одолевая лестницы,
на солнышко выходят посидеть.
И небо в их глазах бесцветных светится,
и в голосе звучит былая медь,
когда на внуков понарошку гаркают,
а те, от солнца ошалев слегка,
хватают талый снег руками жаркими,
и не умеют остывать пока.
И будет лето, и зима-печальница,

и «я» семь раз умножится на семь...
Всё хорошо, что хорошо кончается.
Поскольку не кончается совсем.

Галина Булатова (Казань, Россия)

**Финалист поэтического конкурса «Пятая стихия-2015» Международной
литературной премии имени Игоря Царёва.**

Конкурсное произведение Галины Булатовой

Река

Волга, Вятка, Ока и Кама – вот четыре родных сестры.
Между этими берегами пращур мой разжигал костры.
Волховал, приговаривая к севу, и поглаживал оберег,
Чтоб вовек родовое древо пило воду из этих рек.
Чтобы бьющийся слева бакен направлял бы уключин скрип,
И горел бы огонь прабабкин и прадедов на спинах рыб.

...Начинала цвести ясколка, разливался в лугах апрель,
Лучше няньки качала Волга лодку – мамину колыбель.
Знали слово «война» с пелёнок, но хранил беззащитных Бог,
И от «воронов» да воронок он судёнышко уберёг, –
Только омуты да стремнины, но недаром родня ждала:
Скоро доктором станет Нина, будет новая жизнь светла.

...Вечный зов соловьиной Вятки, зачарованный край отцов:
Здесь писал угольком в тетрадке душу русскую Васнецов.
Здесь грозила судьба расстрелом в сорок первом за колоски...
По сестрёнке, навеки в белом, плакал Ванечка у реки...
И остались они живые, целых пятеро, мал мала...
Славный врач из Ивана выйдет, будет новая жизнь светла.

...Первый скальпель, уколы, грелки и родительский непокой:
Это я родилась на Стрелке, между Волгою и Окой.
Если есть у свободы запах, это запах родной реки...
Напиши-ка, смеялся папа: *наши – с Вятки*, мол, *вы – с Оки*.
Вслед за мамою *ехал Грека через реку, а в реке рак*,
И молочными были реки, и кисельными берега...

Утка в море, хвост на заборе, Волга зыбает корабли,
В Жигулях Жигулёвским морем нарекли её журавли,
Натянув тетиву рассвета на Самарской Луки изгиб, –
Это стих, ниспадая в Лету, проступает на спинах рыб,
Это посвист далёкой Стрелки, что почувствовал печенег
По вибрации крупных, мелких – всех впадающих в Каму рек.

«Ты – река! И теперь ты – Кама!» – крикнут белые берега.
Может, это такая карма? Может, это одна река?

Может, это игра течений? Может быть, по воде круги –
Многогочия изречений той одной, родовой реки?
...Волга, Вятка, Ока и Кама, – и шепотью ведомый перст
На груди четырьмя штрихами, как судьбину, выводит крест.

От литературного обозревателя

Стихи, течение которых столь же стремительно, обильно и неостановимо, как и у рек, что в них упоминаются.

++

Безусловно, привлекательный замысел. Через индивидуальные судьбы показать историю всего народа на широком историческом периоде. И сопоставить его с течением значимых и всем знакомых российских рек.

Временные перебросы и уподобления текста не избавляют его от известной линейности изложения, но вместе с тем отмечены и целым рядом удачных находок:

«Лучше няньки качала Волга лодку – мамину колыбель...»

«...Вечный зов соловьиной Вятки, зачарованный край отцов:

Здесь писал угольком в тетрадке душу русскую Васнецов...»

«Утка в море, хвост на заборе, Волга зыбает корабли,

В Жигулях Жигулёвским морем нарекли её журавли...»

На фоне этих впечатляющих поэтических находок перипетии личных биографий героев выглядят более трафаретными. При всем уважении к их нелегкой и одновременно целеустремленно созидательной жизни.

Что касается стихотворной культуры текста, то она достаточно высока, умело организована строфически и ритмически.

И если для меня следующая рифма:

«Вслед за мамою ехал Грека через реку, а в реке рак,

И молочными были реки, и кисельными берега...»,

выглядит не вполне аккуратной, то ведь это только раз.

Но главное в этом стихотворении ощущение Родины, России и своей к ней причастности.

Мне кажется именно об этом строки:

«Если есть у свободы запах, это запах родной реки...»

И свои чувства автору удалось выразить сполна.

В.Г.

Подборка стихотворений Галины Булатовой

Февраль

Ты, не вышедший статью,
Затесался, малыш,
Между рослыми братьями
И метелями мстишь.
Вы хотите веселья?
Вам покой не с руки?

Нате вам карусели,
Заводные волчки,
Мотыльков под облааты,
Белых шершней в лицо!
Выходите, лопаты,
Под сугроб на крыльцо!

А устанет проказник –
Прибежит на постой,
И в безоблачный праздник
Поиграет звездой.
За мерцанием синим
Ворожится ему
Колыбельная сыну
В материнском дому.
Одиноко и стыло
К небу тянется дым...
Дай, мне, господи, силы
Быть извечно вторым.

Горлица

Прибиралась в горнице,
Тихо щебеча,
Но таила горлица
В горлышке печаль.

Думушка былинная,
А работа – быль:
Сдула бы пылиночки –
Вытираю пыль.

Что по доскам босая –
Рана не страшна,
А саднит занозою
Горлинки душа.

Трепетная веточка,
Хрупкий стебелёк,
Если б только весточку
Ты подал, сынок.

Дедушка мой Булатов

Петру Степановичу Булатову посвящается

Память ценнее клада, если добро в судьбе...
Дедушка мой Булатов, вспомнилось о тебе.
Вглядываюсь в начало: кто-то скромней едва ль –
Долго в шкафу молчала страшной войны медаль.

Это и мой осколок – жизнью неизлечим.
...Сельский директор школы слову детей учил.
Светлой души, нестрогий – с лёгкостью я пойму
Тех, кто с других уроков тайно сбегал к нему.

Письма писал – от Бога, всяк ему бил челом:
Было не так уж много грамотных на село.
Добрая слава греет щедрого на Руси:
Что отдавал на время, то забывал спросить.

Ну же, баян, играй-ка вальсы амурских волн!
Старая балалайка, вспомни байкальский чёлн!
Дедушка мой Булатов, в камне – овал простой...
Правнук уже в солдатах, правнучка – под фатой...

Горошина

Обычная горошина,
Племянница кусту,
Я кем-то в землю брошена,
И вот – себе расту.

Но чья душа мне дадена,
Судьба вздыхать о ком,
Цепляясь за оградину
Зелёным стебельком?

Какому дню назначена
Средь заросли густой,
Обожествляя ржавчину
До вязи золотой?

Живу, дай бог, не овощем
На крохотном клочке,
А всё моё сокровище
В зажатом кулачке.

Господь надкусит бережно
Стручковое ребро:
– Ну, здравствуй, королевishна,
Хранящая добро!

Храни и дальше, матица,
На много-много лет,
Пока по кругу катятся
Горошины планет.

Обсерватория

Хочешь увидеть Бога, соедини
Жемчуг зрачка со створками телескопа.

Глиняным пятилучьем себя распни –
Только тогда кручина высоколоба.

Кажется, это небо не удержать –
Рушатся мне на плечи его своды.
Не приближайте свет – тяжело дышать
Сдавленным горлом жалкой моей свободы.

Только бы пережить метеорный дождь,
Кажется, это зевсы сюда проникли.
Ярость непобедима, так для чего ж
Лиру укрыли волосы Вероники?

В тёмных садах межзвёздного вещества
Стынут ночами горькие оговорки.
Собраны до последнего все слова,
Яблоки, звёзды, – пусто... Задвиньте створки.

Я была любима

Я была любима.
И нечаянна.
Так в пустыне дождь врачует истово
Деревце поникнувшее, чахлое,
Что тому уже нельзя не выстоять.

Я была любима.
Так иззябнувший
Тянет руки к радостному пламени.
Отогревшись и родившись заново,
Он уйдёт в назначенное плаванье.

Я была любима.
Мати – дитятком.
На чужбину выброшенным – родина.
Вольность луга – алыми гвоздиками.
Берег детства – керженскими водами.

Я была...
Отчаянна и жертвенна.
Купина твоя неопалимая.
Я была любима так божественно,
Что, любя тебя, уйду любимой.

Елабуга

Рахиму Гайсину, Эдуарду Учарову, Евгению Морозову

1
В Елабуге сердце ищет
Сокровища древних лет...
Над Чёртовым городищем
Звезда прочертила след.

Безжалостный день вчерашний
Под корень крошит века,
Но крепкою пломбой башня
Стоит на горе пока.
А всадник на лобном месте
Поводья зажал в горсти.
Над Камою полумесяц
Подковой в ночи блеснит.

2

Елабуга, ты запала
В меня белизной берёз.
Часовня Петра и Павла
Ослепла от долгих слёз.
На серых камнях дорожек
Рябиновый бьётся след.
Приводит сюда прохожих
Марины нетленный свет.
Отцовыми именами
Сроднились навек с тобой.
Позволишь ли между нами
Тебя называть сестрой?..

3

Елабуга, муза марта,
Пролеска грядущих дней,
Высокая песня барда
Летит из груди твоей
За дверь университета
И выше кирпичных стен –
Туда, где кричат поэты
На вымученном листе,
Где Шишкин кистями сосен
Расписывает пейзаж...
Елабуга, сколько вёсен
Возьмёшь ты на карандаш?..

Прибалтика

Я помню, поезд плыл морозной ночью...
Студенческая братия Самары,
точнее, Куйбышева, сессию окончив,
вперёд состав весёлый разгоняла.
В Москве мы день гуляли по Арбату
(и где ты ныне, фантик эскимо?),
да так, что от сапог ушла подошва –
я новые себе купила в ГУМе.

Куратор, седовласая еврейка,
везла своих девчонок поклониться
святыням Минска, Бреста и Хатыни –
остались в памяти обугленные стены,
и колокол, и каменные слёзы...

Но нас ждала Прибалтика – кусочек
другого мира, странного немного,
звучащего нелепо, но прекрасно,
как узких улочек готический мотив.
И Каунас, и Клайпеда, и Рига
сплелись в моём сознании, подобно
трём стрелкам потревоженных часов,
когда заходишь в лавку антиквара.
Казалось бы – уже ушло их время,
но шестерёнки крутятся в тебе.

Два белых лебедя, похожих на скульптуры,
царящих в тёмных водах зазеркалья
в короне белоснежных берегов.
Музей Чюрлёниса, и музыка, и волны,
симфония воздушных пузырьков,
зелёное, слоистое, чудное...

Другой музей – название я помню,
но называть не хочется, поскольку
просила мама словом не играть,
а дедушка подшучивал над ними
и рисовал, бывало, на газете
их морды, и копыта, и рога...

Летящие высокие ворота
(за петушком ли золотым на шпиле?) –
и Домский ригорический собор,
где я орган слышала впервые,
держась за восхищённые колонны...
...И узких улочек готический мотив...

Ветрами просолённая Паланга,
следящая холодными глазами
за Эгле, королевою ужей.
Так ветрено, что бронзовое платье
готово улететь из рук её...

Балтийский берег Куршского залива –
заснеженное тусклое светило
боится, видно, выпустить лучи:
не разбудить бы море ненароком.
На берегу напрасно мы искали
осколки золотого янтаря –
конечно, он давно уже разобран
неисчислимым полчищем туристов...
Зато мы увозили в пухлых сумках
чудесный прибалтийский трикотаж
и посвящённых после узнавали
по их жакетам, юбкам и платкам...

Но был ещё и старый добрый Вильнюс,
ведь только здесь могла бы я увидеть
величественный маятник Фуко,
непогрешимодвигающий в лузы
тяжёлый шар, сияющий, как солнце
над мраморным песочным циферблатом.

...Легко и точно двигаются стрелки
старинных потревоженных часов.
Казалось бы – уже ушло их время,
но шестерёнки крутятся в тебе...

Молодецкий курган

В Жигулёвских горах атаманы ветра,
А лесную тропу сторожит мошара.

Но ведут на вершину чабрец и полынь –
И в глаза не вмещается волжская синь.

О пристанище-вольница буйным богам!
Дай примерить твой шлем, Молодецкий курган!

Эту гордую реку ты выгнул дугой,
Эти камни под Стенькиной были ногой.

Эти русские волны, послушно дружны,
По-персидски расшили накидку княжны...

Там, где Волге в подмогу впадает Уса,
Поднимают утёсы свои паруса.

Города и деревни поют вдалеке
О великой реке, о Самарской Луке.

Только Девья гора не поднимет лица –
Уронила чело на плечо Молодца.

И впечатаетшь в память гряды за грядой,
И Лепёшку запьёшь родниковой водой.

И, не вытерев капель с горячей губы,
Обернёшься на зов Жигулёвской Трубы.

** Молодецкий курган, Девья гора, Лепёшка – названия гор в Жигулях; Жигулёвская Труба –
залив и одноимённый овраг*

Наталья Малинина (Ярославль, Россия)

Финалист поэтического конкурса «Пятая стихия-2015» Международной литературной премии имени Игоря Царёва.

Конкурсное произведение Натальи Малининой

Вербное

А вот и пристань...Толгский монастырь
Полощет купола свои в купели
Апрельской Волги. Мы давно хотели,
Покуда дачи с пляжами пусты,
Подкрасться к деревянному причалу,
Не привлекая оголтелых чаек,
Не расплескав непрочной красоты.
...Как будто с вербы жёлтая пыльца,
Твой смех осядет на пейзаж прибрежный.
Я снова умолчала слово «нежность» –
Попробуй целовать его с лица.
Пусть это будет временная суть
Того, о чём теперь не скажешь всуе.
Осыплются пылью поцелуи
И вербой прорастут когда-нибудь.
...Как плещется, как бьёт крылом закат
Огромной водоплавающей птицей!
Наверно, мне не раз ещё приснится
И берег, и волна, и долгий взгляд,
Твоё повечеревшее лицо,
И это состояние прибоя.
...Да, «всё пройдёт»,
Но не для нас с тобою
Пока что эта мудрость мудрецов.
...Взлетит над Волгой колокольный звон
В неслыханной ещё оранжировке:
В нём – верба, вечность, поцелуй неловкий
И наших сочетание имён.
В нём – суть и муть неверных «вешних вод»,
В нём то ещё, за что «господь-прости-нам».
...И лишь одной поэзии по силам
Осуществить синхронный перевод.

От литературного обозревателя

Впечатляющая панорама, развернутая во времени и пространстве. Следить за ее деталями, которые отмечены многими поэтическими находками, очень интересно.

++

Замечательная лирическая зарисовка, в которой переплетаются и глубоко личные чувства, и высокие поэтические обобщения.

«А вот и пристань...Толгский монастырь
Полощет купола свои в купели
Апрельской Волги...»
«Мы давно хотели...
Подкрасться к деревянному причалу,...
Не расплескав непрочной красоты...».

Здесь это «мы» особенно значимо. Через такое единение душ постигаются и их связь, и осмысление мира.

И отвлеченного в высь, и одновременно вещного и осязаемого.

«Твой смех осядет на пейзаж прибрежный.
Я снова умолчала слово «нежность» –
Попробуй сцеловать его с лица...»
«Осыплются пылью поцелуи
И вербой прорастут когда-нибудь...»
«Наверно, мне не раз ещё приснится
И берег, и волна, и долгий взгляд,
Твоё повечеревшее лицо...»

Вселенская гармония, составляющая суть жизни, преломляется в каждом ее проявлении. ...

«Взлетит над Волгой колокольный звон
В неслышанной ещё аранжировке:
В нём – верба, вечность, поцелуй неловкий
И наших сочетание имён...»

Как все это выразить, как донести вовне? Поделиться этой нечаянной и заслуженной радостью?

«... лишь одной поэзии по силам
Осуществить синхронный перевод...»

*Пожалуй, лучше и точнее не скажешь.
В.Г.*

Подборка стихотворений Натальи Малининой

Всё дело в сирени

А кроме сирени, и нет ничего.
Ни слёз, ни смертей - только это мгновенье.
И я обживаю, смакую его:
Ведь время - ничто во вселенной сирени.

И нет ничего! Лишь ликующий куст
У древней стены, где узорчаты тени.
И я умереть навсегда не боюсь:
Всё дело в сирени. В цветущей сирени.

Пыльцой, что прилипла на лапки шмеля,
Свершится опять торжество опыления,

Цветенье и завязь-не нам отменять:
Всё дело в сирени, в шмелях и сирени.

Случится когда-нибудь май без меня,
И я перейду в мир иных измерений,
Но сути своей не хочу изменять:
Люблю вас, любимые. Дело в сирени.

Из другой главы

Тихий голос моей любви так и не был тобой услышан.
На ладони твои легли лепестки облетевших вишен.
Белой заматью те слова, что цвели, да на землю пали -
ненаписанная глава молчаливой моей печали:
залит солнцем вишнёвый сад – узловатых стволов узоры,
где бликующий долгий взгляд и застольные разговоры
под деревьями - о стихах, о растущих цветах и детях,
где моё счастливое «а-ах!» и твоё «больше-всех-на-свете»;
впереглядку - душистый чай, вперемешку - поток признаний
с поцелуями невзначай на смешливом хромом диване;
где сбывается тайный сон - задохнуться в тугих объятьях,
где прерывистый тихий стон объявляет «нон грата» платью.
...Мелких пуговок стройный ряд устоит под твоим напором,
но трофеем в сражение скором упадёт мой дневной наряд.
...Где в упругом согласье тел приоткроется суть сиаинства,
где шмелёвому постоянству - лип дурманящий беспредел;
...где залиvistый смех воды в час полива над садом грянет -
где ещё не боюсь беды, что не в этой главе настанет.

Унежма

Очень северный сюжет, очень северный;
Банька рубленая, дух можжевеловый;
Баба жаркая – в сугроб снега белого!
Тело нежное – спелей хлеба спелого;
Булка свежая хрустит нежной корочкой;
Свёкор из дому глядит из-за шторочки,
...А в желе её грудей – две брусничины:
Будет милый целовать их по-птичьему.
Зёрнышки на языке – вкуса счастьяца:
Морс брусничный – хорошо настоявшийся!
Милый зёрнышки клевал да поклёвывал,
Вдовый свёкор горевал-пригорёвывал.
Вдовый свёкор – молодой, стать нездешняя
(Не пойду на грех такой – хоть зарежь меня!)
...Ты гуди про нас, Унежма заснеженна,
Где нехожена зима и неезженна,
Где рябина над прудом – гроздь алые,
Где клубами пара в дом – мысли шалые...
Я в Унежме – уж другая – не прежняя:
Так люби меня – губи! И... унежь меня!

Cancer*

Стихи - это боль и защита от боли (Варлам Шаламов)

Андрюше

I.

Держала за руку: «Не пущу!»;
делилась жизнью: «Бери, мне хватит!»
Из морозилки живца на шук
несла к молчащей его кровати
(мол, долго можно ещё ловить
огромных рыб; доживи до лета!);
и что-то нежное — о любви.
В тоске с надеждой ждала рассвета.
А он, в котором смещалась мысль,
как буруны за рыбацкой лодкой,
не мог поймать этих действий смысл
в тумане боли, как саван, плотном.
...Ползла нечаянная слеза,
метались в горле немые чувства:
зачем так долго его терзать
мальком в смертельном оскале щучьем?..

II.

Лодка рыбацкая, синий велосипед и мотоцикл советский —
этот наземный транспорт — весь — остаётся здесь.
Он без нужды тебе там, где не спросят ни техосмотр, ни паспорт.
...Сколь ни упрямыся: «Не надо! Не верю! Нет!»;
сколь ни обманывай: «Сон, мол, да бред всего лишь»,
— камень на сердце, а сердце на дне, на дне.
А ты — налегке, совсем налегке — уходишь.
...Ты мне расскажешь, каких ты увидишь рыб,
воды какие тебя на волнах качают?
...Освободиться б из лабиринта глыб,
что заслонили небо, полное белых чаек!
Освободиться б, воли твоей вдохнуть;
дальше от боли, грязи, страданий дальше!
Стылый февраль метёт, замечает путь;
мне не попасть туда, где ты снова — мальчик.
Мне не попасть туда, где ты снова — свет;
воздух и Юрьевец;
Плёс или даже... Китеж.
Мама и небо...
Где страшное слово «смерть»,
словно заляпанный свитер,
с себя торопливо скинешь.

III. *к фото*

Ещё полгода до февраля.
Полгода нам друг у друга быть, и
ещё полгода — твой дом — земля;
ещё полгода нам до отплытия.

Тебе – туда, где не будет зла,
болезни, боли, меня – не будет.
А мне из этого февраля
уже не всплыть на поверхность будней.
Мне – рыбой в бредне, где света нет,
где бьётся в жабрах мой крик молчащий.
Рубашка, лодка, велосипед (зачем всё это?);
"...А был ли мальчик?" - в виски колотит. А был ли?
– Был! Ни быть, ни боль – не переиначить!
...Что жизнь любил, и что был любим,
должно хоть что-то для Бога значить?!
...И снова брежу всем естеством:
мы едем в Юрьевец и – хохочем!
...Мне говорят: "Отпусти его!"
...А если он – отпускать не хочет?

**Cancer (лат.) - мед. диагноз "рак".*

Где мама пела...

Горел в печи огонь, она гудела -
В том доме под горой, где мама пела.
Тянул в окошки сад свои ладони,
Ветвями опершись о подоконник.
...Под жаром утюга гордячкой спелой,
Простынка с чердака слегка хрустела,
И выпускала дух в горячем паре:
Ласкался к ней утюг
в хмельном угаре.
...Ты был ещё так мал, но неумело
тихонько подпевал, и мама пела.
О ржи, о васильках, о женской доле,
о ласковых глазах красотки Оли,
о смерти, о любви...
Но в том и дело,
что мне не повторить,
как мама пела.
От этого родства куда нам деться?
Кисельны берега парного детства,
Где сад глядит в окно -
морозно-белый,
Где жар над утюгом,
Где мама
пела...

Я не вижу себя в зеркале...

*«Ряженный, суженый приходи ко мне ужинать».**

...Я не вижу себя в зеркале:
то ли блик, то ли облик навязчивый?
Звёзды ль таяли, свечи меркли ли?
Или щебет зашёлся ласточий?

Щебет ласточий, шёпот вкрадчивый:
- "Ждёт тебя, мол, твой милый-суженый,
Украшай себя белым кружевом,
истомился весь нежный мальчик твой".
...Подышу на лживое зеркало:
- "Отрази меня: я ведь здесь ещё!
Просто мир мой куда-то опять смещён,
да живёт с другой мой неверный... мой..."
... Я смотрю на себя в зеркало:
белый дым, черный тюль, на глазах зола.
Звёзды ль таяли, свечи меркли ли -
или смерть меня за собой звала?
...Не живи с другой, мой неверный... мой...
Не унять тебе в сердце жжение.
Распахни глаза да слезой омой:
не моё ли в них отражение?

**из обряда святочного гадания на зеркале*

Хрупкий, как иней, рай...

Там, где дрожат на волне одной
нервы наши и вены,
где дирижирует тишиной
внутренней, сокровенной
осень, которой печален лик;
где за полётом – паденье
(после мига паренья
листья к корням легли...)
... Там, ощутив по-новому мир,
нежим свою усталость:
только бы состоялась
сага нашей зимы.
Только б,
в четыре глаза
глянув за льдистый край,
не уронить ни разу
хрупкий, как иней, рай.

Андрей Данилов (Енисейск, Россия)

**Финалист поэтического конкурса «Пятая стихия-2015» Международной
литературной премии имени Игоря Царёва.**

Конкурсное произведение Андрея Данилова

Глухомань...

Глухомань...Занесенная снегом Сибирь...
Пустота... Состояние, как у стакана.

Можно выменять счастье- технический спирт
За ружье у надежного дядьки Ивана.

Тишина. Через тракт перескочит лиса-
Рыжий штрих неестественно огненных красок.
И зовут и звенят в голове голоса...
То ли скрипка с альтом, то ли альт с контрабасом.

Безнадежность. Тоска. Середина зимы.
Седина. Половина души до зарплаты.
Все расписано. Путь от суммы до тюрьмы
Или проще - до белой больничной палаты...

Я ушел, я уехал, я просто исчез,
Превратился в туман и рассеялся в небыль...
...То ли снег опускается тихо с небес,
То ли лес поднимается медленно в небо.

От литературного обозревателя

Настроенческие стихи. И настроение их понятно и знакомо. Но, по-моему, на большие поэтические обобщения они пока еще не выходят.

Возвращение к истокам всегда трогает.
«И зовут и звенят в голове голоса...»

У каждого они свои, а вывод, как правило, один и тот же: жизнь проходит, заканчивается, прошла.
И хорошо, если не совсем стороной, а задела хоть краешком.
«Все расписано. Путь от суммы до тюрьмы
Или проще - до белой больничной палаты...»

Найдет ли герой достойный выход из подобной предопределенности:
«Я ушел, я уехал, я просто исчез,
Превратился в туман и рассеялся в небыль...»

Как знать, хочется надеяться.
В.Г.

Подборка стихотворений Андрея Данилова

Маленькая сказка

Средь заснеженных лесов
Без печали и тревоги
Бродят сказочные боги
И пугают сонных сов.

Крик звенящий, взмах крыла..
Прыгнет заяц из под елки..

И хрустальные иголки
Полетят с зеленых лап.

Зимних сказок волшебство,
Детских снов очарование.
Новый год..Игрушки..Сани..
Миг...И нету ничего.

Лишь видения скользнут
И спрячутся за пнями...
Боже..Что же было с нами
В эти несколько минут?....

Когда летящие снега...

Когда летящие снега
Ласкают стертые ступени,
Когда усталая нога
Над ними медлит сделать шаг,
Звон ледяного хрусталя
В сонете вечных повторений
Сольется с нежной нотой "ля"
И запоем твоя душа.
И будет все как будто вновь
В предновогоднюю неделю.
Снежинки на ресницах снов
Алмазной гранью свет ловя
Вдруг оживут и огоньки
Закружат дивной каруселью,
Блеснут игривою волной
И новый свет да будет свят.
И боль мучительных утрат
Те огоньки на миг излечат,
И ночь до самого утра
С тобою будет говорить...
На зимних улицах души
Горят божественные свечи,
О время, сжалься, не спеши,
Замри до утренней зари.

Ловец и рыбы

Я не был ни в одной из двух Америк,
И в Африке я не был никогда.
Покрытый мелкой галькой дикий берег,
Туман, тоска, да черная вода,
Лениво отражающая звезды,
Плывущие на Север вместе с ней –
Все это называют Енисей
Спокойно, без поэзии и позы.

Я здесь, на перекрестке двух миров
В ответе за Державу и за Слово.
Один из мезозойских осетров,
Повисших на Сибирских самолетах,
Что ставлены Небесным Рыбаком,
Добычу собирающим веками.
И мы желтеем тяжкими боками,
Собрата ощущая плавником.

Мигает слева бакен-красный глаз.
Мигает справа бакен белым глазом.
И в небесах Венеру ищет Марс
Сквозь воду круглым оком водолаза.
И светел самый темный час быка,
И ночь чиста и долог счет кукушки.
...Ловец с крючков снимает наши души
И вешает на крепкий свой кулан...

Уходить - это вечное право отцов

Кедры тянутся к солнцу руками слепцов,
Горизонт обещает снега и туманы.
Уходить - это вечное право отцов
По раскладу судьбы, по небесному плану.

Уходить, оставляя пустыми дома,
Оставляя сирот и рыдающих женщин...
...И опять между нами все та же зима,
Только вот расстояние все меньше и меньше.

Я иду по засыпанной снегом лыжне,
По единственной в жизни надежной опоре.
Мой отец, ты навеки остался во мне
Тонкой ниточкой логики в прерванном споре.

Я опять продолжаю бессмысленный спор,
Но слабы аргументы и доводы зыбки.
И мой собственный сын, подпирая забор
Смотрит вслед мне, идущему прочь от калитки.

Он со мной не согласен почти что во всем,
И уже подбирает свои аргументы.
Нам, наверное, легче бы было втроем,
Он кричит мне «Постой!», но не слышит ответа.

Вот и все. Под ногами пропала лыжня.
Ухожу по судьбе, запорошенной снегом...
...Пусть мой сын никогда не догонит меня
И оставит наш спор для идущего следом.

Напитки

Грузинские вина

Ахашени, цинандали,
Хванчкара, лаваш, шашлык.
Боже, я уже отвык...
Вы ж еще не привыкали...

Как таинственен Ваш взор
Губы...вкус киндзмараули...
Я готов за них под пули
Злых абреков с диких гор.

Армянские коньяки

Аромат твоих духов,
Тонкий привкус «Ахтамара»...
Дорогая, я не ара,
Я из северных лесов.

Мы с тобой совсем одни.
Опьянев от «Арарата»
Ты не шепчешь мне - «Не надо»...
...Надо капельку «Ани».

Массандровские вина

"Черный доктор", "Красный камень"
"Пиногри", "Кагор", "Мускат"...
Солнца спелый виноград...
Я налью прелестной даме...

И нырну в ее глаза
От усталости и скуки.
Пусть сплетутся наши руки,
Словно спелая лоза...

Украинская горилка

Не скажу, что полновата,
Но скажу, что хороша.
Я тебе- москаль треклятый,
Ты-хохляцкая душа.

Ночь. Звезда на дне бокала,
Пей, ласуня, не балуй...
Под горилку лучше сала
Твой горячий поцелуй.

Две луны

Скрипит уключина. Веслом
Мешаю воду с лунным светом
И добавляю запах лета,
Как в чай,- в затихший водоем.

Над старицей повисла ночь
И запустила звездный невод.
И тянут невод лев и дева,
Пытаясь рыбакам помочь.

Уходят в воду поплавки
За грань реальности и быта.
И сеть ворованная скрытно
Теряется на дне реки...

За нами наблюдает лес,
Склонивший к водам лапы елей,
Где в тайне омутов и мелей
Случается то вздох, то всплеск...

Давным- давно мои друзья
У Бога ходят рыбаками.
И ставят сеть за облаками,
А здесь остался только я...

И в мире снова две луны
И звездный невод в речку брошен...
Пусть эта ночь продлится дольше,
Чтоб мне поймать хотя бы сны.

Угрюм-река

Лихая песня, да по-русски!
Со мною Бог и сатана...
В ночное зеркало Тунгуски
Глядит тяжелая луна.

По кронам елей вислолапых,
Упавших с гор на тихий плес
Плыву домой, плыву на запад
Под шелест падающих звезд.

Я здесь чужой, я гость незванный,
Варнак из рода варнаков.
И жгут по мне костры шаманы
На склонах черных берегов.

Из темноты выходят звери
И я меж них такой же зверь.
И сколько дней господь отмерил
Уже не важно мне теперь.

Коварством, хитростью и силой
Я вырвал тайну ручейка,
Где для меня беда намыла
Пригоршни желтого песка.

Уже я слышу плач тальянки
Из Туруханских кабаков.
Носить мне красные портянки
И злую зависть мужиков!

Я фарт ловил, я не был трусом,
Я чтил и брата, и отца...
Эх, кабы не стрела тунгуса
Допел бы песню до конца.

Медовый спас

Цветущий луг за огородом,
А дальше ельник и река.
Домашний хлеб с домашним медом
И вкус парного молока.

Неторопливая беседа-
Итог обыденных трудов.
И руки бережные деда
И сказка бабушкиных слов.

Большой сундук в прохладной клетке,
В нем чудеса и ордена.
И бесконечно длится лето,
И грудь от радости тесна.

В сенях бочонок с черным квасом,
Постель душиста и чиста.
И крестит ночь медовым спасом
Мои безгрешные уста.

Нет любви!

Снег летит ленивым сонным пухом
Над асфальтом медленно кружа.
Рыжий пес с любовью лижет ухо
Спящего на лавочке бомжа.

Пахнет март неистово и скверно
Из подъезда пивом и мочой.
И мои либидо и инферно
Просят сказки нежной и простой.

Соскочу с «дороги» на минутку
Около "известного" угла.
Приглашу на вечер проститутку-
«Мисс невинность» с ближнего села.

Буду с ней в постели пить мартини
И читать дурацкие стихи.

Господи Иисусе, ты прости мне
Эти бесконечные грехи...

...По утру тоска. И в сердце льдины.
И мигает лампочка такси...
Нет любви, но в этом не повинны
Нищие и б... на Руси.

Татьяна Партина (Одесса, Украина)

**Финалист поэтического конкурса «Пятая стихия-2015» Международной
литературной премии имени Игоря Царёва.**

Конкурсное произведение Татьяны Партиной

Прага. Собор святого Вита

Кто это строил? Наверное, гений!
Столько столетий строительной битвы...
Несколько сотен массивных ступеней
К Богу приблизят быстрее молитвы.
Пусть поднимаются... Этот, с одышкой,
Хмурый толстяк и сублильного вида
Юная мама с кудрявой малышкой
Бодро штурмуют владение Вита.
Где-то остались: кормящийся ловко
Лебедь под старым мостом (с лебедями
фото отличное!); речка Чертовка,
Уличный чёрт, галерея с чертями;
Гашек, незримо гуляющий с Кафкой
(Оба туристов считают ревниво,
каждый своих); сувенирная лавка
С куклами-ведьмами; кнедлики с пивом.
Это внизу. А сейчас по спирали
Пусть поднимаются выше и выше
В небо, что облаком с отсветом стали
Смотрит на чудные красные крыши.
Те, что за чашкою крепкого чая
Каждое утро Господь созерцает,
Мелкие шалости людям прощая, –
Глина смягчает и Бога, бывает...
Новая порция фотоулыбок.
Жаль, что идти далеко до фонтана,
В чашу которого можно для рыбок
Выбросить все медяки из кармана.
Спуститесь – бросьте хотя бы для мыши
Горстку монет сквозь решетку подвала.
Вечер идёт. Черепичные крыши
Небу тепло возвращают устало.
Греется Первый Гончар на планете,

И достаёт из-за пояса флягу...
Все города - это чьи-нибудь дети.
Бог улыбается, глядя на Прагу.

От литературного обозревателя

Казалось бы просто туристические впечатления, но сколько в них человеческого тепла, зоркой наблюдательности и пронзительной нежности.

+

Вопрос, которым, к сожалению, мы не всегда за обилием впечатлений задумываемся задать:

«Кто это строил? ...».

И напрашивающийся ответ:

«...Наверное, гений!».

И безусловный. Потому что

«Несколько сотен массивных ступеней

К Богу приблизят быстрее молитвы».

С этой высоты так отчетливо различимы и

«кормящийся ловко

Лебедь под старым мостом»,

и

«Гашек, незримо гуляющий с Кафкой

(Оба туристов считают ревниво,

каждый своих)...».

Но «Это внизу...», а тем временем просветленные человеческие души

«... по спирали

Пусть поднимаются выше и выше

В небо, что облаком с отсветом стали

Смотрит на чудные красные крыши...».

Туда, где так хочется верить, что

«Каждое утро Господь созерцает,

Мелкие шалости людям прощая...».

И в заключительных строчках текста все те же высокое умиление и неугасимая надежда:

«Все города - это чьи-нибудь дети.

Бог улыбается, глядя на Прагу...»

Согревающие сердце стихи.

В.Г.

Подборка стихотворений Татьяны Партиной

Качка (из цикла «Океан»)

Ты во сне попадешь на какие-то злые качели,

И провалишься в яму, и выплюнет яма твой труп.

И проснувшись, услышишь, как падаешь лихо с постели,

И звенит твоя жизнь, вместе с бранью, сорвавшейся с губ.
Ни сидеть, ни лежать – даже, может, не сможешь напиться...
Занавеска, как птица, тяжелым помашет крылом.
И в сумбурном пространстве все длинное будет валиться,
Даже воздух, и тот, будет тоже стоять под углом.
Будут хлопать и рваться из рук непослушные двери,
И тарелка сбежит, и поскачет за нею стакан...
Ты не сможешь уйти, улететь, и ты точно поверишь,
Что в груди, и в печенке, и в горле твоём – океан.

* * *

Как дикая кошка - карабкаться выше
Балконов по веткам уставшего клена
И чуют, как небо далекое дышит
Свободой, и листьев шуршаньем зеленым.
О это звериное счастье побега
Неведомо людям в халатах и тапках...
Все в наших когтистых, израненных лапках -
Мы можем бежать, позабыв о ночлеге,
О том, что мешало бы счастьем и неге.

* * *

И снова ночь, как старая волчица
Боясь огня, боится наступать -
Из чьих-то окон желтый свет струится,
Какого черта в три часа не спать?
Она стоит и смотрит в изумленье
На этих окон яркую эмаль.
Там за одними окнами - веселье,
А за другими окнами - печаль.
Читают, пишут, и стучат по клавише,
Как-будто жизнь от смерти сторожат.
А за другими окнами мечтают,
Желают сна, но не желают спать.
А где-то страсть, и в отблеске зловещем
Свечей горящих, две души опять
Роняют на пол вдруг себя и вещи.
А где-то, где-то... Нет, не разобрать.

Интернетописи не горят!

Инетописи не горят в огне, в воде не тонут,
Чему простой эколог тоже рад.
Ведь экономит лес, а вместе с ним – бумаги тонны
В безличии великий цифроряд.
В непостижимом космосе стихии электронной
Один решен мучительный вопрос.
Здесь каждый воздвигает обелиск нерукотворный
Не трогая ни сосен, ни берез.

Уличное кафе

Сижу и любуюсь уходом июльского дня.
Как шёлковым бантом коса, он украшен - закатом.
Целуется пара за столиком сзади меня,
А справа красавица стресс заедает салатом.
- Сказал, представляешь, - стоит между нами стена,
Я редкая стерва, а эта – неплохо готовит...
- Не бойся, пельменей налепит любая жена,
От нас к поварихам никто никогда не уходит.
- А этот, который... Петуны, жужжание пчёл,
На мягком асфальте безжалостных шпилек уколы...
А хоть бы он мимо красавицы этой прошёл,
И было бы тихо, и день догорал бы за школой...

Змея

Я выползла из черепа коня!
Сухой ковыль качнулся шаловливо,
И принял смерть несчастный от меня,
А вовсе не от лошади паршивой.
Сбылось ли предсказание, старик?
Твой ряд десятый – зрительного зала.
У правды – мой раздвоенный язык,
У истины – моё, запомни, жало.
Мои следы ты не ищи. Поверь:
Змея веки не обидит труса.
И тот, кто мудр, ей сам откроет дверь,
И сам подставит ногу для укуса.

Листья

На землю тихо падала листва
В который раз от рождества Христова,
Шуршала под колёсами жерства,
И надвигались сумерки лилово.
Лиса метнулась рыжая в кювет,
Фонтаном жёлтым разлетелись листья,
Как будто получив зелёный свет
На главный выход свой из закулисья.
А осень, как заправский режиссёр,
Всё диктовала правила и роли:
Тем, городским – блистательный костёр,
А этим – прозябание у поля.
Спектакль – плохой, но жизнь – не веселей,
И тянутся актёров вереницы...
Любовь твоя... в какую из ролей
По осени сумеет воплотиться?
Чьи листья в неизвестности парят?
А впрочем, вряд ли это что-то значит:
Сгорят они в горниле ноября
Иль через год удобрят чью-то дачу...

* * *

Как здесь красиво! Вот
В ворохе листьев рыжих
Рыжий-прерыжий кот
Заднюю лапу лижет.
Не уходи, ноябрь!
Сердце мне разрывая,
Осени дирижабль
Медленно уплывает.
Братья твои давно
Спят у зимы в передней.
Лучше, теплее, но,
Знаешь, ведь ты - последний.
Лист превратится в смог,
Краски исчезнут вовсе...
Знаешь, продумал Бог
Лишь золотую осень.
Ох, поленился Gott
Прорисовать красиво
Весь календарный год...
Но и на том спасибо.

* * *

Затих январь и ночи хороши –
Молчат петарды, спят давно ракеты,
Не пьют в парадной юные эстеты,
Да и в округе спящей – ни души.
Хотя... Ползет замерзший господин
Сквозь ночь, а день к нему идет с востока.
Не так уж в этом мире одиноко
Бывает, даже если ты один.
А тяжело ходить по одному
В эпоху потрясений, драк, попоек.
Проходит век, но миг чего-то стоит,
Когда мы аплодируем ему.
Проходит шоу, вопреки словам,
Но жизнь течет, на миг не прерываясь
И граждане, от дворников скрываясь,
Выбрасывают елки по ночам.

Марина Матвеева (Симферополь, Крым, Россия)

**Финалист поэтического конкурса «Пятая стихия-2015» Международной
литературной премии имени Игоря Царёва.**

Конкурсное произведение Марины Матвеевой

* * *

С утрава делать нечего. День, будто сдутый шар.
В окна вползает к вечеру потного полдня жар,

температурит, лапушка, хочет моих пилюль.
Не разрешает бабушка. А на дворе июль.
Где-то в Сибири лаково-белым цветет сирень.
Наша же в май отплакала, словно в подушку. «Встрень
дедушку с поликлиники, медленно он идет.
И ходунков, былинонька, Бог тебе не найдет
в старости», – прошептала мне бабушка, хлеб в руке,
мякиш, как льдинку талую, плава на языке,
ложечка, чай взволнованный, дует, жара, жара...
Я в белых шортах новеньких прыгаю со двора –
и мотыльком по улицам. Медленно он идет...
Бог – не слепая курица – что-нибудь да найдет,
что-нибудь да отыщется летним тягучим днем...
На ветростёклах тыщами – блики. ...Давай свернем
в тот переулок, дедушка, помнишь, ты там играл
в детстве и с некой девушкой угол облюбовал
для поцелуя первого... Сам рассказал. Забыл?
Как в Воскресенье Вербное веток ей раздобыл, –
хоть запрещали праздновать, – в церковке освятив...
Бог – Он болезнь заразная. Скольких «врачей» сплотив,
мудрых и доморощенных, не излечила власть
прежняя. ...Так короче нам, бабушка заждалась –
маленькая и верная, будто лампадный свет,
помнящая те вербочки тысячи тысяч лет.
Чаю тебе остудим мы, булочку подадим.
Видит Господь: не судим мы – будет же не судим
мир, оголенным проводом тычущийся в живьё...
Бог – дай Ему лишь повод – нам сердце отдаст Своё.

От литературного обозревателя

Несколько спотыкливая, но, безусловно, возвышенная поэтическая речь. Несмотря на довольно приземленный словарь. Но ведь это только удачный прием, не правда ли?

+

Текст, пронизанный памятью и любовью. И понимание, и сочувствие, которое он может вызвать, будет вполне искренним.

Поэтическая картина, вместившая в себя целую жизнь.

С утра и до вечера, от рождения до смерти.

«В окна вползает к вечеру потного полдня жар...»

*Лирическая героиня выходит встречать не только своего дедушку, а и свое прошлое.
И свое будущее.*

«Давай свернем

*в тот переулок, дедушка, помнишь, ты там играл
в детстве и с некой девушкой угол облюбовал
для поцелуя первого...»*

«...в Воскресенье Вербное веток ей раздобыл...»

Возвращение обязательно состоится.

Разве можно не вернуться туда, где

«...бабушка заждалась –
маленькая и верная, будто лампадный свет,
помнящая те вербочки тысячи тысяч лет...»

И главное, что это запомнил автор. Прочувствовал, примерил к себе.

Как высшую истину и мудрость

«Видит Господь: не судим мы – будет же не судим
мир, оголенным проводом тычущийся в живьё...»

Бог – дай Ему лишь повод – нам сердце отдаст Своё...»

А все потому, что

«Бог – Он болезнь заразная...».

Как и это наполненное любовью и верой стихотворение.

В.Г.

Подборка стихотворений Марины Матвеевой

Новая Кассандра

Вот и прошли времена античности.

Кажется, было еще вчера:

Люди, прямые до неприличности,

Делали эру из топора.

Алчный Алкей распевал на оргиях,

Сафо с Эзопом пускались в пляс...

Боги для мира щипали корпию,

Чтоб к Anno Domini был запас.

Тихо пугали отдельных личностей

Некой Второй Мировой войной...

Я им не верила – там, в античности,

Нежно любил меня Антиной.

Он мои кудри усыпал миртами,

Стопы фиалками перевил...

Пусть хоть расколется это мир!.. И мир

Мне позавидовал – и убил.

...Прятал, смущенный до непривычности,

Очи неверные Антиной...

Кончились вдруг времена античности

Некой второй мировой войной.

Комугда

В мире есть трое ненасытных:

смерть, пустыня и женское лоно.

Арабская философия

Кто Кому где не даёт, тот безданно сгинет.
Солнце белое моё, я твоя пустыня!
Паранджа мне не идёт, куфия тем паче.
Принеси мне небосвод – расфасуем в пачки.
Их павэсым на вэрблюд – и по каравану.
Кошельки – пещерный люд: не берут нирваной.
Нет бы просто, как балет, сквозь пустыню клином...
Сколько надо было лет, чтоб её покинуть!
Сорок или сорок два – ох, ненасытима!
Сколько надо было вас для её интима!
Сколько смерти, рождества... И опять брюхата:
из ложесен – голова, а в зубах граната.
Сколько надо было спин, плёток, нефти, шёлка,
чтоб единственный один истину нашёл там –
да вскричал ей: «Гюльчатай, ой, закрой скорее!
Ты огромна, как Китай бедного еврея,
ты прекрасна, как глаза древних моавитян,
потому я только за, что конец не виден...».
Вот такие, брат, дела под аллахобогом.
Рядом скачет Абдулла на коне трехногом.

Синхрофазотрон

Неделимым еси в Демокритовы веки –
и его же устами неделим доказался.
Но недавно решили (это были не греки):
«Развались!» И распался. И снова распался.

И не только, о, атом, что в моей волосинке
миллионы тебя, но и самоё воздух
соловотворный разбит на колы и осинки,
и у каждого – свой, и у каждого создан

фазо-трон. Трону... фас! (Трон – от слова «Не троньте!»)
И под каждым припрятаны крупы на зиму.
Блеском квантовой лирики лаковый зонтик
сто вторую по счету накрыл Хиросиму.

Я пытаюсь бежать... Но из синхроиэвиллин
не выводят и тысячи смелых попыток.
Я как маленький атом, который разбили,
расстреляв без суда моего Демокрита.

В глухом провале собственного дна
все «он» – один, а все «она» – одна.
Быть вместе – только прикасаться дном
ко дну, – для утверждения в одном,
известном, но забытом:

«вместе» – нет.

Есть только дно от «вместе», а на дне –
попыток недопытанных обрыв-

ки, памяти гноющийся нарыв,
а то и рана, тонко скрытый шрам...
Где дно за дно задело – это вам
не поцелуй, не двух бокалов звон.
Здесь звук другой: проржавленный

«безззз-доннн»,

«безззз-дннна»,

«безззз-дннни»,

«безззз-годы»,

«безззз-всегда»...

...верна...

...верни...

...Холодная вода

у дна, темна, мутна, безжизна, но –
нет «вместе», если не познали дно
друг друга – и не вырвали на свет
крик ужаса...

В глубинах – «вместе» – нет.

В глухом провале собственного дна
оно одно: – о, дно!

Один.

Одна.

* * *

Плечи – чтобы шаль нести,
крест нести и мантию...
Индивидуальности –
Богу сопроматие.
Опытно-особые,
Разные – как пробные.

Ангелоподобие:

Ангелы – подобные.
Ангелы – стандартные,
По шаблону кроены,
Одинако-ватные,
Свыше удостоены
Идеально лучшего,
Идеально точного
Облика. Получены
Из одной реторточки,
Из одной пробирочки
Божии по-клон-ники.
С номерами бирочки
Надобны по логике,
Да и те не выданы:
Все достойны первого
Номера. С обидою
Не знакомы. Вервием
Зависти и ревности
Крылышки не связаны.

«Кто таки? – не вем еси...» –
Говорят о нас они...

Чем мы не такие же?
Нам откуда казни все?

На плечах грехи лежат,
И – грехами! – разнимся.
В остальном же – о, краса! –
Выкройкой размноженной
Созданы по образу
И подобью Божию.

Ан-стих-рист.

Так умирает вера в стих. Так погасает взгляд.
Дай ей немного серости – краски её болят.
Дай ей тушёной пошлости, денег, колец и шуб.
Пеной исходит прошлое из отбелевших губ.
Были такие личности: тело им подавай –
будет тебе наличности толстенький каравай.
Хочешь остаться чистою? Чтоб пожалеть потом?
Так раздавай лучи свои – неблаго-даром. В том,
может, и есть причастие, может, и есть Христос.
Только не плачь без счастья, без миллиона, роз.
...Долго она не плакала, разве что в рифму, – век...
Под белизною лаковой стронулся человек
тяжкой льдиной – женщина в нём подняла глаза:
инда узрела вещи на ком-то другом, и зал,
полный аплодисментами – роскоши! – не стихам.
Не расталантом мечены – счастьем! – тукан и хам.
Вытерт, как под Снегуркою тающей, с вен их стих
гуру и полугурками успеховедности.
Не за каньоны рифмовы – за золотой наряд
ценна душа им. Ври хоть им, правдою – виноват:
за чистоту – из тканей ни нитки ей Бог не дал.
Знаки лишь. Препинания. «ПрЕдал» или «предАл».
Так умирает вера в стих – будто и не Христос.
Дай ей немного серости – два миллиона, воз!

Энергоблокадное

Внутренние тихие теракты...
Золотистый плюшевый табак.
По моей по карме едет трактор.
А на нём – большой бесцветный флаг.

Тот, который был тройного цвета,
стал постыдным для моих друзей.
Тот, который... А иного нет и
быть не собирается. Музей

разевает двери для экскурсий
в пряжу изметавшихся структур.
На губных тарелках племя мурси
носит пепел от палёных кур.

В глинистых косичках женщин хамер
скачут солнца дикие лучи.
Я об этом. Ничего, где камень
на груди устойчиво молчит.

Не о том, как ни к селу влюбилась
в собственную старую жену,
что из прошлой жизни приبلудилась
в мегаравнодушную страну.

Не о той стране – как три вселенных,
необъятной, и такой иной,
где грызёт огонь своё полено,
будто мыш запасливый – зерно.

Не о той любви, что туже нимба,
вымолчу слепому фонарю.
У меня сестрёнка в трибе химба.
Я ей завтра бусы подарю.

* * *

Пусть так, пусть будет: я не сплю
и перечитываю собственный loveroman,
и каждый лист его тетради так изломан,
и смертно каждое «люблю»,
как будто взято на прицел.

...А где-то мама, что едва ли бы хотела,
чтобы ее глаза я разглядела,
впервые на чужом лице.

Пусть так, пусть будет: аз не есмь.
не нужно азу ничего, за исключением
пустынной трижды пытки корнеизвлечения
обрывков белого из бездн
и бревен из-под конъюнктив.

...А где-то мама, что едва ли бы простила
за то, что я ее ладонь схватила,
другие руки отпустив...

Пусть так, пусть будет: от него
я отмираю и решительно умнею:
мои фуршетные бокалы вновь темнеют
в изысканность, но отчего-
то стенами стискивает зал...

...А где-то мама, что едва ли догадалась,
что внучке не от бабушки достались
её библейские глаза...

* * *

На небе – август, на земле – январь.
...Так летен тонкий пояс Ориона,
Так гибок хвостохобот Скорпиона...
А ну-ка, жало смертное, ударь!..

У неба – лето, у земли – зима.
Насмешкою над бледно-стылой кожей
Дорог (о, не порань ее, прохожий!) –
Ковра роскошно-душного дурман,

Где мягкий черный ворс засеребрен,
Изоткан, разузoren, проалмажен
И выставлен счастливым на продажу...
Но на земле – злосчастия сезон.

А на земле слой пыли зеркала
Ее покрыл, и негде отразиться
Ни Вероники встрепанной косице,
Ни Лебеда распахнутым крылам...

В парик под гипсом застарелых пудр
Стыдливо прячет год седые клочья...
Густеют августеющие ночи
Предчувствием стеклянно-полых утр...

Ольга Флярковская (Москва, Россия)

**Финалист поэтического конкурса «Пятая стихия-2015» Международной
литературной премии имени Игоря Царёва.**

Конкурсное произведение Ольги Флярковской

Лето северных островов

Лето северных островов,
Час блаженства природы нищей.
Этот край к чужакам суров,
Для своих здесь – и дом, и пища.

Дедов остров* хранит вода,
Что не только на вид студёна.
Тащит Сухона лес, суда.
Баржа тянется вдоль затона.

Здесь по солнцу идут часы.
Здесь текут в Заполярье реки.
Над разливом, испив росы,
Облака закруглились «в греки».

Здесь затихла моя тоска...
Чья-то лодка плывёт к причалу.
И верней не найдёшь куска,
Лишь его заслужи сначала.

Разгрузи от леща баркас:
Рыбу – в вёдра, и вымой днище.
Здесь народ на улов глазаст
И спокойной воды не ищет.

Здесь, на острове, долгий день
Над рыбацкой избой курится,
А рукав подлинней надет
Не к тому, чтоб складней лениться.

Ветерок поутру кусач –
Стылый пасынок океана.
Горький привкус от неудач
Выдувается покаянно.

Был на Троицу звон густой,
А к Успению – звон печальный.
Здесь на Божий взяты постой
Скит да п`устынька изначально.

Здесь мошкой именуют гнус,
Здесь не жалятся, но жалеют,
А ненужная роскошь – грусть
Лишь под утро кольнёт: болею...

Здесь морошки наешься впрок
И забудешь огни столицы.
Здесь привычней свистит юрок
Голоска городской синицы.

Лето северных островов
Отцветёт по-девичьи кратко,
Но запомнится, как любовь,
Всё отдавшая без остатка...

**Дедов остров — хутор в Тотемском районе Вологодской области. Расположен на острове посередине реки Сухона. На нём находится заштатный мужской монастырь Троицкая Дедова пустынь.*

От литературного обозревателя

Несмотря на отдельные замечания, картина такого близкого и родного русского Севера в целом задалась.

+

Детальная и подробная картина северного русского быта. Вроде бы и обыденного, но наполненного глубоким смыслом и исторической памятью.

Автор воссоздает ее последовательно и кропотливо.

«Лето северных островов,
Час блаженства природы нищей...»

«...вода,
Что не только на вид студёна.
Тащит Сухона лес, суда.
Баржа тянется вдоль затона...»
«Здесь по солнцу идут часы.
Здесь текут в Заполярье реки...»

Здесь жизнь сурова и требует от тебя нелегкого труда и полной самоотдачи.

«...рукав подлинней надет
Не к тому, чтоб складней лениться...»
«верней не найдёшь куска,
Лишь его заслужи сначала.
Разгрузи от леща баркас:
Рыбу – в вёдра, и вымой днище...»

И вместе с тем в своей настоящести дает душе приют и успокоение.

«Здесь затихла моя тоска...»
«Горький привкус от неудач
Выдувается покаянно...»
«Здесь не жалятся, но жалеют...»

*И здесь не просто краткая передышка, а такое необходимое каждому очищение.
Которое по возвращению в городскую суету будет еще долго вспоминаться.*

«Лето северных островов
Отцветёт по-девичьи кратко,
Но запомнится, как любовь,
Всё отдавшая без остатка...»

*Все сказано в этом тексте. И сколько в нем невыразимого словами!
В.Г.*

Подборка стихотворений Ольги Флярковской

Николаю Рубцову

Бегут и бегут перелески,
Стемнело в вагонном окне.
Глядят семафоры-подвески:
Куда это вздумалось мне?..

Уютно звенит подстаканник,
Стучит под ногой колесо.
Я нынче счастливый изгнанник,
Избранник полей и лесов.

Зовёт меня рай комариный,
Угорье и храм над рекой
С проросшей на крыше осиной,
Щемящий вечерний покой...

Черёмуха манит в овраги,
В окошках горят огоньки.
Мне здешнего хлеба в сельмаге
Предложат из серой муки,

Напоят чайком и расспросят
В последней у речки избе:
– Надолго ль? а может, не гостем?..
Нашёл бы работу себе...

Хозяйскую скатерть разглажу
И тихо промолвлю в ответ,
Что рад бы, но с бытом не лажу,
И денег отстроиться нет.

Пора мне... Чуть стукнет калитка...
Дорога. Туман. Тишина.
А в небе свернулась улиткой
Над спящей деревней луна.

Путь домой

Ослепительная даль... Птичий клин под облаками...
Нынче дышится легко. Шёлком стелются луга.
Мне усталых ног не жаль. Небо синими руками
Омывает горизонт, и тропа тверда, легка...
Таёт облако-корабль под седыми парусами,
Машут белыми платками ивы сонных берегов.
На пути к родным местам дарит мудрость каждый камень,
Каждый мостик косолапый благодарных стоит слов.

День за днём бегут года, я хочу остановиться.
Посмотреть в глаза реке, в небо душу окунуть.
Здесь полярная звезда отражается в кринице,
Смотрит сверху журавель, чтоб её не зачерпнуть.
Здесь крапива и осот, пахнет яблоками воздух,
Здесь вечернею порой донимают комары...
Приезжай ко мне и ты, милый друг, пока не поздно,
Дней уже наперечёт этой сладостной поры.
Поведу тебя мечтать на мосток над речкой Нарой,
Голубые вспоминать и зелёные деньки.

Между соснами гамак, между окнами – гитару,
Ржавый дедушкин бидон, где в воде живут мальки...
Наше детство нас хранит на дорогах и обрывах.
Пусть мы гнёмся на ветру – нас уже не изломать...
Руку подал мне плетень, а щеки коснулась ива,
Им в ответ поёт душа: слава дому! Исполать!..

Спутница

Гол'убит воздух горьковатый
Стволы озяблые берёз.
Быть может, осень – час расплаты
За безрассудство летних грёз?..
За малочисленность примеров,
С кем платье новое надеть?
За бред подстрочников, за веру
В её тоскующую медь,
В её нищающее злато?..
День, два и – быть ей без рубля!
За всплеск холодного заката
В тяжёлых веках октября.
За л'оскут неба над плечами
Раздетых лиственных лесов,
Иноязыкие печали
Прощальных птичьих голосов...
За то, что всё ещё надеясь
Успеть до счастья добрести,
В неё впадаю, словно в ересь,
И пропадаю на пути!
И пусть сожжением страшат,
Стою без страха налегке...
И вдруг с волнением ощущаю
Ладонь шершавую в руке!
Двух соплеменниц, двух союзниц
Дорога к жертвенным кострам
Ведёт вдоль узких дачных улиц,
И всё-таки приводит в храм,
Кирпичный, древний, с колокольной
Под шапкой сизых облаков,
Где всяк торопится невольно
Под Богородицын Покров...
И всё, что иглами кололось,
Бросало в жар, к перу звало
Сейчас кончается, как повесть,
Легко, смирённо и светло.

Тихие песни

У небес – колокольный голос!
Запоют – и земля качнётся!
В чистом поле созревший колос
От ударов дрожит и гнётся.

Добру молодцу сон приснится:
Чу! стеной поднялась осока!..
Полыхает во тьме зарница,
И скрипит коростель высоко...
И летит по полям упруго
Конь-огонь, приминая травы,
Тот, что с ветром – надёжным другом –
Уносил от стрелы-отравы!
Выкликает из тёмной глуби,
Призывает из синей дали
Мудрый ворон на вечном дубе,
Белый лебедь из вольной стаи...
Знай, когда недвижим застынешь,
Басурманским мечом изрублен,
Ни единым перстом не двинешь
И золой обметает губы –
Белоствольным сияя станом,
Из берёзы шагнёт девица!..
Над тобою молиться станет
И живой окропит водицей...
Что за мудрость скрывает ворон?..
Что на крыльях приносит лебедь?..
Переможем любое горе,
Если родина есть на свете!
Как прохладны её озера,
Как дремучи её чащобы!..
Мы любовью осилим горе,
После будет и счастья короб!
Здесь трава муравой зовётся,
Здесь у пчельников вьются пчёлы...
Здесь и нам поживать придётся,
Да на свадьбе гулять весёлой
Добра молодца с девой Ладой.
Подносите в ковшах меды нам!..
А гостям мы – всем сердцем рады,
А враги нам покажут спины.
Пусть чадят средь болот гнилушки,
Знать, царевне-лягушке светят!
И стоят на макушке уши
У коней, что быстры, как ветер...
Умирая, мы здесь воскреснем
В тихих песнях, что льются... льются...
Утекая в поля и веси,
Чтоб когда-нибудь в мир – вернуться!.

Храм сквозь метель

Полно плакать и жалиться:
Боль свалила в постель...
Посмотри, приближается
Белый храм сквозь метель!

Сыплют жемчугом молотым
Облаков жернова.
Тусклым светятся золотом
Сквозь метель Покрова.

Слева поле безбрежное,
Справа лес над рекой.
Здесь краюшкою свежею
Пахнет русский покой.

Боль в церковном Предании —
Воли Божией перст.
Ты несёшь не страдания,
А спасения крест.

Где подымутся пажити,
Снег наполнил купель...
Свет нечаянной радости
Сквозь густую метель...

Даль моя дальняя...

Даль моя дальняя,
Боль моя тихая...
Заросли тальника,
Кочки с брусникою.
Церкви да кладбища,
Фрески с подтопами.
Древние капища
С волчьими тропами.
Ели да сосенки,
Паводки, л'едники...
Хроменький, косенький —
Царства наследники.
Душенька кроткая —
Прямо на небушко!
Дарит без ропота
Вербушки вербочка.
Междоусобицы,
Вдовы да старицы...
Кимры да Толбицы
Жительством славятся.
Речка туманная,
Месяц над кровлею.
Кашинской Анною
Образ намоленный.
Плач покаяния,
Свет воскресения.
Тихое, тайное
Крестонесение.
Ямки да камушки,
Печки с дымочками.

Все мы для Матушки
Дочки с сыночками.
Свечи пасхальные,
Солнце весеннее...
Даль моя дальняя,
Путь мой к спасению.

В госпитале

Сочился мелкий февральский снег
На корпус, двор и чугуны ограды,
На ток машин, на скамейки сада,
Не веря скорой уже весне.
Он шёл привычно. Так санитар
Идёт вразвалку к дверям палаты.
Вчера в ней тихо бранил катар
Старик, и сам был белее ваты...
Здесь всякий сам господин себе,
Но тащит боль, как солдатский ранец...
У входа пыжится воробей
Разбить на корке ледовый глянец.
Здесь выход тоже известен всем,
И за пальто номерок – не спросят.
Как вата белый февральский снег
Следы солдата, струясь, заносит.
Дежурство вышло почти без сна.
Звонок встревожил его домашних.
Наутро в город вошла весна.
Так подходили к Берлину наши...

Родина моя в часы печали...

Родина моя, в часы печали
Я гляжу, как плавно над рекой
Голубыми вёслами качает
Среднерусский девственный покой!

Спит река, объята прохладой,
Видят рыбы сны на глубине.
В тяжкий час душевного разлада
Тишиной лечиться надо мне.

Над речным туманом, над осокой
Чуть дрожит рубцовская звезда,
Так поэта вечер одинокий
В слове отразился навсегда.

Отчего-то странно тянут душу
Огоньки знакомых деревень,
Здесь поют на майские «Катюшу»
И с гармонью бродят целый день.

А когда засвищут в ночь Победы
Пойменные асы соловьи,
На побывку с неба до обедни
Отпускают воинов к своим.

Мужики хлебнут из мятой кружки –
Поминать убитых – не впервой!
И всплакнут, как водится, старушки,
Затянув «Платочек голубой».

Вот и мне, стоящей у осоки
На мостках в желанной тишине
На душе уже не одиноко,
Только страшно думать о войне...

Есть праздник в течении буден...

Есть праздник в течении буден,
В скольженьи негромких минут,
Когда из небесных посудин
Шершавые дожди льют,

Когда деловито и просто
Всяк маленький в доме сверчок
Картузик повесит на гвоздик
И тоненький снимет смычок.

Таится для сердца отрада
В порядке прожитого дня,

И смирное стойбище грядок
Под вечер отпустит меня,

Сосна головой покачает,
Приветливо глянет звезда...
Вот так бы и жить от начала,
Для творчества, воли, труда!

Разведрило в небе глубоком,
И тень от калитки густа.
И рифмы шуршат в водостоке,
И светится кожа листа.

Под пение крошечных скрипок
Полночные строчки бегут,
А мир переменчив и зыбок,
И полон видений уют...

Евгений Овсянников (Нижний Новгород, Россия)

Финалист поэтического конкурса «Пятая стихия-2015» Международной литературной премии имени Игоря Царёва.

Конкурсное произведение Евгения Овсянникова

Никогдабрь

Это месяц твой – Никогдабрь,
Это город твой – Навсегдад.
Это в горних чертогах – дождь,
а на твёрдой земле – вода.

Где листвы был обрушен флёр,
Амальгама сошла с небес,
Серебря зеркала озёр,
Паутинкой стянула лес.

То ли сплин в ребро, то ли бес, бес-
козырная дама тьмы,
С каждым вздохом теряя вес,
Испаряются наши сны.

В слюдяном окошке рассвет.
Час сиреневый. Всё как встарь.
Белый жемчуг далёких лет.
Это месяц твой – Никогдабрь.

От литературного обозревателя

Интересные словесные находки, последовательно и образно проведенный сюжет. Стоит отметить.

+

Стихи у автора очень молодые, свежие. С повышенным вниманием к звучанию слов, поисками новых форм, словесной игрой.

«Это месяц твой – Никогдабрь,
Это город твой – Навсегдад...»

И очень хорошо, что только словотворчеством автор не ограничивается, а пытается и в такой своей и своеобразной форме выходить на более интересные образы

«...бес-
козырная дама тьмы...»

и убедительные поэтические обобщения

«С каждым вздохом теряя вес,
Испаряются наши сны...».

Текст органично закольцован, но, пожалуй, этим в значительной мере и исчерпывается. И лирический герой, похоже, полностью тождественен автору стиха.

Некая отстраненность в этом случае явно не помешала бы. Хочется надеяться, что все придет. Со временем.

Безусловно, перспективный автор. Или, как говорят в боксе, «проспект».
В.Г.

Подборка стихотворений Евгения Овсянникова

Нет солнца этому миру

Нет солнца этому миру, и нет ему тени,
Пока ты взлетаешь вверх, минуя мосты, ступени,
Узрев под застывшим дождём, что шёпотов нет и песен,
Что слишком велик простор, и тем уже тесен,

Что встречный ветер захлѐб – текуч, ну а воздух - вязок,
Что реперов нет, маяков и вех и иных привязок,
Ведь рад бы упасть, запнуться, застрять на строке отточий,
Но нет: всё – сим-салабим, а не авва-отче.

Так выбери век и дом, где проснуться снова,
Примерить - венок лавровый? венец терновый?
И солнцем стать для кого-то (живущим, жившим?)...
В мире без тени, под этим дождем застывшим.

Чиж мой деревянный

В туман, как сталкер, вброд ступая, уходит лес,
Он в кружелях тенѐт истаял, во мгле исчез,

В эфирных прядях хлорофилла, в узорах жил,
«Куда попал ты, робин крузо, и где ты был?»

До родникового соседства, до естества,
Щекочет нос от пуха детства – едва-едва,

Где одуванчики хмельные, пыльца дерев,
И цвет шафрана и кипрея, и львиный зев,

И шмель, качавшийся на вербе, в янтарный дром
С последним чеховским “Ich sterbe...” ушёл добром,

И деревянный чиж, летящий через года,
Мальчишкой брошенный, попавший ко мне, сюда.

Первопуток

Ты - эхо той звенящей тишины,
Что возникает перед первым звуком -
Быть может, метронома мерным стуком,
А может быть - дрожанием струны.

И белый шум, и вечные снега,
По первопутку вдаль скользящий полоз,
И голос...нет, пусть позже будет голос,
за кадром, а пока - лишь берега,

На дни и мили длинные поля,
Вернее то, что было берегами,
И не зима, а осень бело знамя
Повесила, укрыта им земля

Урочища, где пепел очагов
Под слоем обжигающего снега,
Как касса букв ледовых и слогов -
Речная дельта, альфа и омега.

* * *

Шиты белыми нитками стёжки-дорожки зимы,
И не бог весть какой нужен здесь следопыт-аналитик:
Не науки, напрасно умеющей множество гитик,
А наитий – случайных открытий волшебной суммы.

И за шагом неслышным тогда есть читаемый след
На понятном наречье зверья или мира пернатых,
«Полюби – и поймёшь», и уже в небесах тридевятих
На любые вопросы готов моментальный ответ.

Окрапивило ветром, приправленным снежной крупой.
Где подранок прошёл, там цепочка следов – опечаток
На краю окоёма дрожит в белизне непечатой
Тонкой бисерной нитью, ничейной визирной тропой.
Закуржавел подлесок. Морозом армирован дром.
Бездыханна марена. Измором – и гладом, и хладом -
Крепость-осень взята. Не грусти над её листопадом,
Зимний полдень уже колокольным звенит серебром...

Июльская ночь

Город, июльская ночь, и как будто впервые -
Все атональные шорохи, запахи, тени,
Это цикады на ясенях, маги живые?
К горнему хОрому тихих аккордов ступени?

Звездный ли дождь, как всегда, ксилофонит по крыше?
Голос из прошлого, арфы эоловой струны?
Песни филидов? Но шествие дальше и тише...
Ветви рисуют на небе и ноты, и руны.

Дремлют русалки над бледной июльской водою.
Завтра споранья им снова бежать на работу,
Бросив полвзгляда в озёр зеркала, чья забота –
В небо глядеться и помнить Луну молодою.

Месяц опять накромсал облаков из тумана.
Рыба плеснёт иль махнёт тебе веточкой ива,
Не удивляйся, ничто в этой жизни не странно,
Если красиво, мой друже, запомни, - лишь если красиво...

Фокус

А снег в предчувствии воды
Плывёт легко и бестелесно
Сквозь арки, стройки и сады,
Ему ни солоно, ни пресно,

Он в кадре тёмного окна
Проявлен фонарём, разглажен
И взгляда закреплён фиксажем,
И блёсток пыль подметена.

А на площадке во дворе
Снег поглощает лепет детский,
Его съедает пёс соседский
Со взглядом старого скопца
И, во щенячество впадая,
Он голубей сгоняет стаю
С перил ближайшего крыльца.

И, воплощенный в сизарях,
Испуг промелькивает в ленте -
В проёме чёрном октября,
В затвором пойманном моменте.

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ПРИЗЫ от учредителей Премии имени Игоря Царева В НОМИНАЦИИ «ПОЭЗИЯ»

Совет учредителей Международной Премии имени Игоря Царёва принял решение: по итогам поэтического конкурса «Пятая стихия – 2015» никому из участников не присваивать почетное звание «Победитель конкурса -2015».

Однако были отмечены четыре стихотворения, каждому из которых члены Совета учредителей отдали свое личное предпочтение. Автор каждого из них получил «Приз симпатии учредителя» и материальное поощрение.

Елена Копытова (Рига, Латвия) –

«Дымы отечеств»

Приз Ирины Царёвой – жены Игоря Царёва, писателя, академика Академии Российской словесности - «За высокую эмоциональную напряженность текста, его искренность и трагичность»

Клавдия Смирягина (Санкт-Петербург, Россия) –

«Ночь кудель сонливо тянет...»

Приз родителей Игоря Царёва – профессора Вадима Петровича Могилы и преподавателя словесности Екатерины Семеновны Кирилловой – «За проникновенность строк и высокий уровень стихосложения»

Галина Булатова (Казань, Россия) –

«Река»

Приз МОО «Изба-Читальня» - «За глубину ощущения Родины и своей причастности к ее истории».

Наталья Малинина (Ярославль, Россия) –

«Вербное»

Приз Людмилы Николаевны Мережко – заслуженного работника культуры РФ, руководителя Московского Литфонда – «За создание яркого по лиризму и поэтичности произведения».

ЛАУРЕАТЫ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПРИЗОВ В НОМИНАЦИИ «ВЕРНОСТЬ ПАМЯТИ»

Александр Лихолёт (Донецк, Украина)

*Лауреат конкурса «Пятая стихия-2015» в номинации «Верность памяти»
Международной премии имени Игоря Царёва*

Риторика о плакатистке

На чей-то взгляд я обернулся.
И человек мне улыбнулся
Устало, умно и добро.
Предупредив вопрос возможный,
Он мягко молвил: «Я - художник».
И вместе мы вошли в метро.
И рассказал он о плакатах,
О фоне их голубоватом
И розоватом фоне их -
Совсем нетворческих работах,
Где нет простора для полёта,
И чуда в линиях прямых.
Он рассказал, что чёрный с белым
Переплетаются умело
На чистой свежести холста,
Потом добавил огорчённо,
Как научился белый с чёрным
И сам он путать иногда...
Он рассказал, что Днепр в разливе
Подобен буйной конской гриве,
Когда размалывают тишь
О камень грубые подковы
Под сечей древней и суровой...
В две ж краски это не решишь...
Сгущалась даль. Кончался вечер.
И я кивнул ему: «До встречи...»
И как зовут его - спросил.
Он имя тихо мне ответил,
Но смял слова внезапный ветер,
И дождь знакомство оросил.

Спутница

Не подруга, не жена -
Мы едва-едва знакомы.

Только рядом шла она,
Как и я, вдали от дома.
И казалось, полуслова
С ней достаточно вполне,
Чтобы сразу невесомой
Стала ноша на спине.

Так и шли мы - след во след -
По нехоженому миру,
Выбран был ориентиром
От звезды далёкой свет...
Но когда тропа свела
В глушь, куда звезда упала, -
Чуть отстала.
И пропала.
И полмира отняла.

Озёрная звезда

прости разъезды города
встреч вышедшие сроки
пускай озёрная звезда
пройдёт сквозь эти строки
пускай небесный светлячок
с тоской соединённый
пронизет твой живой зрачок
и взгляд моих зелёный

ты платье белое надень
и веточку сирени
сорви и кинь в далёкий день
где наши сны и тени
где я в руке держал как дым
цветы иного мая
сиренью белой с голубым
тебя воображая

идёт по озеру звезда
по доле человеческой
печалью доброго суда
и еженощной встречи
как милосердный знак видна
чему не повториться
ко дну уйдёт
коснётся дна
и в небе отразится

Восточная любовь

ну как тебе сказать что душные подвалы
давно уже не ждут струн песенных моих

или простить тебе уснувшие пиалы
с рубиновым вином за полночь для двоих
или просить тебя о времени где срочно
пестреет в ярлыках веселий и утех
испитая уже тоска двух одиночеств
всем не доставшаяся стоящая всех

найти ли вновь тебя в гаданиях незримо-
загадочном пути судьбинных воевод
там чуткая мечеть ждёт крика муэдзина
как левая ладонь веленья твоего

мохнатый плач лесов и шорохи наитий
столпились у окна в мерцающую ночь
и всхлипывает дождь и путаются нити
и лёгким сквозняком их сон уносит прочь

всё будто бы прошло
но белый запах лилий
но тёплые плоды из рыночных корзин
не греют холода моих студёных линий
и мёрзнет в облаках парящий муэдзин

Светка

Сквозь крышу в дырах дождь протёк
На потолок моей квартиры.
И обвалился потолок.
И обнажилась крыша в дырах.

Ты онемела, чуть вошла.
И увидали мы с тобою
Громов разбухшие тела,
Дождей начало столбовое...

«Я так устала, мой родной,
От твоего смешного дома,
С тобой сдружившегося грома,
Дождя в компании с тобой»...

И тихо плащ прошелестел.
И следом дверь закрылась, ноя.
Мой дом волшебный опустел.
А дождь плясал и песни пел,
И гром смеялся надо мною.

Валерий Голубев (Сергиев-Посад, Моск.обл., Россия)

*Лауреат конкурса «Пятая стихия-2015» в номинации «Верность памяти»
Международной премии имени Игоря Царёва*

"В моей крови..."

В моей крови следы былых веков,
Следы былых побед и поражений,
Отметины от тягостных оков
И сладость упоительных сближений.
В моей крови — единство и раскол,
Сомнения, шатания и... вера,
Поправший все свободы произвол
И сила жертвенного светлого примера.
В моей крови...
Чего там только нет,
Чего в ней не намешано судьбою
Страны и предков в вечной гонке лет...
Так как же мне согласным быть с собою?
Как жить в согласие с совестью своей,
В согласие с истиною светлой и Всевышним?
О, Боже, чтоб в сей жизни быть не лишним,
Наставь на путь и подскажи ответ.

Медведь-шатун

Медведь-шатун,
Покинувший берлогу,
Голодный, злой, шатался по лесам...
Почти как он, и я шатаюсь сам,
Пытаясь выйти на дорогу к Богу.
Нарушил рок счастливой жизни сон.
Уклад привычный начисто разрушен.
Брожу тревожен и неблагодушен,
Но рвётся из груди
Не грозный рык,
А стон.

Нас качали руки матерей

Нас качали руки матерей,
Бабушки качали нас в колясках,
А когда мы стали матереть,
Жаркие укачивали ласки.
Изредка качало нас вино,
Но чуть-чуть, не так чтобы и спьяну,
Если в жизни было нам дано
Видеть дно гранёного стакана.
Иногда качало ветром нас,
Трудной обессиленных работой,

Почитавших передышки час
Чуть не высшим благом или льготой.
Часто нас качали поезда
В переездах да в командировках,
А когда спешили мы, тогда —
Самолёты на «воздушных горках».
И всю жизнь качала нас судьба
На своих волнах то в бриз, то в бурю.
Мы привыкли к качке, и борьба
С бурями — сидит у нас в натуре.
И качали мы своих детей,
А потом уже качали внуков...
Без особых жизнь прожив затей,
До последней дожили разлуки.
Нас в конце качали руки всех,
Кто нас нёс в последнюю дорогу,
Уплывали мы на волнах тех
То ли в землю, то ль в объятья к Богу...

Впервые ехал не гостить...

Впервые ехал не гостить - спасать:
Кормить, поить да растирать и мазать,
Навязывать лекарства и рассказы,
Без задней мысли что-то записать.
Всё время сам готовил и стирал,
Мыл маму, пол, бельё сушил и гладил.
Казалось бы, что всё уже наладил...
И всё ж - обвал. И - горестный аврал.
Отныне в жизни круглым сиротой,
Сам - дед седой, остался я без мамы
В итоге неизбежной смертной драмы,
Что ставит точку вместо запятой.
Потом впервые в жизни отмечал
В ограде скорбной мамин день рожденья,
Шепча молитвы и прося прощенья,
И горькие глотая сожаленья,
Что опустел родительский причал.

Недооценённому

«Спасибо», втайне сказанное, шёпотом (!)...
Довольствуйся и этим, мой дружок.
Наученный суровой жизни опытом,
Не множь обид проглоченных должок
И неустанно продолжай трудиться,
Любить людей, с достойными дружить.
А для признанья, как сказал Капица,
В родной стране ты должен д-о-л-г-о жить!
Не доживёшь — признают после смерти.
А может — не признают н-и-к-о-г-д-а
Твоих заслуг в житейской круговерти,

Но это будет не твоя беда.
Как говорил когда-то Плиний-младший:
«Я сделал всё! Пусть стыдно будет им,
Моих заслуг немалых не признавшим —
Забвеньё будет платой им самим».

Виктор Маньков (пос. Новый, Удмуртская Республика, Воткинский район, Россия)

*Лауреат конкурса «Пятая стихия-2015» в номинации «Верность памяти»
Международной премии имени Игоря Царёва*

Внимая сказок чудесам...

Моим дорогим землякам

Внимая сказок чудесам, я не ропщу
На непредвиденные омуты и мели...
Ловя в Ершовке – речке детства – редких щук,
Мы от речных щедрот немели, как Емели.

Являл Ершовский чудо-юдо рыба-кит
Грёз корабли в Осинке – отрочества речке.
Из плена пены Тулвы – юности реки
Душа Русалочки в полон брала сердечки.

Учила Кама – жизни матушка-река
Непредсказуемости омута и мели...
И мы, Ивана не дурней – без Горбунка,
И без печи, но не беспечнее Емели,

В сердцах мечты береговые сберегли:
Пенорождённая Венера-Афродита
Ведёт по щучьему веленью корабли
За горизонты курсом сказочной орбиты.

И пусть за бризом грёз пока безмерна былъ
Семи морей дороги к тридевятым царствам...
Да ниспошлют не штормовые волны миль
Под киль семь футов без подводного коварства.

И, может статься, в свете странствий Царь Гвидон
Приветит хлебом-солью острова Буяна...
Да здравствуй, Кама, Волга, Каспий, Волго-Дон
И необъятность Мирового океана.

Ода рыбаку

Я с детства равнодушен к зимней ловле:
Морозить время ради окунька,

Но слово разумения замолвлю
О силе притяженья рыбака.

Когда ни сна, ни отдыха не зная,
Он вновь среди безмолвия снегов
Походкою пингвина ковыляет,
Причисленный к разряду чудаков.

Когда в уединеньи замирает
Над лункою. Не всяк его поймет.
Но я, как ни печально, понимаю,
У самого бывает не клюет.

Когда сидишь, в одну уставясь точку,
Просверливая время, как бурав,
Виня ума бездарную заточку,
И мыслей нелегированный сплав.

Приманок форму, и места меняя,
Впадаешь в образ горе – игрока:
Не приплывает рыбка золотая,
Не ловится заветная строка.

Но, несмотря на невезенья муку,
Смакуешь привалившую лафу,
Воображая пойманную щуку –
Матерую, зубастую строфу.

И наконец-то зримая поклевка:
Ликует изможденная душа
При виде слова, пойманного ловко –
Живого, энергичного ерша.

Наш Пушкин

Рождённый в праздник Вознесенья
Со светом гения в крови,
От скучно-праздного веселья
Искал душе своей спасенье
В свободе, творчестве, любви.

Блистал «французом»-лицеистом,
С латынью древней – налегке,
Любвеобилен и неистов,
Звучал – на русском на лучистом
Речисто-русском языке.

Вольнолюбивыми волнами
Познав судьбы крыло и крен,
Был поэтичными чертами
Далёк от полетичной гаммы,
Но коронован музыкой-Керн.

За честь, за творчество, свободу –
С бесовской пулей визави...
Наш Пушкин светом небосвода
Сияет с Гор Святых народу,
Взойдя со Спаса на крови.

Поэтам ноября

Когда меж дождиком и снегом
В ночи теряется рассвет,
Готов нести свой крест поэт,
Зачатый Альфой и Омегой.

«Зарёй божественного света»
Михайло Ломоносов стал,
Рождая соль семи заветов –
Могучей мысли капитал.

Певцом серебряного века
Из ноября шагнул пророк:
Явил собою образ Блок –
Апостола и человека.

Вновь осень: в духе классицизма,
Картины Тютчева полны
Природной силы, динамизма
Во власти русской тишины.

Свежи Некрасовские думы
О лучшей жизни на Руси...
Он в красках осени угрюмых
Дорогу к свету отразил.

«Цветная осень – вечер года»...
И детям сказочник Маршак
Даёт понять «за шагом шаг»
«О том, как хороша природа».

Сквозь «грусти жёлтые дожди»
Шёл Симонов «Последним летом»
За затерявшимся рассветом,
«Чтоб счастье было впереди».

Лист в ожидании строки
Желтеет, чтоб родиться снова
Златой живицею Царёва,
«Любя и веря вопреки...»

Чу!.. В осенении рассвета
Межзаревого ноября

Рождение близится поэта –
Уже в поэзии Царя.

Рождество-2015

Светлой памяти Игоря Царёва

*«...Пропитает светлый воск веры
Узловатый фитилек жизни...»
Игорь Царёв "Рождество-2007"*

Новогодний снег – связной с небом
Утепляет у деревьев корни...
Вдохновлённый молодым снегом,
Разгулялся ветерок-дворник:
Развесёлый, озорной, смелый,
Отдыхая от былой стужи,
Снежным вальсом над землёй кружит,
Стелет будущего лист белый.

Новый след не омрачит глади,
Снег хрустящий под ногой вязок,
А душа ликует, ввысь глядя,
Не жалея горловых связок...
День теряется в ночи скоро,
Нарезвился доброхот-ветер,
Стал морозно-кружевным город,
Храмы, словно маяки, светят.

Над негаснущей свечи крышей
Чудо теплится в ночной рясе
Снова веткою взмахнёт яшень,
В ожиданьи торжества свыше.
Вновь небесная блеснёт сфера
И Рождественской звездой брызнет:
«Пропитает светлый воск веры
Узловатый фитилёк жизни»!

Олег Вайс (Шверте, Германия)

*Лауреат конкурса «Пятая стихия-2015» в номинации «Верность памяти»
Международной премии имени Игоря Царёва*

предчувствие разлуки

шипела в старом патефоне
"Бостоном" стёртая игла,
сквозь чернь оконного стекла
упала тень на подоконник.
луна, висящая над крышей,
светила, споря с фонарём,

и свет зари был третьим лишним,
нам угрожая будним днём.
уже шуршал метлою дворник,
сменив уставшую иглу,
борясь с предчувствием разлук,
я целовал твои ладони.

октябрь

блекнут краски, шелест глуше
у слежавшейся листвы,
мне б хоть парочку веснушек -
- к ним за лето так привык.
всё трудней собрать из листьев
яркий, красочный букет,
хоть берись за краски с кистью,
так наскучил серый цвет.
солнце светит, но не греет,
под бодрящий ветерок
бьётся, словно флаг на рее,
неоторванный листок.
по утрам всё чаще лужи
под ногами льдом хрустят,
поскользнёмся неуклюже -
- сердит нас любой пустяк.
как всегда капризна осень:
то ли дождик, то ли снег,
а октябрь - вообще несносен,
и упрям, как человек.
сразу вслед за бабьим летом,
маскируясь под него,
он пришёл легко одетым,
в снег попал и занемог.
ливнем с крыш течёт бедняга,
в трубах насморком бурля,
под дождём скулит дворняга,
да бранится дворник: "ля"

старый пиджак

обрастает память дырками,
как карманы в пиджаке,
видно часто пальцем тыркали,
сжатым фигой в кулаке.
был всегда в кармане штопор,
провалился он в дыре,
дырку наскоро заштопал,
чтоб не зябнуть в декабре.
ничего, что нафталином
пахнет старый пиджачок,
если в доме нет камина,
подниму воротничок.

сохраню его, как память,
как копилку для наград,
если мало места станет,
поношу на маскарад.
я люблю пиджак мой старый,
хоть он ветхий и дыряв,
в нём удобно и на нарах,
и на праздник Октября.
на приём у королевы
я займу на время фрак,
скину в дырках мой, как невод.
верный старенький пиджак.
и друзья конечно правы:
дело вовсе не в дыре,
ничего, что он дырявый,
важно чтобы душу грел
легче фрак купить, чем память,
даже если не богат,
всё равно, что было с нами,
не вернуть уже назад.

вокзал

в шуме будничном вокзала,
где царил привычный гул,
репродуктор вдруг прорвало,
будто рявкнул Вельзевул.
булькнул что-то, еле внятно,
не прокашлявшись с утра,
был курильщик вероятно -
- хрип из самого нутра.
нищий с сумкой на скамейке,
в ожидальный въехав транс,
в нём просматривал ремейки
- льготный дежавю сеанс.
в многоликости вокзальной,
споря с многоцветьем лиц,
нищий внешности сакральной
- украшение столиц.
и, вливаясь в жизни эхо,
свистнув, литерный ушёл,
на скамейке нищий ехал,
в свой миф, где было хорошо.

весна, перронные часы

часам, висящим на перроне,
в том мае, много лет назад,
молились бабы, как иконе,
прикрыв ладонями глаза.
а эшелон не торопился,
их бабы чувства не щадя,

и Бог за них не заступился,
взяв даже сына у вождя.
резвилось время, как котёнок,
гоняясь за своим хвостом,
а бабы ждали похоронок,
и осеняли путь крестом.
их было много миллионов -
- до неба звёздный эшелон,
и ровно столько же перронов,
их ждущих матерей и жён.
там до сих пор, весною каждой,
прикрыв ладонями глаза,
ждут их в надежде, что однажды,
они вернутся все назад.
а время мчит без остановок,
гоняясь за своим концом,
дай Бог нам не услышать снова,
вой баб с заплаканным лицом.

Петр Голубков (Мариуполь, Украина)

*Лауреат конкурса «Пятая стихия-2015» в номинации «Верность памяти»
Международной премии имени Игоря Царёва*

Хвала и честь!.. (Светлой памяти Игоря Царёва)

Потеря – БЕЗгранична и тяжкА...
Хотелось бы, чтоб знала Украина
«Царя» - Царева, Слова Исполина...
И – восхищалась (хоть исподтишка...)
(Петр Голубков)

Переводы на украинский язык стихотворений Игоря Царева

Прогулка по Тверской-Ямской (Игорь Царев)

*Вдоль Тверской стоят красоточки –
Без пяти минут беременны.
Стоит каждая по «соточке»
За «ля мур» единовременный.*

*Но до них мне – как до лампочки,
Выступаю гордо мимо я,
Ведь со мною моя лапочка –
Моя жёнушка любимая.*

*Не спеша пройдем «Асторию»,
Посидим в тени у гения,
Написавшего историю
Про Татьяну и Евгения.*

*Я куплю цветок на веточке
Моей лучшей половиночке,
Моей рыбке, моей деточке,
Моей музе, моей Ирочке.*

*Мы в метро с моей красавицей
Поцелуемся на лестнице.
А кому это не нравится –
Пусть от зависти повесится.*

Прогуляка по Тверській-Ямській (вільний переклад П.Голубкова)

*Вздовж Тверської - в ряд красунечки,
Без п'яти хвилин «пов'язані».
Варта «соточку» ласунечка
За «ля мурчик» одноразовий.*

*А мені вони - до лампочки,
Виступаю гордо мимо я,
Бо зі мною ж моя лапочка -
Я ж з коханою дружиною.*

*Тихо пройдемо «Асторію»,
Посидимо біля генія,
Написавшого історію
Про Тетяну і Євгенія.*

*Квітку я куплю на гілочці
Кращій власній половіночці,
Моїй рибочці, дитиночці,
Моїй музі, світ-Іриночці.*

*Поцілуймося з красунею
Ми в метро, а не під місяцем.
А кому це надто глумно є -
Хай від заздрощів повіситься.*

Средство от хандры (Игорь Царев)

*Вы еще не пьяны по-настоящему,
если можете лежать, не держась за пол.
Дин Мартин*

*На чашку кофе – десять капель бренди.
Смешаем с дымом, лучше папиросным...
И модус, извините, у вивенди
Минут на пять покажется нам сносным.
А если не поможет (так бывает),
Хлебните водки – «Сделано в России»!-*

*Да граммов триста, да не отрываясь...
На свете лучшей нет анестезии!
Хотя, и триста – доза для туриста,
Для слабака из теплой Гватемалы,
А нашим маргиналам – декабристам
На обогрев души и литры мало.
Зато, какие с литры тары – бары!
Какой кураж, какие посиделки!
А утром можно сдать пустую тару
И докупить пивка для опохмелки,
Прийти в себя, накапать в кофе бренди,
И пить неспешно с папиросным дымом...
И статус-кво для модуса вивенди
Минут на пять покажется терпимым.*

Засіб від нудьги (вільний переклад П.Голубкова)

Ви ще не п'яні по-справжньому, якщо
можете лежати, не тримаючись за підлогу.
(Дін Мартін)

На чашку кави - десять крапель бренді.
Змішаймо з димом, краще цигарковим ...
І модус, вибачайте, у вівенді
Хвилин на п'ять здається стерпним знову.
Якщо ж не допоможе (так буває),
Хлібніть горілки - «Зроблено в Росії»! -
Та грамів триста, та не відривайтесь...
Найкраща в світі та анестезія!
Хоча, і триста - доза для туриста,
Для слабака з якоїсь Гватемали,
А нашим маргіналам - декабристам
На обігрів душі і літри мало.
Зате, які з-під літри тари - бари!
Який кураж, яке смачнее дозвілля!
А вранці, здавши вже порожню тару,
Пивка купити можна для похмілля,
Прийти до тями, знову в каву бренді,
Й неспішно пити з цигарковим димом...
І статус-кво для модусу вівенді
Хвилин на п'ять Вам здасться вже терпимим.

Под луною ледяною (Игорь Царев)

*Не тоскою городскою,
Не Тверскою воровскою –
Тишиною и покоем
Дышит небо над Окою.
Подмигнул далекий бакен.
Слышен сонный лай собаки.*

*Эхо между берегами
Разбегается кругами.*

*У реки сегодня течка.
Вот заветное местечко,
Где она волною чалой
Прижимается к причалу,
Подойдя волной седою,
Нежит берег с лебедою,
А волною вороною
Обегает стороною.*

*Я, наверно, очень скоро
Позабуду шумный город,
Навсегда закрою двери
И, покинув дымный берег,
Через омуты и травы
Уплыву на берег правый
Неземною тишиною
Под луною ледяною...*

Під безодней крижаною (вільний переклад П.Голубкова)

Не тугою вже міською,
Не Тверською воровською -
Віє тишею такою
Чисте небо над Окою.
Підморгнув далекий бакен.
Чути сонний бред собаки.
І луна між берегами
Розбігається хвилями.

А у річки нині течка.
Заповітне ось містечко,
Де вона волною чалою
Тиснеться вже до причалу,
Хвилі сивої водою
Ніжить берег з лободою,
Хвилею ж, ще вороною,
Оббігає стороною.

Я забуду скоро, дійсно,
Галасливе дуже місто,
Назавжди закрию двері
І покину димний берег,
Через вири всі і трави
Відпливу на берег правий
З його тишею неземною
Під безодней крижаною...

Чудаки (Игорь Царев)

*Как мартовские чердаки
Всегда у неба под рукою,
Так и ночные чудаки,
Радеющие над строкою,
Старатели пустых пород,
Пророки от словесной гущи,
Они – обманчивый народ! –
То немощны, то всемогущи.
Упрямейшие из ослов,
С пылающими головами
И умирают из-за слов,
И возрождаются словами.*

Диваки (вільний переклад П.Голубкова)

*Як березневі «піддахи»
Завжди у неба під рукою,
Так і нічні ці диваки,
Що вічно чахнуть над строкою.
Старателі пустих турбот,
Пророки від словесних студнів,
Вони - оманливий народ! -
То немічні, то всемогутні.
Упертіші за віслюків,
З палаючими головами
Вмирають вмиль заради слів,
Відроджуються теж словами.*

Держи фасон (Игорь Царев)

*В твоем раю слова одни.
В твоем аду слова иные –
Они как письма ледяные
Непонимающей родни.
Но как бы ни был страх весом,
Какой бы сон ни повторялся,
Пока ты в них не потерялся,
Назло всему держи фасон.*

*Чтоб небо стало голубей,
Пиши стихи, играй на дудке,
Дари любимой незабудки,
Корми залетных голубей,
Строй планы сразу на сто лет,
Шути, своди с врагами счеты,
Держи фасон, пока еще ты
Не на прозекторском столе.*

*Под капюшоном травести
У смерти ушки на макушке,
Но три прикормленных кукушки
Ее помогут провести.
А если тяжким колесом
Твой век тебя и колесует,*

*Пускай другие комплексуют,
Ты все равно держи фасон.*

Тримай фасон (вільний переклад П.Голубкова)

В раю твоїм слова одні.
Слова в твоєму пеклі інші -
Наче листи ті, крижані,
Що рідні нерозумно пишуть.
Але, який ні снівся б сон,
І жах в мізках би ні творився,
Поки ти в них не загубився,
Всьому назло тримай фасон.

Щоб небокрай поголубів,
Чи вірш пиши, чи дуй у дудку,
Даруй коханій незабудки,
Годуй залітних голубів,
Плануй щось аж на сто років,
Жартуй, чи з кимось зводь рахунки,
Тримай фасон, розширь лаштунки
Поки прозектор не зловив.

Під капюшоном травесті
Чутливі вушка у «бабулі»,
Та три підкуплених зозулі -
Й їй провести здатен ти.
Якщо тяжким все ж колесом
Твій вік тебе і колесує,
Нехай всі інші комплексують,
Ти все одно тримай фасон.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Бесспорной удачей наших конкурсов организаторы считают открытие новых имен. Верим, что с нашей «лёгкой руки» их движение к своему читателю станет активнее.

Всех участников мы благодарим за радость общения с их творчеством и желаем новых творческих успехов!

ОГЛАВЛЕНИЕ

Претенденты на выход в финал в номинации "Поэзия"	8
Виктор Орешкин (Санкт-Петербург, Россия).....	8
Сергей Дедов (г. Гатчина, Россия).....	11
Николай Рогалев (Улан-Удэ, Россия).....	17
Полина Орынянская (Балашиха, Россия).....	22
Лариса Подистова (г. Новосибирск, Россия)	28
Ольга Лазарева (Краснодар, Россия)	33
Константин Никулин (Киров, Россия)	41
Елена Уварова (Алматы, Казахстан)	47
Игорь Стебенков (Москва, Россия)	53
Сергей Смирнов (Кингисепп, Россия).....	56
Ришат Халиуллин (Санкт-Петербург, Россия)	62
Татьяна Жилинская (Минск, Беларусь).....	67
Виктор Хатеновский (Москва, Россия)	76
Геннадий Миронов (Санкт-Петербург, Россия)	79
Алексей Мальчиков (Скопин, Россия)	84
Галина Таланова (Нижний Новгород, Россия)	85
Елизавета Канибалоцкая (Дрезден, Германия).....	90
Призы симпатии в номинации «Поэзия».....	102
Майя Шварцман (Гент, Бельгия)	102
Татьяна Комиссарова (Москва, Россия).....	108
Анатолий Ливри (Уппсала, Швеция)	111
Сергей Курьян (Хабаровск, Россия)	116
Финалисты поэтического конкурса.....	123
Елена Копытова (Рига, Латвия).....	123
Клавдия Смирягина (Санкт-Петербург, Россия)	131
Галина Булатова (Казань, Россия)	136
Наталья Малинина (Ярославль, Россия)	144
Андрей Данилов (Енисейск, Россия)	149

Татьяна Партина (Одесса, Украина).....	156
Марина Матвеева (Симферополь, Крым, Россия).....	160
Ольга Флярковская (Москва, Россия)	167
Евгений Овсянников (Нижний Новгород, Россия)	176
Специальные призы от учредителей Премии имени Игоря Царева	180
В НОМИНАЦИИ «ПОЭЗИЯ».....	180
В НОМИНАЦИИ «ВЕРНОСТЬ ПАМЯТИ»	181
Александр Лихолёт (Донецк, Украина)	181
Валерий Голубев (Сергиев-Посад, Моск.обл., Россия)	184
Виктор Маньков (пос. Новый, Удмуртская Республика, Воткинский район, Россия)	186
Олег Вайс (Шверте, Германия)	189
Петр Голубков (Мариуполь, Украина).....	192

География второго конкурса Премии им. Игоря Царёва «Пятая стихия - 2015»

Российская Федерация

Адыгея - Майкоп
Бурятия - Улан-Удэ
Крым - Севастополь, Симферополь,
с. Владиславка
Марий Эл - Йошкар-Ола
Мордовия - Саранск
Татарстан - Казань
Удмуртия - посёлок Новый

Забайкальский край - Нерчинск
Камчатский край - Петропавловск-Камчатский
Краснодарский край - Краснодар
Красноярский край - Красноярск, Енисейск
Ставропольский край - Ессентуки, Кисловодск,
Пятигорск
Хабаровский край - Хабаровск, Вяземский,
пос. Ванино

Астраханская область - Астрахань; **Брянская область** - пос. Погар; **Владимирская область** -
Гусь-Хрустальный; **Вологодская область** - Вологда; **Воронежская область** - Воронеж;
Волгоградская область - Волгоград; **Иркутская область** - Иркутск; **Калининградская область** -
Калининград; **Калужская область** - Калуга; **Кемеровская область** - Ленинск-Кузнецкий,
Междуреченск, Мыски; **Кировская область** - Киров, пос. Ленинское; **Костромская область** -
Шарья; **Курская область** - Курск; **Москва и Московская область** - Москва, Балашиха, Шатура,
Малаховка, Столбовая; **Нижегородская область** - Нижний Новгород, Кстово; **Новосибирская
область** - Новосибирск, Бердск; **Омская область** - Тара; **Оренбургская область** - Оренбург, Орск;
Псковская область - Великие Луки; **Ростовская область** - Новошахтинск; **Рязанская область** -
Скопин; **Самарская область** - Самара, Тольятти; **Санкт-Петербург и Ленинградская область** -
Санкт-Петербург, Кингисепп, Гатчина; **Саратовская область** - Саратов; **Самарская область** -
Тольятти; **Тамбовская область** - пос. Сатинка; **Тверская область** - Удомля, Вышний Волочёк;
Ярославская область - Ярославль.

Ближнее Зарубежье

Армения - Ереван
Беларусь - Витебск, Минск
Казахстан - Астана, Алматы, Караганда, Усть-Каменогорск
Кыргызстан - Бишкек
Латвия - Рига, Саулкрасты
Узбекистан - Ахангаран
Украина - Киев, Одесса, Харьков, Мариуполь

Дальнее Зарубежье

Бельгия - Гент
Германия - Гамбург, Дрезден
Израиль - Беэр-Шева
США - Нью-Йорк, Лос-Анджелес
Швеция - Уппсала

